



ПИОНЕР 12

ДЕКАБРЬ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пройдут годы, десятилетия, но этот октябрьский день навсегда останется в памяти народной, как яркое свидетельство подлинного торжества ленинских принципов народовластия. И чем дальше будет продвигаться наше общество вперед по пути к коммунизму, тем полнее будут раскрываться отраженные в новой Конституции огромные творческие возможности социалистической демократии — власти народа, власти в интересах народа.

Л. И. БРЕЖНЕВ.



НАРОДНАЯ!

Ранним октябрьским утром, когда под ногами шуршали опавшие осенние листья, ты шел в школу вместе с друзьями и не думал о том, что этот день — исторический. Ты шел в школу, а в это время в Кремле собирались на заседание Верховного Совета СССР народные депутаты: шахтеры и строители новых городов, космонавты и ученые, хлеборобы и воины Советской Армии. Им предстояло принять новую Конституцию родины Ленина, родины Октября — Основной Закон, по которому будет жить наш народ, а значит и ты, дорогой друг.

В календаре твоей Отчизны много памятных дат, которые отмечает весь наш народ. Отныне день **7 октября**, когда депутаты единогласно проголосовали за новую Конституцию, стал **всенародным** праздником — праздником труда, мира и счастья. Конституцию обсуждал и творил весь народ и создана она для народа. Вот почему мы называем ее **народной. «Советская Конституция начинает действовать, жить, работать»,**— сказал в заключительном слове Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Конституционной Комиссии товарищ Леонид Ильич Брежнев, который внес огромный вклад в разработку самой главной книги страны — книги народного счастья.

Советская народная Конституция работает на коммунизм!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»



Советский атомоход «Арктика»,

преодолевая мощный ледовый покров, поднялся в высокие широты

и 17 августа 1977 года в 4 часа утра достиг Северного полюса.

На полюсе поднят Государственный флаг СССР!



...Вы осуществили замечательную мечту русских и советских исследователей Арктики, которая жила в нашем народе многие столетия, и продолжили доброе дело использования мирного атома в интересах развития народного хозяйства страны на благо советского народа.

...Ваш рейс в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции осуществлен на самом мощном в мире ледоколе, построенном руками славных ленинградских судостроителей и энергетиков и вобравшем в себя последние научно-технические достижения советских ученых и специалистов.

Коллективный труд ученых и специалистов различных профессий в таком сложном и, прямо скажем, довольно опасном деле, как рейс к суровому Северному полюсу, еще раз подтвердил высокие моральные и политические качества советских моряков и полярников.

Л. БРЕЖНЕВ

(Из приветствия руководителю экспериментального рейса атомного ледокола «Арктика» — министру морского флота тов. Гуженко Т. Б., капитану атомного ледокола «Арктика» тов. Кучиеву Ю. С., всем участникам экспедиции к Северному полюсу).

НАД ПОЛЮСОМ — СОВЕТСКИЙ ФЛАГ!

К. БАДИГИН,
Герой Советского Союза,
бывший капитан ледокольного парохода «Георгий Седов».

А. НЕКРАСОВ

...Могучий ледокол вышел из Мурманска в открытое море в середине августа, повернул на восток и вдоль берегов нашей страны дошел до 130-го меридиана. Отсюда, положив руль «лево на борт», курсом на норд, он пошел «к Северному полюсу — напролом», выполняя наказ строителя первого в мире мощного ледокола адмирала Степана Осиповича Макарова. Идти было тяжело. Мощный корпус ледокола содрогался от ударов об лед. Льды не хотели сдаваться, но под огромной тяжестью корабля проламывались и освобождали дорогу.

Осколки льдин выскакивали из-под бортов корабля. Далеко в стороны, рассекая ледяные поля, разбегались широкие трещины. Морской рассол проступал в них и темными полосами ложился на снегу. А сзади оставался широкий канал черной воды, в котором плавали куски разбитых льдин.

Впервые в истории человечества самостоятельно плавающее надводное судно дошло до «вершины Земли»! Весть об этом сразу облетела планету.

Корабль пришел на полюс... Наконец-то!

А зачем вообще забираться на полюс?

Как зачем?

Посмотри на карту: видишь, самый короткий путь из Атлантики в Тихий океан лежит вдоль наших северных берегов.

А берега-то какие! Там и лес, и уголь, и золото, и железные руды, и нефть, и газ, и графит, и пушнина, и алмазы, и платина... Богатый край!

А самое большое богатство этого края — люди.

Им досталась нелегкая жизнь. Долгие ночи, морозы, пурга... Нужно помочь этим людям справляться с суровой природой, доставлять им пищу, одежду, машины.

Но везти товары на Север по суше и трудно и дорого. Железных дорог там нет, а на собаках да на оленях не много увезешь. Остается один удобный путь — морем! Самый верный, самый дешевый путь.

Но у этого пути есть враг — полярные льды. Непроходимой преградой стояли они на пути и давили корабли смельчаков, дерзнувших пробраться морем в Сибирь, губили людей...

В 1553 году англичанин Виллоуби взялся отыскать «Северо-восточный проход», как тогда называли Великий Северный морской путь.

Взялся и ничего у него не вышло, не одолел он льдов. И новая английская экспедиция Борро тоже вернулась ни с чем. Дошли до Югорского Шара, а дальше — лед!



Коч — судно русских поморов



Корабль Баренца, затёртый льдом

В 1580 году, опять из Англии, вышли корабли Артура Питта, а проход в Тихий океан так и не нашли. Льды помешали!

Где широкими торосистыми полями, а где сплошным гладким панцирем чуть не трехметровой толщины покрывал лед северные моря.

Поди-ка, совладай с ним. Кораблики были слабенькими, по нашим временам можно сказать — игрушечные кораблики. А лед!.. Он при десяти градусах ниже нуля становится прочным, как кирпич. И ладно бы: замерз и замерз. Так бы и лежал до весны. В крайнем случае с кораблей на сани можно пересесть, конные дороги проложить по твердому льду. Так нет же, все равно не выйдет: не стоят на месте эти ледяные поля. Все вре-

мя плывут куда-то, расходятся, сходятся, налетают друг на друга, крошатся, трескаются, встают ребром. Какая уж тут дорога! Того и гляди в полынью попадешь, в трещину. А то так: ты на восток торопишься, а тебя на запад несет! У Баренца, который уже после Питта из Голландии пошел искать путь в Тихий океан, всего сто тонн весил его знаменитый «Лебедь», но по тому времени это был совершенный корабль. И оснащен по последнему слову тогдашней техники. И моряки были «просвещенные»: широту умели измерять и пройденный путь и время знали почти точно. У Баренца даже будильник был — по тем временам сложнейшая машина, вроде как компьютер в наше время.

Но и Баренца остановили льды. Прошел он вдоль Новой Земли, зазимовал в тех местах, а со льдами не справился.

А простые русские мореходы на своих кораблях-кочах ходили морем и к Новой Земле, и на Беруны (так тогда называли Шпицберген), и морем в Сибирь, в Обскую губу, где тогда стоял богатый город Мангазея. И ничего, проходили и льды побеждали, и еще Баренцу путь показывали. Потому что знали они, когда и откуда приходит лед, когда и куда уходит, и что подо льдом, знали, и когда надо вытаскивать корабли на лед, а когда можно вперед идти.

Но об этих походах не слышали в Европе и много небылиц рассказывали тогда о Севере. К примеру, говорили — и серьезные люди говорили! — что там, на Севере, магнитная сила так велика, что гвозди как клещами выдирает из кораблей!



А Баренц первый рассказал в Европе: есть на Севере магнитная сила, действительно стрелку компаса тянет она не туда, куда в средних широтах, но тянет не сильно, как везде, гвозди из кораблей не выдирает.

Казалось бы, мелочь. А на деле очень важно: сколько смельчаков остановили сказки про гвозди! А сколько смельчаков погибло, поверив показаниям компаса в северных широтах. После Баренца забросили люди надежду пройти Северо-восточным проходом. Решили — безнадежное это дело!

Замерла северная навигация. Опустела Мангазея, опустело ледовое студеное море вдоль северного «фасада» России. Пустынное, непроходимое и полное тайн. Петр I вспомнил об этом великом пути — пути из Атлантики в открытое Тихое море-океан. По его указанию смелые русские моряки на парусных кораблях вышли из устьев сибирских рек и все побережье от Архангельска до Колымы прошли, промерили, описали, положили на карты. Многие погибли при этом, многие материалы этих экспедиций пропали...

И все же неоценимый вклад в науку о Севере, в науку побеждать льды, внесли эти люди. Недаром их именами до сих пор названы моря и мысы, проливы и острова.

В XVIII веке снова пошли моряки искать путь на восток. Шли и высокими широтами, шли и вдоль берегов... И не пробились. Все те же льды прочно стояли на пути.

И снова махнули рукой на Северный путь. Где уж там в Тихий океан пройти, из речки в речку пробиться сквозь льды — и то хорошо, большое облегчение сибирской торговле.

Огромным белым пятном, холодной «страной безмолвия» лежали на карте полярные страны.

И вот настал XIX век. Появились паровые машины, вышли в плавание пароходы, железные дороги опутали мир. Были составлены карты всей планеты...

Казалось, нет на свете задачи, которая не по плечу людям, вооруженным новой машинной техникой. И чем труднее была задача, тем больше охотников находилось решить ее. Тем почетнее считалось решение.

Одной из таких задач было достижение Северного полюса.

О том, что делается вокруг полюса, немного уже знали. Китобои доставили эти сведения в Европу. А что там, на самом полюсе, можно было только гадать. Фантасты писали тогда толстые романы о покорении Северного полюса. Поэты писали стихи...



Широко распространилось мнение, что на полюсе есть твердая земля, что есть там уголь и другие полезные ископаемые, и новая сила — погоня наций за мировым престижем — погнала людей на Север.

Честолюбивый сын английского народа Парри со спутниками решил пешком, по льдам дойти до самого полюса.

Но удивительное дело: Парри стремительно шел вперед, а неумолимое движение льда, дрейф, гнало его назад, к берегам Шпицбергена. Парри сдался.

Нашлись другие: на кораблях, на собаках, на лошадях, пешком шли смельчаки к полюсу. Австрийцы на отлично подготовленном судне «Тагетгоф» высоко забрались в полярную область, пристали к необитаемому острову, который оказался одним из островов большого архипелага, и зазимовали на нем. До полюса они не дошли.

Швед Андре решил на воздушном шаре проникнуть к

полюсу. Много лет спустя нашли его предсмертные записи и фотографии...

Совсем по-другому решил пробиться к полюсу Фритьоф Нансен. Он решил продрейфовать к полюсу вместе со льдами. Запасся всем жизненно необходимым на долгий срок, построил небольшой деревянный кораблик «Фрам». Корпус его был яйцеобразной формы и такой прочный, что льды не могли раздавить его, они только выталкивали «Фрам» на поверхность льда.

Далеко на востоке Нансен вмерз в лед. Ветры и течения пронесли его значительно южнее полюса, мимо Земли Франца-Иосифа. Ничего не вышло и у русского исследователя Седова. Царское правительство, больше всех заинтересованное в Северном пути, не раскошелилось на экспедицию Седова. Буквально по копейкам собрав деньги, на плохо оснащенном корабле «Святой Фока» Седов зашел высоко в Арктику.

Когда льды остановили Седова, он, уже заболевший цингой, приказал положить себя на нарты, запряженные собаками, и везти вперед к полюсу. Но и в этом походе ждала его роковая неудача. Седов погиб, не достигнув цели...

Наконец полюс сдался. Американец Пири с берегов Гренландии вышел в свой беспримерный поход и через восемнадцать часов достиг полюса. На поход ушло восемнадцать часов, а на подготовку к нему Пири истратил двадцать три года жизни. Мало что Пири рассказал о полюсе, но кое-что все-таки рассказал. Нет там никакой твердой земли, только лед, непроходимый, сплошной лед на сотни миль вокруг.

Примерно в то же время произошло событие, на которое сначала никто не обратил внимания: русский пароходчик Бритнев «изуродовал» свое восьмидесятипятисильное судно «Пайлот», на котором он перевозил людей и небольшие грузы из Кронштадта в Петербург и обратно. Бритнев срезал нос своему пароходу: вид у «Пайлота» получился неважный. Ходить он стал намного хуже: подминал и гнал воду перед собой. Над Бритневым посмеивались конкуренты, считавшие себя знатоками морского дела. Но вот наступила осень. На «Маркизовой луже» (на Финском заливе) появились первые льдинки. Еще с неделю проходили пароходики и стали на прикол до весны. На две-три недели до полного ледостава Кронштадт должен был замереть, полностью отрезанный от Большой земли.



Корабль „Святой Фока" на зимовке

Тут-то «Пайлот» и показал себя: не очень быстро, но очень уверенно он пошел в свой обычный рейс, спокойно подламывая под собой лед.

На все время, пока лед не встал, «Пайлот» был единственным средством связи между Кронштадтом и Петербургом. На следующий год Бритнев внес некоторые изменения в конструкцию и построил новый пароходик «Бой». Это и были первые ледоколы, но никто не обратил на них внимания.

И только русский адмирал, исследователь океана, Степан Осипович Макаров изучил изобретение Бритнева. Макаров хорошо разбирался в кораблестроительном деле, был непревзойденным знатоком Арктики, и уж он-то лучше других понимал, что там, в Арктике, делается погода для всего севера России. Понимал он, и как нужны ледоколы Северному морскому пути.

Он писал: «Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столь, сколько Россия».

Царское правительство, больше всех заинтересованное в постройке мощного ледокола, вроде бы и соглашалось на постройку, но не хотело раскошеливаться.

Тогда Макаров обратился к богатым сибирским купцам, доказывал им, как важен Северный путь для вывоза леса и графита, как важен ледокол для Северного пути, и наконец убедил правительство.

Лучших ученых того времени привлек Макаров к разработке проектного задания на постройку ледокола. Знаменитый химик Менделеев принимал участие в этой работе. Наконец условия были выработаны и объявлен конкурс. Английская фирма «Армстронг» взялась построить ледокол в десять месяцев всего за полтора миллиона.



Ледокол Бритнева 1862 г.

Макаров торопил и экономил. Он знал, что может построить корабль посильнее. Но это обошлось бы дороже, а царское правительство могло бы передумать или поскупиться.

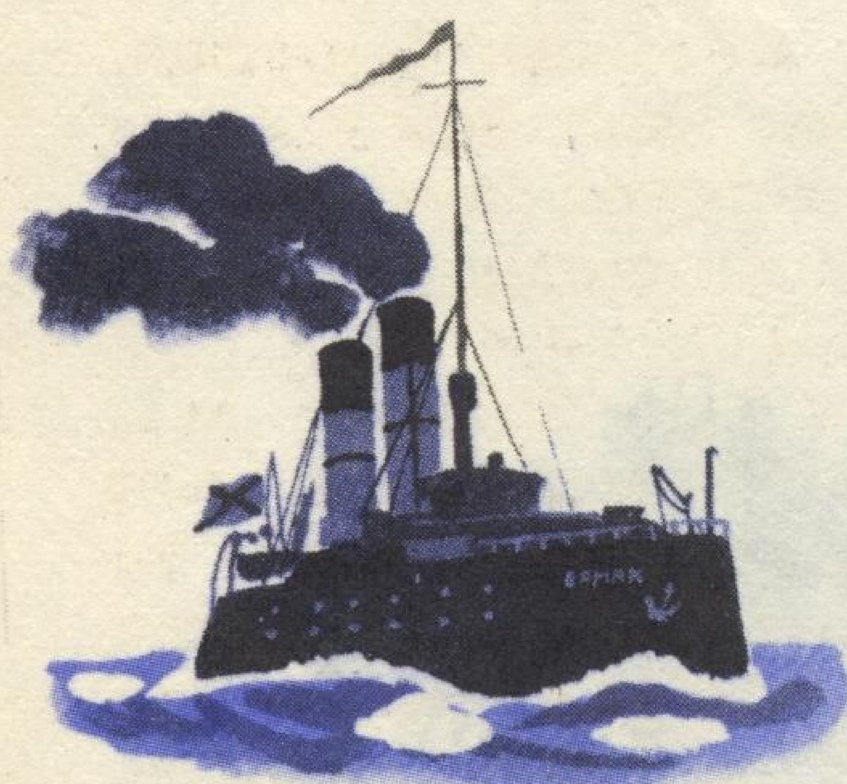
20 марта 1899 года макаровский ледокол «Ермак» уже работал в Ревельском порту (теперь Таллинском), выводя пароходы, которые там вмерзли в лед.

А 10 июля «Ермак» пошел в свой первый арктический поход в Ледовитый океан. Недалеко от Шпицбергена корабль был остановлен льдами. Он дошел только до 78° 30′ северной широты. Парусники хаживали севернее! Тут 20 марта «скула» корабля прогнулась... «Ермак» пошел на ремонт.

С усиленным носовым креплением «Ермак» снова пошел в полярные льды через

одиннадцать суток получил пробоину от удара об лед и вернулся. Макаров отказался от мысли пробиться на «Ермаке» к полюсу. Он и раньше понимал, что для победы над полюсом нужен ледокол водоизмещением не меньше пятидесяти тысяч тонн и с большим запасом угля. А «Ермак» имел водоизмещение всего десять тысяч тонн! Но рассчитывать на постройку нового ледокола Макаров уже не мог.

За те короткие дни, которые «Ермак» провел в арктических льдах, Макаров успел сделать очень многое: гидрологические разрезы, магнитные наблюдения, астрономические измерения, промеры глубин, определение скорости дрейфа и течений — все это было выполнено отлично. До сих пор полярники изучают материалы походов «Ермака». Но в то время мало кто понимал значение этих знаний. Узнав, что полюса Макаров не достигнет, царь изъявил свое неудовольствие. Правительственные газеты на все лады стали высмеивать Макарова. «Пустой затеей» называли они «Ермак», «мыльным пузырем». Кричали, что это выброшенный на ветер миллион. Поговаривали, что на слом пора «Ермаку». Но тут кораблю «повезло» — новый русский броненосец «Адмирал Апраксин» сел на мель в Финском заливе, и тяжелые льды встали вокруг. Помочь ему не мог ни один корабль. Новый броненосец, стоивший четыре с половиной миллиона, грозил вот-вот пойти на дно. Но тут подоспел «Ермак». Он взломал льды, вывел броненосец и провел его в порт Аспе на ремонт. Царь и министры «простили» Макарову постройку «Ермака», но новые ледоколы строить по-прежнему не хотели. Макаров написал книгу «Ермак» во льдах». В конце этой замечательной книги он написал такую фразу:



Ледокол „Ермак"

«Говорят, что непобоборимы торосы Ледовитого океана. Это ошибка. Торосы поборимы. Непоборимо людское суеверие».

В 1917 году Советская власть установилась в России. С первых же дней молодое Советское правительство поняло значение Великого Северного морского пути. По всему побережью и на островах выросли полярные станции. Четверка советских полярников провела знаменитую зимовку на льдине, в районе полюса. Ледокольный пароход «Георгий Седов», как когда-то «Фрам», продрейфовал через весь полярный бассейн. Научные результаты этих экспедиций принесли новые знания о полярных льдах. И сейчас каждый день приносят их разведчики армии полярников — зимовщики полярных станций.





Атомный ледокол „Ленин"

Не забыли мы и о ледоколах. С первых лет Советской власти наш народ стал строить мощные ледоколы для обеспечения Северного морского пути. Каждый год новые советские ледоколы ломают льды вдоль берегов Сибири и помогают нашим и иностранным кораблям беспрепятственно идти за енисейским лесом, за обскими грузами, а кому надо, и дальше — до Колымы, до Тихого океана и обратно.

С каждым годом мощнее становились советские ледоколы, но по-прежнему у всех этих ледоколов был один большой недостаток: уголь, который они могли взять на борт, быстро сгорал в топках мощных котлов, а без угля ледоколы были бессильными.

И только когда гений советского народа раскрепостил энергию атома и заставил ее работать для мирных целей, родилась идея создать атомный ледокол, который практически сколько угодно может плавать, не пополняя запаса топлива.

Первый в мире атомный ледокол «Ленин» был спроектирован и построен советскими учеными, инженерами и рабочими-корабелами и давно работает по проводке караванов по Северному морскому пути. Хорошо и спокойно идти за таким ледоколом. Капитаны ледовых судов знают, что атомный ледокол не бросит их на полдороге, не уступит



Карта похода к Северному полюсу атомного ледокола „Арктика"

перед напором льда и доведет караван куда нужно.

Хорош ледокол «Ленин»! Но все же и у него оказались недостатки. Ученые учли их и спроектировали ледокол «Арктика».

Вся страна строила этот ледокол: металлурги готовили высококачественный металл, приборостроители создали навигационные устройства, позволяющие без труда определять точное место и направление судна, атомщики создали безвредный для человека, мощный энергетический узел, художники-дизайнеры подумали о том, чтобы уютно и красиво было на ледоколе, чтобы каждый квадратный метр был использован рационально.

Вот и выходит, что весь народ строил ледокол «Арктика» и строил его для всего народа, потому что Северный морской путь — это наше народное дело. Мы взялись превратить Северный морской путь в нормально действующую, круглогодовую транспортную магистраль, и мы сделаем это.

На своем пути «Арктика» атакует лед, взбирается на него, давит своим чудовищным весом и уверенно идет дальше, оставляя за кормой широкий канал во льду. А там, где слишком тяжелы льды, где даже такую громадину выдерживает ледяной панцирь, там вступают в строй могучие насосы, перекачивающие тысячи тонн воды то в передние, то в кормовые, то в бортовые цистерны. Ледокол раскачивается на своем ледяном ложе, ломает лед и скатывается на воду для нового могучего удара.

Нет, еще не может «Арктика» как по бульвару гулять по полярным льдам, но уже сегодня можно смело сказать: во всем полярном океане не найдется льдов, которые могли бы остановить этот ледокол, раздавить его, как «Челюскина», сковать и увлечь в многолетний дрейф, как «Седова».

Есть у нас атомный ледокол «Ленин», есть «Арктика», есть новый атомный ледокол «Сибирь». Мы можем быть уверены: лед — вековой враг — не страшен нам больше. Побывал же ледокол «Арктика» на географической точке Северного полюса. Побывал!

Рисунки А. БОРИСОВА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ—НАДЕЖДА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Окончание. Начало в № 10.

Рисунки С. ТРОФИМОВА



Смерть Варгунина

Надежда Константиновна, в шляпке под густой вуалью, чтобы не быть узнанной рабочими и учителями и не навлечь на них подозрений полиции (она была ведь под строгим полицейским надзором), пришла на кладбище. Сотни людей, большинство рабочих, собрались здесь, чтобы отдать последний долг Варгунину. Осенний ветер срывал золотые листья с деревьев и щедро сыпал их на открытый гроб. Желающих сказать доброе слово о покойном было много. Распорядитель с черной повязкой на рукаве отстранял рабочих, уговаривая: «Ведь не можем мы здесь до полуночи речи разводить». Делегация от школы просила предоставить слово ее представителю, ученику мужской школы Зиновию Трофимову. Надежда Константиновна узнала в молодом рабочем своего ученика, который пришел к ней

Друзья, над свежею могилой
В раздумье горьком мы стоим...
Но чей зарыт в ней образ милый,
Мы вечно в сердце сохраним.

Он дорог нам, как воздух чистый,
Он греет нас, как солнца свет.
Угас навеки взор лучистый,
Теперь его меж нами нет.

Женщины жалобно причитали. Мужчины картузами вытирали слезы со щек. Трофимов выражал чувства тысяч рабочих Шлиссельбургского тракта.

Прощай! Как грустно это слово,
Но мы должны произнести,
Зарывши друга дорогого,
Сказав ему навек: прости!

Не льстясь почетом, ни чинами,
Стряхнувши гордость богача,
Он был нам равный между нами,
Любить друг друга нас уча.

Но рано в нем иссякла сила,
Не кончив много добрых дел.
И вот суровая могила,
Любви, труда его предел!

Как тяжела для нас утрата,
Для нас, униженных нуждой,
Зарыли мы отца и брата,
Его заменит ли другой?

Трофимов оглядел присутствующих.

Зарыли мы отца и брата,
Его заменит ли другой? — горестно повторили присутствующие. Священник взмахнул кадилом. Хор запел «Со святыми упокой». Гроб на длинных холстинах опустили в могилу. Трофимов первый бросил горсть земли. Рабочие подходили взять горсть земли, растирали ее в руках, чтобы не падала с грохотом, как камень, а сыпалась бережно, мягко. Могилу засыпали горстями, руками, лопаты не понадобились. И холм могильный оправили сильными рабочими, по-сыновьи благодарными руками.

Надежда Константиновна горько плакала. Школа дала ей великое счастье приобщения к жизни, судьбе рабочих.

Надежда Константиновна тоже подошла и тоже бросила горсть мягкой земли. «Спасибо вам, Николай Александрович, что вы так много знали, много видели и умели не замечать. Спасибо за ваше благородное сердце».

Кто-то тронул ее за рукав.

— Надежда Константиновна!

— Вячеслав Яковлевич!

— Зарыли мы, Надежда Константиновна, отца и брата, — сказал он, не стесняясь своих слез.

— Да, Николай Александрович давал на школу не только деньги, — он отдал школе, рабочим Шлиссельбургского тракта всего себя, свое сердце.



два года назад в первый класс учиться грамоте. Надежда Константиновна присматривалась к любознательному и старательному рабочему, собиралась включить его в кружок. Помешал ее арест.

Трофимов вышел вперед, встал у открытой могилы и начал читать стихи, свои стихи, которые он мучительно сочинял в течение двух ночей. Звонкий голос рабочего, его молодое лицо, залитое слезами, взволновали сердца рабочих.

Снова на свободе

Надежда Константиновна сидела и зубрила английские слова. Поставила перед собой задачу: пятьдесят новых слов в день, переводить с английского на русский и обратно каждый день пять страниц, учить наизусть несколько стихотворных строк из Байрона, заучивать пять идиоматических выражений или пять поговорок и пословиц.

После кратковременного пребывания на свободе вот уже три с половиной месяца в тюрьме. И за стеной нет друга, Зина сидит в Петропавловской крепости, а к ней подсадили соседку из уголовников. Владимир Ильич совсем рядом. Пишет ей письма. О том, что творится в Петербурге, знает лучше, чем она. Очень беспокоят его «молодые», недавно пришедшие в «Союз борьбы». Они стаскивают рабочее движение с революционных позиций на чисто экономическую борьбу, борьбу за улучшение быта, а он разрабатывает план революционного наступления на самодержавие, на капитализм. И Надежда Константиновна понимает, как измельчалось движение, как принижена борьба. А грандиозное, великое, то, за чем будущее, — выковывается, анализируется, вынашивается там, в тюремной камере № 193.

Итак, стискивает виски Надежда Константиновна и старается вникнуть в суть вспомогательных глаголов «шуд» и «вуд». Иногда охватывает отчаянье, зачем это, к чему все это, когда надо готовиться к большому делу. Но чем осилить тюремную тишину, как не самодисциплиной, не тренировкой воли и мускулов. А силенки сдают. И мама сдает. Надежда Константиновна видит, как от свидания к свиданию сгибается мамина спина от непосильного бремени тревоги за дочь, ее будущее, ее здоровье.

Загремел засов. Вошла надзирательница Мария Семеновна. Растаяло сердце старой тюремщицы. Арестованная ровна и вежлива, всегда чем-то занята.

Мария Семеновна несет зажженную свечку и коробок со спичками. Снимает молча керосиновую лампу и вместо нее в жестяном поставце зажигает свечу.

— Лампа в порядке, керосина полно, — говорит Надежда Константиновна.

— Вот то-то и оно, — многозначительно произносит Мария Семеновна и, стянув губы в трубочку, поднеся руку к раструбу стекла, дует изо всех сил и гасит лампу. В камере сразу становится сумрачно и тоскливо.

— Зачем вы это? — с укоризной спрашивает Надежда Константиновна. — Ведь при свечке совсем читать нельзя, зачем вы лишаете меня света?

Мария Семеновна переминается с ноги на ногу. Ее тень мечется по стенам. Словно большая черная птица залетела в камеру, бьется неслышно в мертвящей тишине о каменные стены и не может уже отсюда вылететь.

— Оставьте мне лампу, ведь февральские ночи такие длинные; и сегодня мой день рождения, неужели я должна провести его в потемках?

Надзирательница видит в глазах девушки отчаянье, мольбу.

Мария Семеновна нагибается к Надежде Константиновне и шепчет:

— Не моя воля, барышня, приказ вышел, чтоб во всех тюрьмах заместо керосиновых ламп свечи выдать. Говорят, — уже совсем тихо зашептала она, — в Петропавловской крепости одна политическая из лампы керосин на себя вылила и подожглась. Сгорела живьем.

Наде становится холодно. Она плотнее заворачивается в мамин платок, недоверчиво смотрит на надзирательницу.

И вдруг обжигает мысль: в Петропавловской крепости — Зина Невзорова. Неужели? Нет, нет, нет.

— Как фамилия политической заключенной, что сожгла себя? — спрашивает и боится услышать ответ.

— Не знаю, не знаю. Говорят, политическая, а кто, бог ее ведает. Царство ей небесное, — крестится Мария Семеновна. — Не положено разговаривать, — вдруг сердито вспоминает пункт тюремного устава надзирательница и добавляет приказным тоном: — Что я тебе рассказывала, забудь, будто не слышала.

И уходит.

Язычок пламени, как крохотный яркий парус плавает по прозрачной поверхности стеарина. От дыхания Нади он колеблется и то распластывается, то тянется вверх, то надувается и, кажется, вот-вот оторвется от своей мачты — черного фитилька — и исчезнет.

Какую грусть навевает огонек свечи. Он не разрежает мрак, а подчеркивает его. И не можешь оторвать от него взгляда и не можешь подавить горького чувства потери. Потери чего? Света!

Надежда Константиновна вдруг вспоминает любимые слова Владимира Ильича: «Света, побольше света!» Он любил свет: свет солнца; вечером в его комнате всегда горела большая керосиновая лампа; он любил свет науки, он мечтал о настоящем народном просвещении, и слово «просвещение» звучало в его понимании как больше света для трудового народа, и самое бранное слово в отношении царского министерства народного просвещения было: «министерство народного затемнения». «Света, побольше света», — говорил он, когда давал указания, как писать листовки, — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» должен осветить самые темные углы царского произвола, мракобесия, чтобы рабочие воочию увидели и сами убедились, в какой темноте живут они. От факела борьбы, зажженного петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», зажглись другие «союзы» по всей России, во всех крупных городах. Значение «Союза», его свет проник далеко за пределы столицы.

А что теперь? После арестов и высылок социал-демократов, сочувствующих им рабочих, руководителей летней забастовки текстильщиков, — какая свеча осталась рабочим? Как ценишь свет, когда вдруг остаешься во мраке.

И снова мысли возвращаются к Петропавловской крепости... Зина не могла сжечь себя. Нет. Слишком оптимистический человек она, с твердой верой в будущее.

Надя ложится на кровать лицом вверх. Над ней навис потолок, сделанный злой рукой архитектора в виде крышки гроба, чтобы в этой могильной тишине узник чувствовал себя заживо погребенным. Поворачивает лицо к свече. Парус чуть-чуть колеблется от потока воздуха из вентиляционной трубы, плывет, плывет. Все же хорошо, что есть такой огонек, кроха солнца. Надя, не мигая, смотрит на него.

На следующий день с утра готовится к встрече с матерью. Четверг. День свиданий. Долго освежает лицо холодной водой — должна выглядеть если уж не румяной, то по крайней мере бодрой.

Сидят в комнате друг против друга, их разделяет длинный стол, чтобы не соприкоснулись руки, чтобы не передали узнице «что не положено». И надзиратель стоит рядом.

— Кто сжег себя? — спрашивает Надя по-французски.

— Не положено говорить на иностранном языке, прекращу свидание, — предупреждает надзиратель.

— Я сказала «спасибо» за поздравление с днем рождения, извините, — смотрит в глаза надзирателю Надежда Константиновна.

Мать отвечает:

— Книги, которые ты просила, получишь завтра, — и многозначительно моргает, благо надзиратель стоит за ее спиной.

Надя понимает: в книгах будет сообщение.

— Да сохранит тебя бог, пусть новый год в твоей жизни принесет тебе много бодрости, радости и, я надеюсь, счастья, — говорит мать.

— Свидание закончено, — объявляет надзиратель.

Снова томительный вечер, и снова маленький яркий парус на столе.

А утром надзирательница, жена жандарма и сама похожая на жандарма, с угрюмым рябоватым лицом, для которой заключенные не люди, притащила пачку книг. Грохнула их на стол.

— Я вам не ломовая лошадь, чтобы столько книг таскать. В следующий раз не понесу, выброшу на помойку.

Надежда Константиновна сдерживает себя.

— Я буду просить своих родных приносить мне самую малость, чтобы не отягощать вас, — говорит примирительно Надя.

Теперь надо ждать вечернего кипятка, именуемого чаем. А пока определить, в какой книге надо искать тайнопись. Вот она, 7-я страница. Еле заметная точка перед 9-й строкой. Машинально перелистывает другие книги. Сейчас ей не до чтения. Ждет кипятка. Из-под большого пальца сыплются страницы толстой книги, и вдруг пахнуло ароматом, весной, солнцем. Что это?

Между страниц заложен букетик пармских фиалок, чуть привядших, примятых, но какой сильный аромат они издают! Как это пропустил чиновник? В тюрьму не разрешают цветов. Наде все равно, как. И сердце подсказало: фиалки от «него», от Володи! Послал с кем-нибудь? Надя разложила на ладони нежные тепличные цветы с хрупкими, прозрачными, словно малокровными, стебельками и поднесла к лицу. И в пропахшей карболкой, сыростью камере вдруг пахнуло такой опьяняющей весенней свежестью, что у Надежды Константиновны защемило сердце. Никогда на воле она не ощущала такой нежности аромата, такой пьянящей силы цветов.

Гремит засов. Надежда Константиновна успевает вложить фиалки в книгу. Надзирательница вошла с чайником. Молча наливает кипяток. Тоненькая дымящаяся струя из заросшего накипью носика медленно наполняет кружку. «Остынет ведь», — с досадой думает Надежда Константиновна. И неужели она, тюремщица, не чувствует запаха фиалок, который наполнил всю камеру сиреневым ароматом? Нет, не заметила.

Надежда Константиновна ждет, когда повернется ключ, вырывает из книги листок, рвет его на полоски и опускает в кружку. А в скважине снова визжит ключ. Надежда Константиновна подносит кружку ко рту, отпивает маленькие глотки, лишь бы надзирательница не заметила «неположенных» клочков бумаги в кружке, с нетерпением следит, как тюремщица вынимает из поставца оплывшую свечу и ставит новую.

Наконец-то ушла.

Письмо от «него». Выпущен из тюрьмы... И рада за него, и сердце щемит, теперь одна, совсем одна под этой крышей. Поздравляет с днем рождения... Через три дня уезжает в ссылку в Восточную Сибирь на три года... «На три года», — с ужасом повторяет Надежда Константиновна. Вынимает из книги фиалки и, уткнув лицо в их прохладные и ароматные лепестки, горько плачет. Плачет второй раз в этой камере. Первый раз — от радости, когда услышала ответный стук в стену Зины и почувствовала, что не одна, что подруга рядом, и второй раз сейчас, понимая, что не будет теперь книг с условным знаком, а если и будут, то очень не скоро. Теперь камера с крышкой гроба наверху словно повисла над бездной... Страшно... А пока он был где-то здесь, может быть, в коридоре за углом, чувствовала себя под его защитой. Отчаяние, растерянность, неуверенность и жуть одиночества. Всхлипывая, стала вынимать размокшие кусочки бумаги... Надеется... На что надеется?.. А дальше... Надежда Константиновна смахивает слезы, читает, что в Петропавловской крепости народоволка Мария Ветрова сожгла себя... Петербург бурлит...

Надежда Константиновна собирает намокшие кусочки бумажки и растирает их между пальцами, лепит катышек.

— Вечная память тебе, Мария, но я так не

поступлю, никогда, ни при каких обстоятельствах.

Надежда Константиновна сидит сложа руки. Еще долго всхлипывает, но слезы облегчили сердце, а весть о страшной гибели Марии Ветровой отрезвила. И снова в руках фиалки, они освежают горячий лоб. «Выдюжу»,— решает Надежда Константиновна. «И он, Володя, надеется». Надеется на ее волю, на ее выдержку.

Зажигает свечу.

Каждый вечер маленький парус гонит время вперед.

Шестнадцатого марта входит Мария Семеновна.

— Собирайте вещи, барышня,— ласково говорит она.

— Что, куда?—спрашивает Надежда Константиновна.

— На свободу.

Васильковые строчки

Штабс-капитан Коротков с мрачным видом наблюдал, как писарь выкладывал на стол из объемистой кожаной сумки пачки писем, открыток, закрыток. Сортировал их и приговаривал: «Красноярск... Минусинск... Тесинское... Шушенское... Ермаковское...».

Работы с каждым месяцем, с каждым днем становилось все больше. Пригнали сюда, в Восточную Сибирь, административно-ссыльных. Расселили их по городам и селам по два-три человека. И все пишут... И всем пишут...

С утра до вечера прикован чиновник жандармского управления Коротков к письменному столу: читает переписку ссыльных с родственниками, друзьями, невестами. Читает по долгу службы: ищет в письмах крамолу. А письма все больше любовные. Иногда ощущал чувство неловкости, словно в замочную скважину подглядывал. Подобных писем ему никогда раньше ни читать, ни писать не приходилось. Когда знакомился со справками на этих ссыльных революционеров, представлялись они ему фанатиками в окулярах, подпольными кротами, подрывающими основы царской России и обреченными теперь на жуткое одиночество в сибирских селах среди неграмотных мужиков. Короткову было по-человечески жаль всех этих петербургских дипломированных инженеров, юристов, лишивших себя неизвестно ради чего и карьеры и будущего.

Но, общаясь с ними ежедневно, заочно, через письма, он невольно входил в их духовный мир и все больше и острее ощущал их превосходство над собой.

Государственные преступники... Живут на восемь рублей в месяц, и все счастливые, все веселые. Ни одной жалобы на растреклятую жизнь, а если и пишут о невзгодах, то с юмором, с веселой шуткой. Начитавшись этих писем, Коротков приходил домой раздраженный, ласки жены вдруг стали казаться фальшивыми, пошлыми, разговоры в гостиных—пустыми, остроты—идиотскими. И он поймал себя на том, что с нетерпением ждет этих писем, что для него стало потребностью прикоснуться к чужому счастью, никогда ему неведомому, к дружбе и товариществу, которых он не испытал, к высокому полету мысли, совершенно непостижимому для его ума и сердца...

Коротков осторожно поддел кончиком спицы клапан конверта, прокатал спицу и извлек письмо. Пишет Александра Розенберг из Петербурга своему жениху, ссыльному Василию Старкову.

«Друг мой милый, дорогой, бесконечно любимый... Верю в будущее, черпаю силы в настоящем. Прочь все старое, ветхое, прочь ложное, грязное; светлое ждет впереди...»

«Мой сокол!»—пишет ссыльному Лепешинскому невеста Ольга Протопопова.

«Мое серденько!»—обращается ссыльный Ванеев к своей невесте Доминике Труховской...

Непонятен и загадочен для Короткова ссыльный Владимир Ульянов. Каждый день он пишет письма в Петербург своей невесте Надежде Крупской. Но какие это официальные письма! Называет свою невесту «Надежда Константиновна» и на «вы». В письме о книгах, о погоде, охоте как бы между прочим сделал ей предложение стать его женой. А через месяц от нее пришел ответ, письмо о книжных новинках, о том, что она ожидает со дня на день решения по своему делу (тоже подследственная, тоже государственная преступница), на предложение Ульянова отвечает: «Женой так женой».

Загадочная пара. Загадочный человек этот Ульянов. Переписывается со всей Россией, и ни к одному письму не придерешься, все как положено, по закону, никаких крамольных мыслей и никаких сантиментов. Внутренний мир его наглухо закрыт для него, Короткова. Книги идут ему пачками, тюками, ящиками. На немецком, английском, французском и русском языках. Философия... Поэзия... Астрономия... Земская статистика... Гете... Тургенев... Военно-конская перепись... Горное дело и металлургия... Пушкин... И опять статистика паровых двигателей.

Коротков сидит и раздумывает. Зачем Ульянову, по образованию юристу, понадобились земские статистические данные по Самарской, Саратовской, Пермской и многим другим губерниям? Чем вызван его интерес к сельскохозяйственному машиностроению? Почему он изучает торговое льноводство, винокурение, табаководство? Зачем ему столько литературы по ткацким промыслам, шляпному производству, обработке металлов? К чему ему брошюра по производству самоваров и гармоний? Понимает штабс-капитан, что неспроста все это, не для развлечения литература. Что-то за этим кроется. Но что? Все это книжонки цензурой дозволенные, далекие от всякой крамолы и револю-



Письмо от «него».
Выпущен из тюрьмы...

ционных идей. От статистических таблиц у Короткова в глазах рябит, пытался читать, через десять минут рот от зевоты судорогой сводило.

Невдомек было штабс-капитану, что в глухом селе Шушенском, в бревенчатой крестьянской избе, при свете немилосердно коптящей керосиновой трехлинейной лампы закладывался нерушимый фундамент величайшей и важнейшей из наук — науки о переустройстве человеческого общества, о создании такого сообщества людей, в котором не было бы эксплуатации человека человеком, в котором раскрывались бы самые прекрасные качества человека, где каждому таланту была бы открыта дорога, общества, построенного на дружбе, взаимном доверии, равенстве и высочайшем уважении человеческого достоинства.

Ленин писал свой огромный труд «Развитие капитализма в России».

Для всех политических ссыльных в Сибири Ульянов — непререкаемый авторитет. Называют его «Стариком, «Старче», хотя этому «старче» всего 28-й год. Книжник? Сухарь? Тоже нет. Матери пишет каждую неделю, называет ее «дорогая мамочка», сестер — Маняша, Анюта. «Нежно целую». А невесте — ни поцелуев, ни ласковых слов. Может, характер такой? Но пишут же о нем ссыльные, что Ульянов «веселый, жизнерадостный, милый», что «Старика» застал бодрым и здоровым... Какой он славный, отзывчивый человек!... Пишут, что провели со «Стариком» весь вечер в мечтаниях. «Уж и помечтали же!..»

«Милый... веселый... славный... отзывчивый... мечтатель», — и такие строгие, деловые письма невесте.

Вот его письмо матери. «Анюта спрашивает — когда свадьба и даже кого «приглашаем»?! Какая быстрая! Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и «приглашай»!

А дальше...

Коротков читал и недоумевал, что сие значит: «Марка благодарю за письмо. Пусть он однако не забывает о гоголевских Иван Андреичах. Не знаю, какие там у вас в России прогрессы, а здесь-то несомненно они в полном цвету и интересуются не только тем, скачет ли штандарт и скачут ли барышни».

Иван Андреич.... Иван Андреич... Коротков выписал на клочке бумаги эти строчки из письма, заклеил конверт и поспешил домой.

По пути он нетерпеливо погонял кучера. Дома на сообщение Капочки, что сегодня к обеду пирожки с ливером, махнул досадливо рукой: «Отстань ты со своими пирогами!» — прошел к себе в кабинет, из углового шкафа вытащил один за другим все семь томов сочинений Гоголя и принялся лихорадочно читать. Последний том вышел только в прошлом году, и страницы плохо листались. Штабс-капитан славился своей любовью к изящной словесности, хотя от юношеской страсти к чтению осталось только тщеславное хвастовство собирательством книг с золотым тиснением на переплете. Книги в его доме стали теперь частью квартирной обстановки.

«Ох, сколько Иванов у Гоголя. Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем... Иван Яковлевич — цирюльник из рассказа «Нос»; Иван Иванович Ерошкин, столоначальник в сенате. Это из «Шинели»... Взял «Мертвые души». Иван Антонович... Иван Григорьевич... Ах, вот, наконец, и Иван Андреевич. «К почтмейстеру, которого звали Иван Андреевич, всегда прибавляли: «Шпрехен зи дейч, Иван Андреич?..» Штабс-капитан потер себе лоб, соображая. «Нет, что-то не то... Может быть, есть еще какой-то Иван Андреевич?» Взялся за «Ревизора». «Действующие лица»... Опять пошли Иваны. Иван Александрович Хлестаков. ...Иван Лазаревич Растаковский... Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер...Э, нет ли здесь какой связи? Там почтмейстер Иван Андреевич, а здесь почтмейстер Иван Кузьмич.

Итак, городничий просит Ивана Кузьмича «для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к нам в почтовую контору, входящее или исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения... А Иван Кузьмич давно занимается этим делом и вот недавно прочел описание бала поручиком: «...барышень много, музыка играет, штандарт скачет».

Лицо штабс-капитана наливалось злой кровью. Так вот каков этот Ульянов, всего Гоголя наизусть знает и предупреждает, что вся переписка к нему, Ульянову, и от него вскрывается и читается. Его, штабс-капитана Короткова, с почтмейстером сравнил, с каким-то идиотским Иваном Андреичем или Иваном Кузьмичом. Ульянов ему, Короткову, отвесил эту оплеуху. Поэтому так осторожен он в своих письмах. Поэтому даже своей невесте не желает писать настоящих писем, не желает посвящать его, Короткова, в свои сердечные дела. И чувство страха, смешанное с уважением и ненавистью к этому ссыльному революционеру, закипает в душе штабс-капитана.

...В печке постреливали дрова, предвещая крепкий мороз, за окном пуржило, в избе был праздничный белый полумрак, и на сердце у Владимира Ильича было предвкушение праздника. Сегодня почтовый день. А вот и почтарь тащит огромный куль, волочит его на полушубке по снегу.

Владимир Ильич выбежал на крыльцо.

— С погодой вас, господин Ульянов!

Да, по сибирским понятиям, это «погода», а по питерским — метель, вьюга.

Вдвоем втащили в избу куль. Владимир Ильич сунул почтарю «на чай» и, потирая руки, присел на корточки, осмотрел поклажу. Так и есть — все было вспорото и зашито заново. «Хоть бы делали это аккуратнее», — с досадой подумал он, развязывая пакеты. Газеты... Их он будет читать по порядку, правда, с двухнедельным опозданием. Пачку писем — ого сколько! — положил на стол. Разобрал книги, сверил со

списком, отметил галочками, расставил книги по полкам, пытал себя, сгорая от нетерпения прикоснуться к «ее» письмам. Сложил оберточную бумагу, намотал клубок бечевки, убрал с пола мусор, вымыл руки и уселся за стол. Писем много — со всей России, из сибирских поселков и от «нее» три письма. «Надюша!» Такой милый почерк, словно улыбка скользит по строчкам. А слова строгие, почти канцелярски-официальные: о книжных новинках, о том, что выписала ему «Сын Отечества», что дело ее еще не закончено, обещают к февралю.

Да, для «Иван Андреичей» ничего интересного, никаких «пассажей» и «жизни в эмпиреях». Очень деловое письмо.

Ну, а что же пишет она ему? Владимир Ильич тщательно просматривает письмо. Подпись «Н. К.» в правом углу письма, значит, письмо с тайнописью. Дата в левом углу — условный знак: проявлять по рецепту, который изобрел для него брат Митя. Владимир Ильич принялся готовить проявитель. Вытряс в стакан с водой порошок, тщательно размешал ложечкой. Взял комочек ваты, смочил раствором и стал осторожно водить поперек письма. Вот они проявляются, голубые строчки, еле заметные, мерцающие, словно написаны острым стеблем василька. Нежные слова любви и молодой тоски, сердечной привязанности, мечты о будущем спрятаны от сальных жандармских глаз, недоступны «Иван Андреичам». О любви — только тайнописью. Оба так боятся чужого прикосновения к этому прекрасному, тайному, только им двоим принадлежащему... Никогда никто не прочтет этих строк, а сердце сохранит их на всю жизнь. Его сердце и ее.

Владимир Ильич закинул руки за голову, сидит зажмурившись, охваченный счастливым чувством. Вновь перечитывает... Проявляет второе письмо, третье... Какие волшебные слова придумывает любовь!

Читает еще и еще раз. Складывает листки и несет их к печке. Огонь гудит, длинными языками уходит вверх; осторожно, словно совершая жертвоприношение, погружает в бурлящий огонь листки с васильковыми строчками. Огонь золотыми змейками пробегает по бумаге, превращает ее в пепел. Серые легкие лепестки улетают вверх. Владимир Ильич стоит и смотрит, не отводя глаз, взволнованный и благодарный судьбе и тем васильковым словам, что превратились в пепел, но оставили горячий след в сердце.

Метет поземка, ветер взвихривает облака снежной пыли, перемешивает с летучими серыми лепестками, засыпает снегом, прячет от посторонних глаз самый пепел.

К полудню ветер утих, выглянуло солнце, и сугробы засверкали голубыми искрами.

Владимир Ильич сунул ноги в валенки, накинул полушубок, надвинул на голову ушанку. Пробежаться по морозу, поиграть с ребятишками в снежки, расчистить ледяную горку, размяться. А потом за письма. Прежде всего письмо «ей». Письмо будет «уважаемой Надежде Константиновне», строгое, деловое. А между строк невидимые постороннему глазу слова поведают ей, Надюше, о том, что любит, ждет. Любовь подскажет волшебные слова, только им двум понятные, дорогие. И никто никогда не узнает о них, только во все большие и малые дела всю жизнь будет вплетаться ажурная вязь васильковых строк.

В путь, в дорогу!

— Что ты все пишешь и рвешь, а я все шью да порю. Не ладится у нас с тобой работа, — с веселой лукавинкой в голосе заметила Елизавета Васильевна.

У матери на сердце было светло и празднично: кончилось почти двухлетнее тягостное и тревожное состояние. Наде назначили ссылку, а это значит, что мать будет целых три года неразлучна с дочерью, а потом...

Надежда Константиновна мучилась над письмом. Заготовка шла гладко, а вот заветные слова тайнописью почему-то сегодня не ложились между строчек. Ведь давно уже было всё ясно: дадут ссылку, будет проситься к нему, своему жениху Владимиру Ильичу Ульянову, в село Шушенское. И письма к нему складывались сами собой. А теперь истерзали сомнения. Именно теперь, накануне отъезда, когда все самое трудное позади.

Следствие по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» было закончено в марте 1897 года. В заключительной записке жандармского управления статс-секретарь Муравьев докладывал царю, что по делу привлечено сто двадцать восемь обвиняемых, установлено, что «сообщество социал-демократов, несмотря на аресты большинства его представителей в 1894 и 1895 годах, не прекратило своей деятельности и, присвоив себе наименование «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», продолжало пропаганду среди фабричного населения путем распространения в широких размерах различных подпольных листовок... Стремясь к изменению существующего экономического и государственного строя в России.., помянутый выше «Союз борьбы» поставил своей ближайшей задачей пропаганду социалистических идей среди заводских и фабричных рабочих... Члены названной партии... возбуждали в участниках сходок стремление к улучшению быта путем упорной борьбы с капиталистами и правительством».

Тринадцать человек из ста двадцати восьми были выделены жандармским управлением особо, как руководящее ядро, и Надежда Константиновна Крупская среди них. Ей вменено в обвинение, что она, «поддерживая близкие связи с рабочими, вводила в их среду своих единомышленников». «На допросах Надежда Круп-

ская, в числе пяти других, «упорно отвергала всякую свою виновность».

Надежда Константиновна с чистой совестью может смотреть в глаза своим товарищам. Когда Владимира Ильича арестовали, она более девяти месяцев исправно выполняла свою роль «наследника» и фактически встала во главе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и знаменитой тридцатитысячной стачки петербургских текстильщиков. Владимир Ильич одобрил поведение ее в тюрьме и во время следствия по ее делу. Любовь их светла, ясна и полна радостных надежд. Так почему же сейчас на сердце стало так тревожно, когда так близка встреча и через несколько дней они с матерью тронутся в путь, к нему, в Шушенское?

Елизавета Васильевна уже с беспокойством поглядывает на дочь, старается постигнуть ее внутреннее состояние. Наблюдает, как Надя написала чернилами уже которое по счету письмо и, приложив к нему тяжелое мраморное пресс-папье, долго раскачивает его. Вздохнула. Обмакнула другое, чистое перо в прозрачную жидкость и с отчаянным видом смотрит на «заготовку», боясь прикоснуться к ней тайнописью. Отодвинула письмо в сторону. Взяла чистый лист бумаги, выписывает столбики цифр, что-то подсчитывает... Сжала виски ладонями.

— Ты что? — спросила мать.

Надя не ответила. Принялась снова что-то высчитывать.

— Мамочка, мы с Володей не виделись уже восемьсот семьдесят дней! А до этого были знакомы около двух лет, из которых он почти полгода пробыл за границей! — И такое отчаянье в голосе.

Мать понимает.

— Арифметикой любовь выверяешь? — спрашивает строго, с укоризной.

— Ты понимаешь, он помнит меня совсем другой, я за это время сильно изменилась. Я сама стала уже забывать, как он выглядит. Может быть, он предложил мне стать его женой, потому что скучно там одному.

— Невесело, — согласилась Елизавета Васильевна. — Но самоуничижение паче гордости. В ссылку он не по своей охоте поехал, а вот жену ему никто навязать не может. Только любовь. Хотя вы, социалисты, и очень много говорите о равноправии, но жен-то выбирают мужчины, а не наоборот. В выборе невест у него недостатка не было. Но почему-то он все эти годы добивается именно тебя, и в Петербурге и в Сибири. Любовь, что огонь, слабую — ветер разлуки гасит, а настоящую любовь раздувает в пожар. Ты, может быть, в себе сомневаешься, в своих чувствах?

— Нет, нет, — поспешила ответить Надя. — Я сделала для себя выбор на всю жизнь.

— Думаю, что не ошиблась.

Перечитать бы его письма, но нет их, все поглотил огонь. Все письма о любви тайнописью. Да и нужны ли документы, удостоверяющие любовь? — думает Надежда Константиновна.

И разве выскажешь словами то удивительное чувство, когда ты вместе отправляешься в путь, длина которого в жизнь, и будешь идти с ним, единственным, по нелегкой дороге, избранной обоими добровольно раз и навсегда. По этой дороге идут твои друзья, их много, но он ближе всех.

Надя обмакивает перо в прозрачный раствор и уже уверенной рукой и с легким сердцем пишет одной ей зримыми словами. Это последнее письмо к нему. Последнее. Может быть, она обгонит это письмо в дороге, и они будут проявлять его вместе, а может быть, просто сожгут и посмеются над своими сомнениями. У него ведь они тоже были? Не могло не быть. Она больше года жила в Петербурге на свободе, и у нее было больше возможностей встретить здесь другого. Другого? Надя смеется над такой несуразной мыслью. Проверила, высохли ли строчки, запечатала письмо, надписала адрес. Горячо поцеловала мать в щеку. У Елизаветы Васильевны слезы на глазах.

— Я пойду опущу письмо и забегу к Зине. Она обещала достать нам переписку. За несколько дней можно еще подзаработать. Еще много книг не куплено, а денег уже нет. И так хочется мне привезти ему в подарок красивую, настоящую петербургскую лампу под зеленым абажуром. А то висит у него на стенке жестяная коптилка. Мне очень хочется лампу красивую и дающую много света.

Лампа в длинном списке вещей стояла в первом ряду. Но книги, словари, которые просил привезти Владимир Ильич, съели все деньги, а у него самого, кроме долгов, ничего нет. Сестра Анна рассказывала, что Володя все время просит сделать ему семейный заем на покупку книг. Поехал он налегке, вернее, с тяжелым чемоданом книг. А женщинам нужно так много — всякие кастрюли, поварешки, скатерти, занавески и тысяча всяческих хозяйственных мелочей.

— Лампу, лампу, — как заклинание, твердила Надя, натягивая на плечи жакет...

Борис Андреевич застал Елизавету Васильевну в хорошем настроении. За последние два года впервые увидел на лице старого друга улыбку.

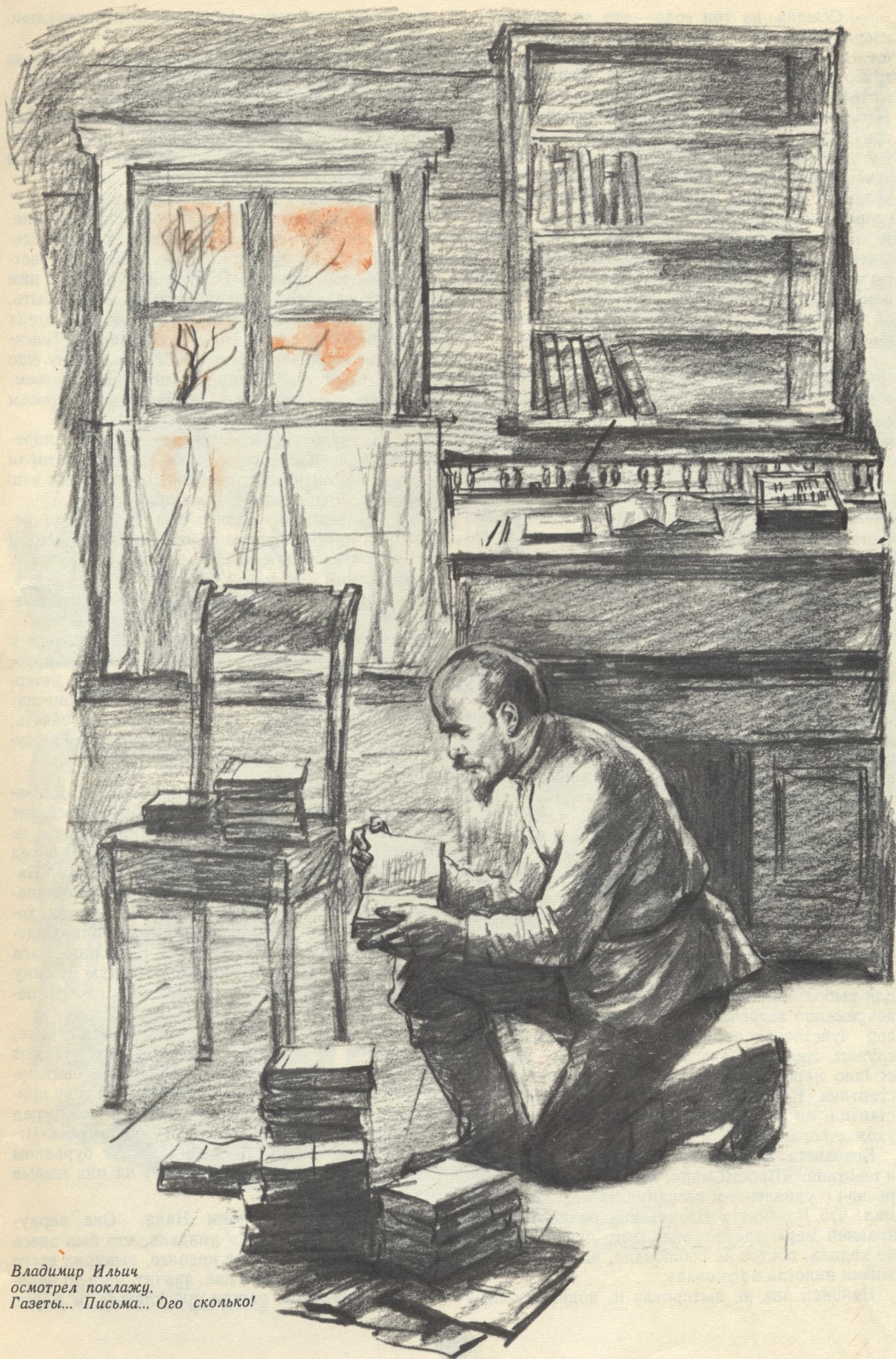
— Какие-то хорошие новости, судя по вашему виду? — спросил профессор, целуя руку.

— Да, дорогой Борис Андреевич. Мы с Надюшей едем в ссылку на три года. В Восточную Сибирь, — торжествующе произнесла Елизавета Васильевна.

Борис Андреевич покачал головой, уселся в свое любимое кресло, закурил и выпустил изо рта целое ожерелье голубых дымных колец.

— М-да, — произнес он. — Я бы понял вас, ваше радужное состояние, если бы вы сообщили мне, что Надежду Константиновну оправдали, что вы получили большое наследство и едете на воды за границу.

Елизавета Васильевна весело рассмеялась, отложила в сторону шитье, тоже взяла папиросу из коробки. Борис Андреевич поспешил зажечь спичку.



Владимир Ильич осмотрел поклажу. Газеты... Письма... Ого сколько!

— Ссылка на три года — это же отлично! — воскликнула она. — Мы боялись, что дадут больше. И Надюше разрешили вместо Уфы ехать к своему жениху в Шушенское. Кончилась эта тягомотина со следствием, неопределенность. Нас теперь уже не разлучат по крайней мере три года. Нет, до самой смерти не разлучат. Ну как же не радоваться? — Елизавета Васильевна посмотрела на Бориса Андреевича отсутствующим взглядом. — До самой смерти... — повторила она и неожиданно предложила: — Поедемте на Воскресенское кладбище. Я хочу попрощаться с могилой Константина Игнатьевича, попытаюсь сделать там одно дело. И потом вернемся домой. Надя побежала к Зине.

— Охотно навещу старого друга и буду навещать его, пока вы будете в вашей Сибири.

Сеялся мелкий дождь. У Московской заставы сошли с конки. Кладбище было расцвечено яркой молодой зеленью. Обильно цвела черемуха. Вдоль забора расположились торговцы с цветами. Елизавета Васильевна купила корзину рассады. Вместе с Борисом Андреевичем под большим, начинающим зеленеть вязом посадили цветы. Борис Андреевич поклонился и оставил Елизавету Васильевну одну. Она приложила ладонь к могильному холму, мысленно сказала всё, что сказала бы мужу при жизни. Быстро пошла к выходу, где ее ждал профессор.

— Мне надо еще зайти в контору, — сказала она. — Обождите меня, пожалуйста.

Елизавета Васильевна вышла из конторы радостная, и вместе с тем какая-то виноватость была написана на ее лице.

Шли молча. Борис Андреевич думал о своем друге Константине Игнатьевиче, о том, что он благодарен его дочери Надюше, которая сумела заставить его, старика, встать в строй и делать хотя и маленькое, но полезное дело. На квартире профессора собирались молодые члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», не стесняясь его присутствия и вполне доверяя ему, жарко спорили. В обширной библиотеке Бориса Андреевича хранилась нелегальная литература, которую он теперь сам с жадностью читал. Даже аквариум, или, как его прозвала Надюша, Саргассово море, тоже служил делу. Борис Андреевич ходил на рынок, покупал корм для рыбок, камешки и подводные растения и одновременно встречался со связниками. Профессор чувствовал себя нужным и понимал, что служит делу рабочего класса. Ему было не стыдно перед памятью старого товарища Константина Крупского. «Я не боец, дорогой Константин, но я полезный человек, и это дает мне удовлетворение».

Елизавета Васильевна вздыхала, крестилась и шептала: «Прости меня, господи». Борис Андреевич с удивлением взглянул на нее. Он не думал, что Елизавета Васильевна религиозна, по крайней мере твердо знал, что в церковь она не ходила, постов не соблюдала, на бога в своей жизни никогда не уповала.

Наконец она не вытерпела и, подняв полные слез глаза на Бориса Андреевича, доверительно сказала:

— Я совершила большой грех... Продала свою могилу... мне вернули за нее сто рублей... Нам с Надюшей так необходимы деньги. Большие расходы. Едем за свой счет... Накоплений никаких. Весь наш заработок за уроки уходил на пропитание да на выплату долгов, которые я наделала, пока Надюша в тюрьме сидела...

Потрясенный Борис Андреевич молчал.

— Борис Андреевич, голубчик, скажите мне, только вполне, вполне откровенно, я плохо сделала? Костя не простил бы мне этого? Я чувствую себя изменницей. Ведь теперь рядом с ним положат какого-то незнакомого и, может быть, неприятного для него человека. А я так хотела бы быть рядом с ним. Но что поделаешь? Помирать я не собираюсь. Я нужна Наде. Я хочу еще пожить, пожить Надиной жизнью, ее счастьем, ее интересами, которые так близки интересам ее покойного отца.

— Не надо оправдываться. — Борис Андреевич остановился, снял очки, долго протирал их. — Константин, несомненно, одобрил бы ваш поступок. Вы сделали правильно.

— Ну, спасибо, спасибо вам. Я долго не решалась, но когда увидела, что Надя все деньги потратила на книги, а себе отказывает в самом необходимом... И потом ей очень хочется повезти жениху в подарок красивую лампу под абажуром.

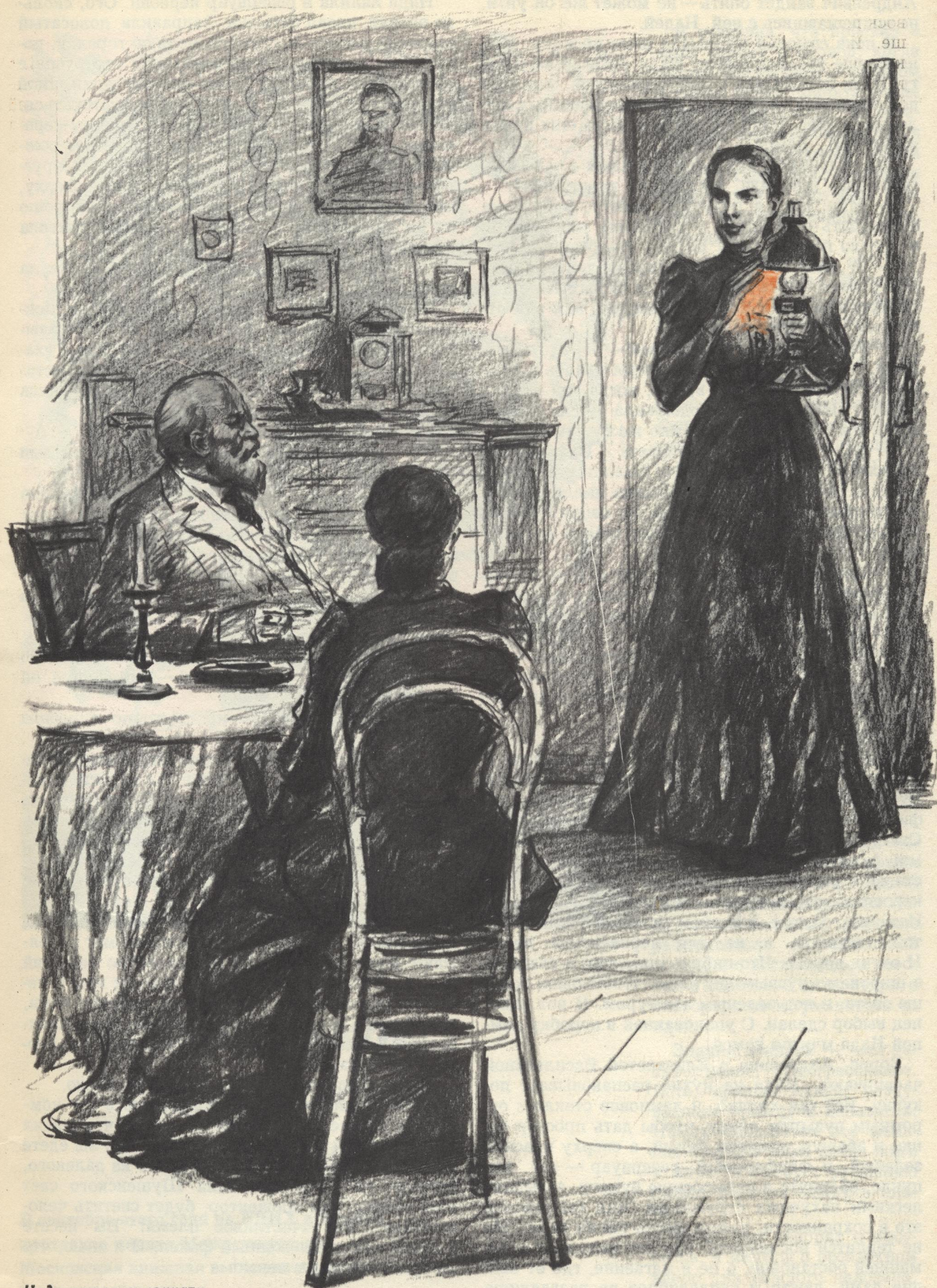
Елизавета Васильевна повернулась лицом к кладбищу, которое походило на веселый, ярко-зеленый островок среди серых домишек петербургской окраины, поклонилась и произнесла:

— Прости меня, Костя! Горько сознавать, что мне суждено умереть вдали от тебя. Где будет моя могила?

...Семнадцать лет пройдет после этого. Елизавета Васильевна весь остаток жизни посвятит делу, которому служили Владимир Ильич и ее дочь. Умрет она в Швейцарии, в Берне, перед смертью прикажет, чтобы сожгли ее прах. Надежда Константиновна затем в своих воспоминаниях напишет: «Мы так и сделали, как она хотела, — сожгли ее в бернском крематории. Сидели с Владимиром Ильичем на кладбище, часа через два принес нам сторож жестяную кружку с теплым еще пеплом и указал, где зарыть пепел в землю».

Пройдут еще многие годы. И в нашей стране, где никто не забыт и ничто не забыто, узнают люди о желании Елизаветы Васильевны быть погребенной возле своего мужа и в 1969 году привезут урну с ее прахом из Берна в Ленинград и захоронят рядом с могилой Константина Игнатьевича Крупского. И не зарастут бурьяном их могилы, и никогда не увянут на них живые цветы...

...Дома ждала с чаем Надя. Она вернулась домой, по окуркам увидела, что был здесь Борис Андреевич, сидел недолго, выкурил всего одну папиросу, а мама две, значит, чего-то нервничала. Наверное, пошли прогуляться, и Борис



Надя вошла в комнату,
неся в руках зажженную лампу.

Андреевич зайдет опять — не может же он уйти, не попрощавшись с ней, Надей.

И пока самовар мурлыкал свою песенку, а на конфорке грелись сайки, Надя уселась за работу: Зина поделилась с ней перепиской, которую получила из Главного управления казенных железных дорог. Надо торопиться. Есть еще время заработать. Лампа... Лампа...

Она услышала, как скрипнул ключ в замочной скважине, вскочила, поспешила навстречу.

— Мамочка, я получила работу, рублей на пятнадцать — двадцать, — сообщила она матери и крепко пожала руку Борису Андреевичу.

— А мне возвратили старый долг, целых сто рублей, — ответила мать и испытующе посмотрела на дочь, словно проверяя, как она отнесется к ее сообщению.

— Ну, теперь мы богатые! — обрадовалась Надя. — Как хорошо в свое время давать в долг и получить его в такое время, когда так нужны деньги! Наверное, ты одолжила очень давно, когда мы получали папочкино жалованье?

— Да, — ответила Елизавета Васильевна, привлекая к себе дочь. — Это было почти четырнадцать лет назад. Это папочкино наследство, и ты должна распорядиться им по своему усмотрению. Это отец благословляет тебя в дальний путь.

— Нет, нет, единственное, что я хочу поскорее купить, так только лампу. Лампу под зеленым абажуром. Я где-то вычитала, что зеленый цвет — цвет надежды...

— Ты можешь сделать это немедленно! — ответила мать, вынимая деньги из ридикюля. — За углом на Литейном продаются отличные лампы.

— И я сделаю это немедленно.

Уже через несколько минут Надя входила в магазин «Стекло, фарфор и фаянс братьев Кузнецовых». Сверкали бокалы, стаканы, графины. Мимо, мимо... Чашки, сервизы... Мимо. Статуэтки, фарфоровые пасхальные яйца. Мимо! А вот и лампы... Лампа на бронзовой подставке с розовым фарфоровым резервуаром для керосина, расписанным летящими девушками. Нет, не годится, слишком помпезно, для богатой гостиной, а не для деревенской избы. И очень дорого. Что-нибудь попроще, а главное, с широким круглым фитилем, чтобы было больше света, и под зеленым абажуром. И вот наконец выбор сделан. С упакованной в коробку лампой Надя мчится домой.

Борис Андреевич с Елизаветой Васильевной чаевничают. Надя на кухне распаковывает покупку. Всё так хрупко, и ламповое стекло с огромным пузырем внизу, чтобы дать простор огню, и абажур, изнутри белый, а сверху красиво зеленый, и фарфоровый резервуар — всё выпукло, обернуто в папиросную бумагу, засыпано легкими пахучими стружками. Как бы довезти это в сохранности, целые шесть тысяч верст. Но не терпится посмотреть, как это выглядит в домашней обстановке, а не в магазине, где от обилия ламп, люстр и канделябров не разглядишь как следует избранный тобою предмет.

Надя налила в резервуар керосин. Ого, сколько входит, целая бутылка. Заправила полосатый широкий фитиль в круглую медную горелку, подула на стекло, стерла пятнышко от пальца с прозрачного пузыря. Долго водила зажженной спичкой по фитилю, а он не хочет загораться. Наконец догадалась, пропитала его сверху керосином, и он заискрился синими неровными рожками, которые постепенно соединились в круглое кольцо пламени. Вставила стекло сверху, как шляпу, надела абажур, проверила, хорошо ли он лег на ободок, взяла за ножку и понесла в комнату.

— Мамочка, погаси свою лампу! — крикнула из-за двери.

Вошла в темную комнату, неся в руке зажженную лампу. Зеленый абажур словно колыхался от пламени и таинственно светился, и глаза у Нади стали совсем зеленые и тоже светились. Поставила лампу на стол. Села, сложила руки на коленях и воскликнула:

— Правда, хорошо?

На скатерти вздрагивал широкий светлый круг.

Борис Андреевич зашагал по комнате, сцепив руки за спиной. Пристально вглядывался в два прекрасных женских лица, освещенных зеленоватым светом. Тонкие, благородные черты матери с посеребренными сединой висками, и пышные, светлые волосы дочери, весь ее светлый облик словно соперничали со светом лампы. Профессор пожалел, что он не художник.

— Надюша, вы не представляете себе, до чего символична эта картина! — воскликнул он взволнованно.

— Какая картина? — простодушно спросила Надя.

— Вот эта, — описал Борис Андреевич руками круг. — Когда-то в детстве вы спросили меня, уже умудренного жизненным опытом, горечью потерь, растерявшегося профессора-нигилиста, когда казнили моих учеников Александра Ульянова и его товарищей; вы спросили меня, что же дальше. Я тогда подумал, что такие отважные юноши и девушки, как Софья Перовская, Андрей Желябов, Александр Ульянов, вспыхивают, как молнии, на какой-то миг разряжают мрак и гаснут. А нужен вечно горящий факел. Я спрашивал себя, кто зажжет его. И теперь я понимаю, что он зажжен, зажжен вами, молодыми. Он в руках таких, как брат Александра Ульянова, — в руках Владимира Ульянова и его товарищей.

Борис Андреевич обнял за плечи Надю.

— Когда я увидел вас, входящую в эту комнату с зажженной лампой, я понял, что дожил до счастливой минуты. Я понимаю, что вы едете в ссылку с большими планами, что из далекого, никому не знакомого села Шушенского свет этой лампы, как прожектор, будет светить человечеству. Вы счастливое племя! Вы несете в руках вечно зажженный факел. И я знаю, что он будет светить в веках!

КОНЕЦ



ИНТЕРВЬЮ ДЕКАБРЯ

Великое множество книг

В сентябре этого года на ВДНХ в Москве проходила первая Международная Московская книжная выставка-ярмарка. Ее почетный гость Президент Всемирного Совета Мира РОМЕШ ЧАНДРА ответил на вопросы нашего корреспондента Сергея Макеева.

Я счастлив, что приехал в вашу страну в период, когда горячо обсуждается народом и скоро будет принята новая Конституция СССР. В организации выставки-ярмарки я вижу подтверждение права народов Советского Союза на образование и духовное развитие, гарантированные Конституцией.

Я один из тех, кто вырос после победы Великого Октября. Люди моего поколения сформировались под влиянием идей коммунизма.

Я родился и вырос в стране, стонавшей под властью британского империализма. Книги Маркса, Энгельса, Ленина были тогда запрещены. С идеями революции мы знакомились нелегально.

Помню дни второй мировой войны. В кровопролитной антифашистской борьбе нам помогали книги советских писателей. Хочу вспомнить в первую очередь тех, кого нет сейчас с нами: Александра Фадеева, Илью Эренбурга, Александра Корнейчука. Они были не только выдающимися литераторами, но и пламенными борцами за мир. Их гуманные книги читают сегодня в Индии, они переведены на многие языки мира.

Когда мне доводилось беседовать с покойным президентом Республики Индия доктором Джавахарлалом Неру, он с большой любовью рассказывал о Советской стране и с восхищением говорил о советской литературе, о благородстве и гуманности ее идей.

Знания и книга — они несут новое, прогрессивное. Есть, правда, книги, раздувающие вражду и ненависть. Но их становится все меньше. Народы мира хотят жить в мире, и этому стремлению людей должны служить книги.

Когда мне говорят о прогрессе, я мечтаю о бесплатном хлебе для каждого человека, потому что миллионы людей на земле голодают. Но не только о хлебе, мечтаю я

Best wishes to the readers of the Pioneer magazine
Romesh Chandra

и о бесплатной книге для каждого. О книге, которая учит бороться с голодом, нищетой и несправедливостью.

На книжных стендах я видел великое множество детских книг и учебников. Я узнал, что скоро в советских школах учебники будут выдавать бесплатно. В вашем государстве все делается во имя человека, для блага человека, лучшее принадлежит детям. Советские книги помогают ребятам вырасти знающими, убежденными борцами за лучшую жизнь. Совсем недавно я был в одной развивающейся стране (не буду называть ее), и президент с грустью сказал мне: «У наших детей нет даже простого обыкновенного мяча, чтобы поиграть...» Советским детям государство дает многое и стремится давать все больше для их развития, образования, воспитания и отдыха. Я знаю, что дети в СССР думают о своих зарубежных сверстниках и помогают им в борьбе за свои права. И это делает советских детей гуманистами.

С наилучшими пожеланиями читателям журнала «Пионер»
Ромеш ЧАНДРА



ЗА МИР НА ЗЕМЛЕ

27 ноября 1975 года Ромеш Чандра вручил Леониду Ильичу Брежневу самое высокое отличие Всемирного Совета Мира «Золотую медаль мира» имени Фредерика Жолио-Кюри.

«Во всей истории не было периода, подобного современному,— сказал Ромеш Чандра.— Его отличительной чертой являются выдающиеся победы в борьбе за дело мира и национальной независимости, справедливости, демократии и социального прогресса.

За все эти изменения мы должны быть прежде всего благодарны Советскому Союзу, советскому народу, его правительству, ленинской Коммунистической партии Советского Союза.

Личная роль товарища Брежнева в достижении выдающихся успехов в деле разрядки, и в особенности в успешном завершении совещания в Хельсинки, чрезвычайно велика.

Ни один человек за последние годы не внес столь большой вклад в борьбу за дело мира и независимости, справедливости и социального прогресса для столь многих стран, как товарищ Брежнев».



ЗНАМЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Время... Мы счет ему ведем на часы и минуты, дни и недели, месяцы и годы. Из десятилетий складываются века. Есть и другая мера жизни человечества — эпоха. Но эпоха заключает в себе не количество истекших лет, а качество, то, чем были наполнены эти годы, какими событиями ознаменовались. Поступь времени неумолима, но без человека, без его ума, воли, таланта время бессильно. Эпоху творят люди: жаром сердец, чистотой благородных помыслов, самоотверженностью борьбы и труда.

Великий Октябрь открыл новую эпоху в жизни человечества. На знамени нашей революции были начертаны слова, понятные и близкие всем простым труженикам планеты: власть — народу, хлеб — голодным, миру — мир!

Нынешний год, год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, был ознаменован еще одним важным событием мировой истории — всенародным обсуждением и единодушным принятием новой Конституции СССР. Советские люди и народы всего мира видят в Основном Законе Советской страны воплощение идеалов подлинного гуманизма и демократии. Вот некоторые высказывания зарубежной печати и видных политических деятелей о содержании и значении новой Конституции СССР.

«В мире нет ни одного капиталистического государства, которое имело бы такую хартию прав, как глава об основных правах, свободах и обязанностях граждан СССР, содержащаяся в новой Конституции СССР».

ЭГОН КРЕНЦ,
кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ,
первый секретарь Центрального совета ССНМ

«Новая Советская Конституция представляет собой документ, имеющий большое историческое значение не только для СССР, но и для всех народов. В нем отражены великие завоевания развитого социализма на фоне социального кризиса капиталистического мира. Новая Конституция СССР — это знамя нашего времени».

РУДОЛЬФО ГИОЛЬДИ,
член Исполкома ЦК Компартии Аргентины

«Советская власть вступает в седьмое десятилетие своего существования всесторонне подготовленной к решению сложных и ответственных задач дальнейшего развития социалистического общества, которое находится на пути осуществления высшей цели — построения коммунизма».

«РУДЕ ПРАВО»,
Чехословакия.

С особым вниманием прочли за рубежом те строки Конституции СССР, в которых говорится о последовательной миролюбивой политике Страны Советов, о справедливых принципах международных отношений, продолжающих идеи первого документа Советской власти — ленинского Декрета о мире. Наша страна боролась за мир, задыхаясь в кольце интервенции и экономической блокады. Сражаясь с самым страшным варваром в мировой истории — гитлеровским фашизмом, двадцать миллионов верных сынов и дочерей Родины отдали свои жизни в конечном счете во имя жизни будущей, за мир, за чистое небо над нашими головами... Словно предупреждение потомкам, горит вечный огонь на братских могилах в городах и селах нашей страны. Советские люди понимают: прочный мир — самый достойный памятник подвигу старшего поколения. Впервые в истории наше государство закрепило свою миролюбивую политику в Основном Законе. В специальной главе «Внешняя политика» сказано: «Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество». Пропаганда войны в нашей стране запрещена законом. Об этом разделе Конституции СССР особенно много пишут и говорят в мире.

«Советский Союз — это первое государство в мире, включившее в свою Конституцию, Основной Закон страны, все 10 принципов международных отношений, сформулированных в Заключительном акте Хельсинкского совещания».

«ДЕЙЛИ УОРЛД», США

«Как дипломат, много лет имевший возможность непосредственно наблюдать жизнь советского народа и государства, я вижу в совокупности этих положений неопровержимое доказательство сугубо мирного характера советской внешней политики, такой, какой ее определил Ленин, мечтавший о том времени, когда государства с различным общественным строем смогут мирно сосуществовать».

МОРИС ДЕЖАН,
бывший посол
Французской Республики
в Советском Союзе

«Конституция СССР в целом и глава о внешней политике, в частности, раскрывают глубоко гуманный характер социалистического общества, его государства и его деятельности на международной арене. Для советских людей, для КПСС и Советского государства миролюбие не фраза, ибо социализм и мир неразделимы».

«НАРОДНА АРМИЯ»,
Болгария

От Декрета о мире к Программе мира—
таков международный курс нашего государства
от первого дня до нашего времени.
Этому пути и этому знамени
наш народ будет верен всегда!



И. Радоман.

Л. И. БРЕЖНЕВ НА ЗИЛе.
1976 год.



У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ УЗБЕКСКИХ ПИОНЕРОВ «ГУЛХАН»-«КОСТЕР»

Дорогие ребята!

ПЕРВЫЙ пионерский отряд родился в Ташкенте в апрельские дни 1923 года...

ПЕРВЫЙ пионерский костер вспыхнул в столице Узбекистана 1 мая 1928 года...

ПЕРВЫЙ номер узбекской газеты «Клич пионера» вышел 1 января 1928 года...

ПЕРВЫЙ номер пионерского журнала «Еш куч» — «Молодая сила» (теперь он называется «Гулхан») вышел в 1929 году.

ПЕРВЫЙ слет пионеров Узбекистана прошел в древнем Самарканде в августе 1929 года...

Много лет прошло с тех пор, когда на древней узбекской земле прозвучало слово «пионер» и пропел пионерский горн. Те, кто тогда носил красные галстуки, прославили нашу республику подвигами ратными и трудовыми. В 1935 году тринадцатилетняя Хавахон Атакулова и ученик 5-го класса Нишанбай Кадыров за помощь родным колхозам в сборе хлопка были награждены орденом «Знак Почета». В годы войны на фронте сражался самолет «Ташкентский пионер» и танк «Ферганский школьник».

Сегодняшние пионеры продолжают традиции первых пионерских отрядов. Они изучают историю Октября, идут по боевому пути М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, помогают выращивать хлопок. И всегда рядом с ними детский журнал «Гулхан». Сегодня он в гостях у всесоюзного журнала «Пионер». Вы познакомитесь с нашей республикой, делами пионеров, со стихами, рассказами узбекских писателей, сможете участвовать в викторине об Узбекистане.

Счастливого путешествия!

Редакция журнала «Гулхан»







ГЕРБ И ФЛАГ

Первый герб Узбекской ССР был официально утвержден в июле 1925 года. 14 февраля 1937 года шестой съезд Советов трудящихся Узбекистана принял новый Государственный герб республики, который ты видишь сейчас перед собой. Его создали студенты Среднеазиатского политехнического института Агзам Абдуллаевич Мухамедшин, Константин Константинович Мещеряков и Иван Вячеславович Дмитровский.

Рядом с красной звездой, молотом и уразбеком — узбекским серпом цветы и раскрытые коробочки хлопка: без хлопка нельзя представить себе Узбекистан. Над землей восходит солнце — символ новой жизни. На ленте венка написано справа по-узбекски: «Бутун дуне пролетарлари, бирлашенгиз!», а слева по-русски: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На банте ленты — золотые буквы «УзССР».

Как и первый герб, первый флаг Узбекской ССР был принят в 1925 году. Нынешний, красный, с голубой полосой, Государственный флаг республики был утвержден шестым съездом Советов Узбекистана.

Книга

Ты видал такую книгу?
Я видал такую книгу:
Не прочтешь ее за месяц
И за тысячу недель.
Эта сказочная книга
Не поместится в портфель.
У нее обложка — небо,
Первый заголовок — солнце,
А страницы — горы, реки,
Буквы — травы и деревья,
Точки — чистая капель...
Я читать ее охотно
Допоздна сегодня буду.
Книга эта — мир открытый,
Все дороги,
Все орбиты
И простор, что людям дан.
Я нашел такую книгу.
Да! Она подобна чуду —
Книга вещая природы,
Мыслей звездный океан.

Перевел
Раим ФАРХАДИ

Рисунки
Т. ЛАРИОНОВОЙ

Рауф ТАЛИПОВ

Любовь к родному краю

Над морем пролетает птица,
За горизонт спешит она,
Сквозь тучи и туман стремится —
Ей даль родимая видна.

Сгустились сумерки, но снова
Та птица продолжает путь.
Гудит волна. Крыло свинцово.
Пора бы птице отдохнуть.

Она спешит. Еще усилье...
И птица радости полна.
Она летит, расправив крылья, —
Ей даль родимая видна.

Шумит, грохочет грозно море,
Но посреди косматых туч,
В лихом, темнеющем просторе
Мелькает птица, словно луч.

Летит. А полоса рассвета,
Как будто ранняя весна...
Дыханьем Родины согрета,
Гнездовью древнему верна,
Летит бесстрашно птица эта —
Земля родная ей видна!

Звездный хлопок

Под вечер звезда
Ясным блещет огнем,
А хлопок сияет
И ночью и днем...
Коробочки хлопка,
Как звезды земли,
Украсив мой край,
На песке расцвели.
А ночью созвездия
Спрятала мгла,
Но хлопка сиянье
Затмить не могла.
Хочу среди звезд,
Где белеет луна,
Посеять хлопчатника
Я семена,
Прилежно следить
За растущим кустом,
Чтоб с дерево ростом
Он вырос потом!
Ура! Средь созвездий
Хлопчатник возник!
В коробочке каждой
Кипящий родник
И хлещет, и пенится...
Куст — как фонтан.
Искрится над ветками
Звездный туман!
Заполнив кипеньем
Ночной небосвод,
На землю мой хлопок
Летит и плывет,
И падают хлопья,
Как в снежные дни,
В раскрытые настежь
Ладони мои...
Лети же, мой хлопок,
Людей веселя!
Будь в белой одежде,
Родная земля!

Перевел Р. БУХАРАЕВ



Камиль ЯШЕН,
Герой Социалистического Труда, первый секретарь Правления Союза писателей Узбекистана

Пусть человек оставит добрый след

Дорогие мои внуки, славные наши ребята! Понимаете ли вы, в какое замечательное время мы живем?

Каждый день мы видим собственными глазами, с каким воодушевлением, самоотверженностью, творческим горением советские люди претворяют в жизнь исторические предначертания XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

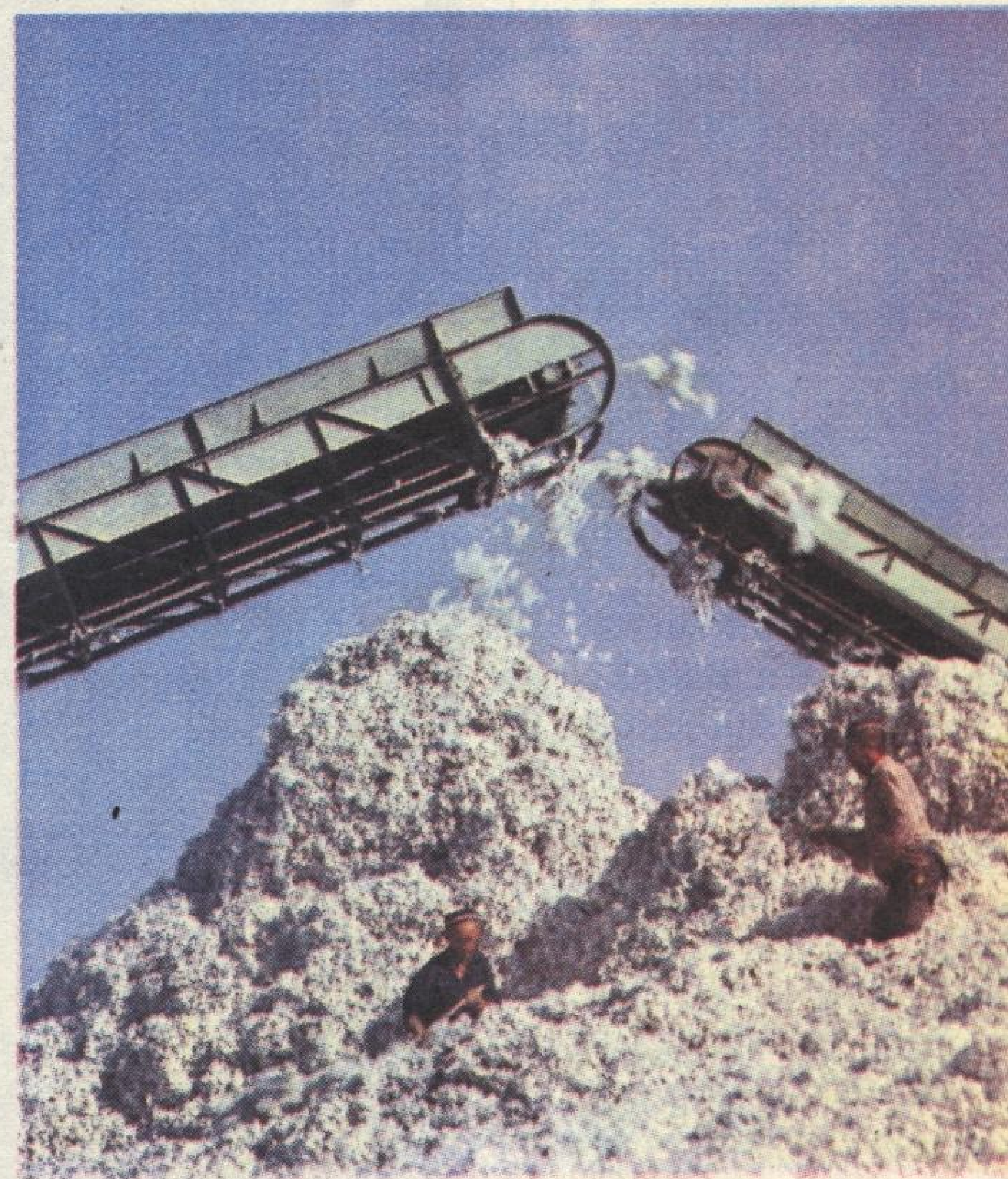
Я был делегатом этого съезда. И сердце мое в те памятные дни наполнялось радостным волнением и гордостью. Я думал о величественном сегодняшнем дне нашей социалистической Отчизны, о ее славном прошлом и о ее прекрасном будущем.

Я думал о том, что все лучшее на земле создается трудом и творческой мыслью человека. И что каждый из нас должен хорошо и много трудиться, чтобы наша Родина процветала и крепла, а наша жизнь становилась еще краше. Золотыми буквами записано в нашей Конституции, что в основе всех наших прав и наших благ лежит мощь и могущество нашей Родины.

В своей исторической речи на III съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи Владимир Ильич Ленин сказал: **«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обо-**



В разгаре строительство Андижанского водохранилища.



Слева — первый памятник В. И. Ленину в Средней Азии, г. Хива.



Так растет хлопчатник. Вверху — гора хлопка, собранного машинами.

Ордена Родины на знамени Узбекской республики.

гатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». А это значит, что вам надо много и хорошо учиться, чтобы найти свое место в жизни, и потом достойно и успешно трудиться.

Все, что создано человеческими руками, разумом, вдохновением, талантом, будь то узор на камне или строка стиха, бережно хранится в благодарной памяти потомков, становится основой, неиссякаемым источником культуры будущих поколений.



Атлас — самая любимая ткань в Средней Азии.

Дорогие ребята!

На одной шестой части планеты Октябрь уничтожил мир угнетения и эксплуатации человека человеком, всем народам земли дал пример победоносной борьбы за освобождение от социального и национального гнета.

Свободный, радостный, творческий труд ради общего блага стал основой нашей жизни. С трибуны XXV съезда КПСС представители разных профессий, разных отраслей труда, съехавшиеся в столицу нашей Родины со всех концов необъятной страны, взволнованно рассказывали о трудовых победах своих товарищей.

Наши славные узбекские хлопкоробы каждую осень воздвигают горы «белого золота» на хирманах республики. У пышущих жаром доменных печей и мартенов несут трудовую вахту металлурги Магнитки и Азовстали. На ударных комсомольских стройках и в первую очередь на строительстве магистрали века — Байкало-Амурской магистрали успешно трудится молодежь. Советские люди прокладывают пути в космос, открывают богатства



Сын чабана.

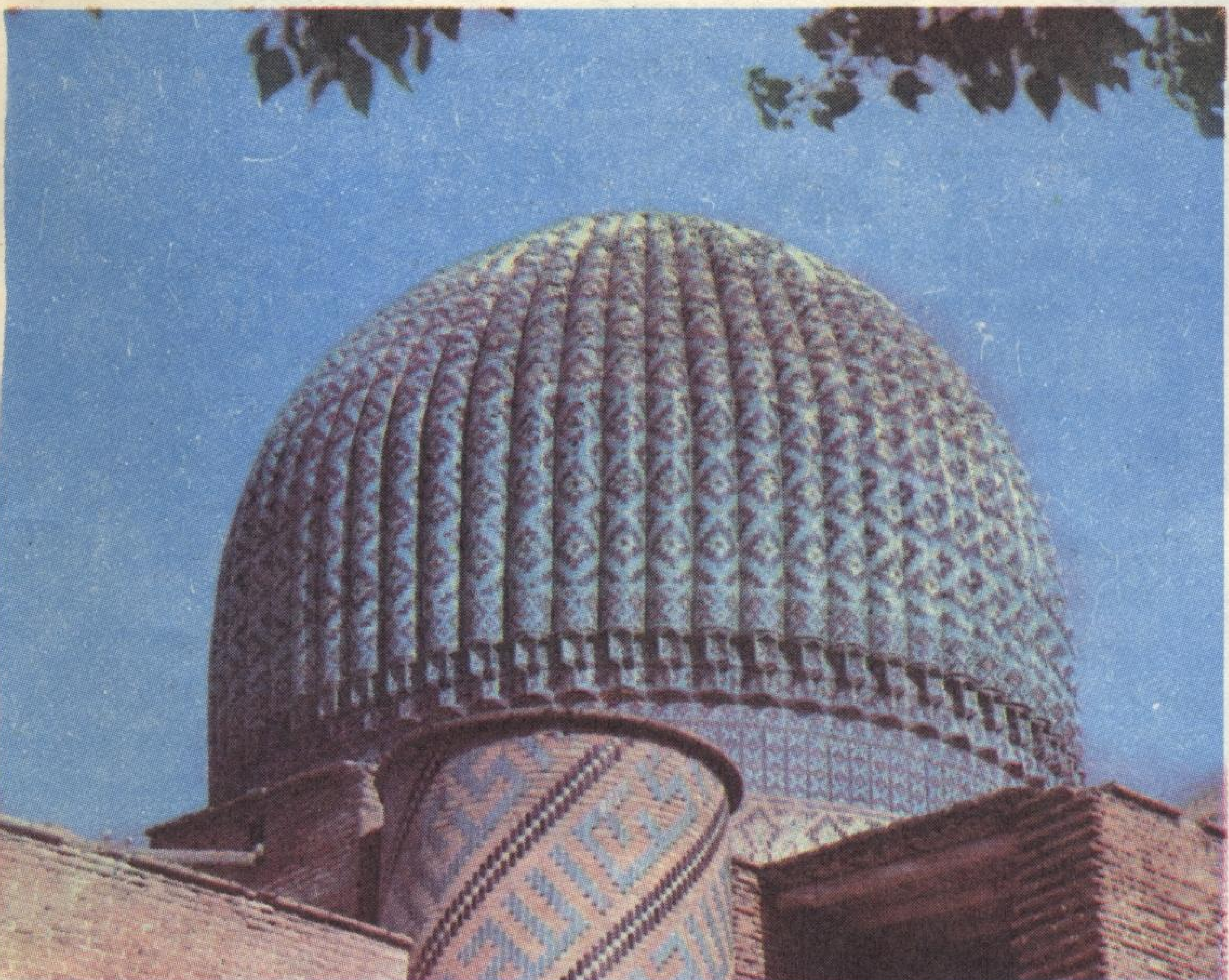
земных недр, ставят рекорды у станков и на колхозных полях.

Наш советский народ — творец. И вы, юные ленинцы, должны быть достойными сынами этого великого народа, хранить и умножать созданные им сокровища культуры, нести в даль веков славную трудовую эстафету.

В Конституции, Основном Законе нашей социалистической Отчизны, отражены все великие перемены в жизни народов многонационального Союза, все наши достижения и победы. Они открывают пути к новым творческим поискам, новым завоеваниям по пути к коммунизму.

Вам идти дальше дорогой отцов и дедов, вам возводить новые памятники бессмертию человека-творца!

Перевела Зоя ТУМАНОВА



Купол мавзолея Гур-Эмир в Самарканде.

Эркин ВАХИДОВ,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана

Абдулла Набиев

Посвящается одному из первых комсомольцев Узбекистана Абдулле Набиеву

Эпохи громовые вздохи.
Гроза
в отрогах горных круч.
Я — искра
огненной эпохи.
Я — молния
в разрывах туч.
Нет, я цветок.
И утром ранним,
как след эпохи огневой,
я пламенеющим тюльпаном
пылаю в памяти людской.
Мой друг, я твой ровесник.
Малый
был мне отпущен жизни срок.
Я был убит.
По капле алой
впиталась кровь моя в песок.
Семнадцать было мне. Свобода,
жизнь открывались для меня.
По зову своего народа
я оседлал тогда коня.
Я мог верхом по степи мчаться,
как ты, играя с ветерком.
Иное выпало мне счастье —
сверкать отточенным клинком.
Я мог бы тихим стать поэтом.
Влюбленно слушать соловья.
Не время! Позабыв об этом,
клинком писал поэмы я.
Земли моей болели раны,
и долг и честь меня вели...
Вот из крови моей тюльпаны
под вольным небом расцвели.
Я знаю счастье Человека,
хоть на земле
и нет меня:
я — искра
пламенного века.
Я — сполох
Вечного огня.

Перевел Равиль БУХАРАЕВ

ХАШАР

РАССКАЗ

Фархад МУСАДЖАНОВ

Рисунок Ю. БОНДАРЕНКО



Небо в тот день было обложено густыми черными тучами, и, хотя малая стрелка часов еще только приближалась к четырем, на улице было сумрачно.

Отдохнув после ночной смены, я занимался домашними делами — шинковал капусту для засолки: зима была не за горами. Сынишка, Шавкат, играл с ребятами на улице — холод-то им нипочем! — и я торопился закончить работу: нужно было к приходу жены приготовить обед. У нас такой порядок заведен: готовим поочередно, да и другие домашние дела делим поровну.

Вдруг, хлопнув дверью, необычно рано вернулся с улицы Шавкат.

— Что, — спрашиваю, — продрог?

— Нет, — ответил он, запыхавшись, — к ним... к соседям грузовик приехал... полный мебели. Гарнитур называется.

— Ну и что ж? Хорошо. Значит, радость в доме будет.

— Да ну их. Попадешься на глаза, попросят помочь сгружать. Мы и разбежались.

Я промолчал.

Почуяв, что неспроста это, Шавкат поспешил оправдаться:

— Да я лучше буду уроки готовить. Трудные завтра уроки.

В голосе его слышались растерянность и беспокойное ожидание: что я отвечу?

— Нехорошо, — говорю, — сын, не по-соседски это.

— А они нам помогают? — выпалил Шавкат.

И я вспомнил вдруг такой же сумрачный день много лет назад. Вспомнил дядю Мели, Джалила, тетушку Бахри. Вспомнил и решил рассказать сыну.

Это было в субботу. Я только что вернулся из школы. Вдруг прибегает приятель мой, Джалил, и кричит:

— Наконец-то! Сколько тебя искать. Собирайся, дядя Мели зовет!

— Дядя Мели? — удивился я. — Зачем?

Дядя Мели жил неподалеку от нас. Когда мы прибежали, он сидел на айване и что-то мастерил одной рукой. Вторую, говорят, ему басмачи отрубили. Увидев нас, дядя Мели поднялся, тяжело ступая, вошел в дом и вскоре вернулся с большой дыней в руке. Ловко разрезав ее, он уложил ломти на поднос и пригласил:

— Ну-ка, угощайтесь.

— Спасибо, я сыт, — ответил я смущенно.

— Ишь ты, персик сушеный, сы-ы-т, — передразнил Джалил. — Ты ведь только что из школы пришел. — И, обратившись к дяде Мели, засмеялся. — Он, как девчонка, застенчивый.

Пересмешник был Джалил и ловкач, каких свет не видывал. А уж клички любил давать! Не помню, чтобы он меня когда-нибудь по имени назвал. То персиком сушеным назовет, то еще как. А слышали бы вы, как разговаривал он с нами! Словно он умудренный жизнью аксакал, а мы все — мальцы несмышленые.

— Ну-ка, поднажмем, — опять рассмеялся Джалил, успевший уже умять два здоровенных ломтя.

А дядя Мели, немного помолчав, сказал:

— Дело, значит, такое. Муж и оба сына соседки вашей, тетушки Бахри, на фронте. Нелегко ей. И годы уже немалые, и здоровьем слаба. Если мы, соседи, не придем ей на помощь, кто же поможет? Пока осень не наступила, надо крышу ей смазать. Когда дожди пойдут, поздно будет.

— Что нам стоит? — подхватил Джалил. — Раз-раз, и сделаем.

— Прикинул я, — продолжал дядя Мели, — в нашей махалле, кроме вас, и ребят-то подходящих нет. Кто постарше, те работают, а малышам не под силу.

— Точно, кроме нас, некому, — шмыгнул носом Джалил. И ко мне: — Согласен, стручок гороховый?

Я промолчал. Уходя на работу, мать наказала мне нарубить дров, полить огород и еще кое-что сделать по хозяйству. Что, если к ее приходу я не успею все выполнить?

— Что ж молчишь, Бадалбай?! Или некогда тебе? — спросил дядя Мели, словно прочитав мои мысли.

— Я? Я тоже... буду работать.

Увидев нас с кетменями и лопатами в руках, тетушка Бахри сперва удивилась, а когда поняла, что мы пришли на хашар, захлопотала, без конца повторяя: «Да что же это, а? Да как же это так?» Вид у нее при этом был смущенный, даже как будто виноватый, словно мы не по своей воле пришли, а нас кто-то заставил.

Двор тетушки Бахри был большой и запущенный. Поплевали мы на руки, как взрослые, и принялись землю вскапывать.

Кетмень в руках Джалила так и мелькал — вверх-вниз, вверх-вниз. То и дело он меня потораппливал.

— Не робей, кислятина, шустрей поворачивайся!

Понаблюдал дядя Мели за нами и говорит:

— Хорошо, ребята, да больно уж торопитесь. Так и устать недолго. Вы старайтесь в одном темпе работать. Хоть и медленнее будет, а все равно скорее получится.

Вскоре земля была вскопана. Теперь нужно было залить ее водой, чтобы она размягчилась. Стали мы с Джалилом ведрами воду из арыка носить.

Вот тут-то пришлось нам попотеть! Сухую землю рыть куда ни шло, а вот густую, вязкую глину месить — это, скажу я вам, не шутка... Вонзишь в нее кетмень, а вытащить — силенок не хватает, словно два пуда в нем. Однако самое трудное было впереди. Когда глина была перемешана, дядя Мели принес из кладовки мешок самана — измельченной соломы. Мы рассыпали его ровным слоем поверх глины, как велел дядя Мели. Теперь нужно было опять все перемесить. А у нас с Джалилом уже сил не осталось. Только Джалил виду не подает. Взял он кетмень и начал месить. Вскоре, однако, смотрю, ни кетменя, ни ног из глины вытащить не может, совсем из сил выбился. Настал мой черед. И тут-то понял я, какая это адская работа. Од-

ну глину месить трудно, а с саманом — вдесятеро трудней.

— Джалил, — говорю, — и зачем саман в глину замешивают, без него нельзя, что ли, обойтись?

— Ха-ха, — слышится, — такой ерунды не знаешь, кукурузный початок?!

— Если знаешь, скажи.

А он и сам, видать, не знает.

— Много, — говорит, — будешь знать, скоро состаришься.

Тут дядя Мели вмешался:

— Будет вам, петухи. Саман в глину добавляют для скрепления. Если одной глиной крышу смазать, ее первым же дождем размоет, а с саманом совсем другое дело, не даст он ей расползтись.

Не заметили мы, как наступил вечер. Мать, только что вернувшаяся с работы, увидев, что двор не убран, огород не полит, а сам я с ног до ушей в глине, рассердилась и уже начала было отламывать прут. Хорошо, что я успел торопясь, глотая слова, рассказать, как было дело. Так и обошлось.

На рассвете меня разбудил дядя Мели. «Давай-ка, — говорит, — дружище, по холодку поработаем, а то солнце припечет, худо будет». Пока я собирался, он успел и Джалила поднять.

Во дворе у тетушки Бахри дядя Мели взял горсть глины, помял ее и покачал головой:

— Саман еще не дошел. Надо еще перемешать, в самый раз будет.

Сели мы у дастархана, съели свой завтрак — кукурузную лепешку, орехи, выпили пиалу жидкого чая — и приступили к делу. Закатали брюки выше колен и влезли в покрытую пожелтевшей от самана водой гущу. Приятная это штука — глину месить. Станешь ногу вытаскивать, чавканье раздается. Забавно так, Джалил месит и меня подзадоривает:

— Чего, — кричит, — приутих, баклажан этакий!

Ну, думаю, проучу я тебя сейчас. Отучу клички всем давать.

— Обо мне не печалься, — говорю, — тыква пустопорожняя, на себя погляди.

Джалил от неожиданности сперва опешил, а потом как захохочет.

— Ну и ну! Вот что значит мое воспитание!

Так месили мы глину, пока дядя Мели не сказал:

— Готово. Теперь главное — крышу мазать будем.

Дядя Мели с Джалилом взобрались наверх, а я остался внизу глину подавать. Наполню ведро, прицеплю к крючку, что к концу веревки привязан, и кричу: «Вира». Джалил, перебирая руками веревку, втаскивает ведро наверх и опрокидывает его, а дядя Мели — наш главный мастер — ровным слоем размазывает раствор по крыше.

Поначалу работа спорилась. А потом туго мне пришлось. Только успеешь пустое ведро с крючка снять, сверху уж кричат: «Глины!» Как тут поспеть? Устал я, пот градом катится. Присели мы в тени отдохнуть, выпили чаю, что заварила тетушка Бахри. Джалил, неугомонный, не стал отдыхать. Привязал к урючине веревку и давай, как на качелях, раскачиваться, да еще надо мной посмеиваться.

— Что, ни жив, ни мертв? Может, доктора позвать?

А у меня даже сил нет ответить. Только и сказал я ему:

— Потаскал бы с мое, не до смеху было бы...

А он мне говорит:

— Хочешь меняться? Ты на крышу взбирайся, а я внизу буду.

— Хорошо, — согласился я. По правде говоря, нравилось мне, как ладно да быстро у них все там на крыше получается.

Только зря позавидовал я Джалилу. Тяжелое это дело — глину вверх тащить, ничуть не легче, чем ведра наполнять. Спина вскоре занемела, на ладонях волдыри вздулись. Только теперь уже пришлось терпеть. Да и что скажешь? Зависть подвела, одним словом.

Устал я совсем, пальцы онемели, еле-еле веревку удерживаю, и живот от голода свело. Да и Джалил снизу голоса не подает: тоже устал. Побледнел весь, с трудом полное ведро к крючку прицепит, а крикнуть «вира» уже сил нет.

Наконец, когда остался небольшой кусочек несмазанной крыши, дядя Мели, с трудом распрямившись, говорит мне:

— Еще одно ведерко, и делу конец!

— Джалил, последнее, самое распоследнее ведро! Подавай живей! — обрадованно завопил я.

— Есть, товарищ командир! — закричал он в ответ.

И откуда только силы у нас взялись?

А когда работа была закончена, вскарабкались мы по приставной лестнице наверх — и усталость будто рукой сняло. Влажная глина еще поблескивала на солнце, но уже видно было, что крыша смазана мастерски. Дяде Мели такая работа, конечно, не впервой. А мы смотрим друг на друга и думаем: «Вот, мол, мы что сделали!»

А потом все вместе обедали. Я принес из дома вареной кукурузы, Джалил кислого молока притащил, а тетушка Бахри машхурду приготовила — хоть и без мяса, а вкусную.

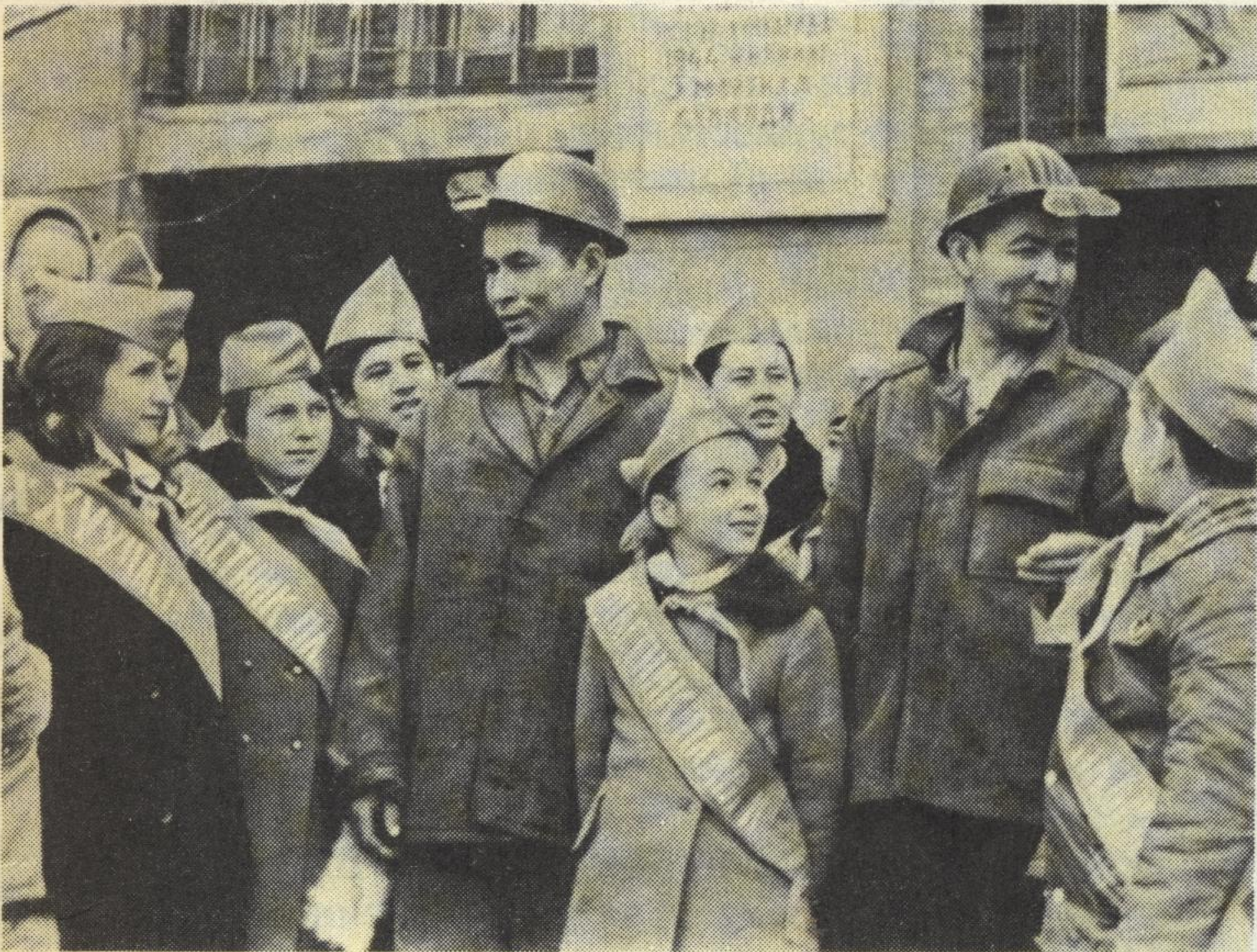
Тетушка Бахри все хлопотала вокруг нас и приговаривала:

— Ешьте, милые, ешьте. Вот уж правду люди говорят: близкий сосед лучше далекого родственника. Вернутся с фронта Салиджан с Таниджаном, за добро ваше добром отплатят.

А когда мы уходили, она каждому из нас, ласково потрепав по плечу, сказала: «Счастья и удачи тебе в жизни!»

Я закончил свой рассказ и, продолжая резать капусту, поглядывал на Шавката. Он сидел молча, сосредоточенный. Чуть погодя он встал и, накинув на плечи пальто, вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Перевел Л. САМОЙЛОВ.



…Недавно в одном из целинных хозяйств Джизакского района я обратил внимание на зеленый островок среди полей. Подъехал поближе. То была тополиная роща. Я подумал, когда же успели вырасти на целине эти деревья с сильными стволами и густой кроной. Им от роду по меньшей мере лет двадцать.

И вот какую историю рассказали мне. В конце пятидесятых годов началось наступление на Голодную степь. За сотни километров от нее, в Фергане, юные селекционеры задумались, как вырастить тополя в степи. Пирамидальный тополь — самое почитаемое в Узбекистане дерево. Всем тополь хорош: и красив и много тени дает. Но вот беда: исполнится ему 10—12 лет, начинают засыхать ветви. Ферганские пионеры-селекционеры решили вырастить такой сорт тополя, который жил бы в два-три раза дольше. И чтоб «по вкусу» пришлась ему засоленная земля Голодной степи.

П. К. ХАБИБУЛЛАЕВ,
зав. отделом науки и учебных заведений ЦК КП Узбекистана, доктор физико-математических наук.

ПРОДОЛЖАЮТ ТРАДИЦИИ ОТЦОВ





Через несколько лет им удалось решить эту трудную задачу, и ребята передали тысячи саженцев Мирзачульскому лесхозу.

— Вот и растут на целине тополя сорта «Пионер», — пояснили мне в Джизакском хозяйстве.

Не случайно начал я рассказ об Узбекистане с этой истории. Всегда и всюду в нашей республике юные ленинцы стараются помогать старшим, и это стало доброй традицией.

Еще десяток лет назад меня с удивлением переспросили бы: «Сад на Каршинской целине? В обожженной солнцем степи?»

Но вот вырос сад, посаженный пионерами, — дружины всех областей республики прислали саженцы в Каршинскую степь, и никто не удивляется.

На Узбекском металлургическом заводе им. Ленина в городе Бекабаде выплавляется пионерский металл. «Дозоры бережливых» и посты

«Пионерского фонарика» помогли взрослым в минувшем году собрать и сохранить небывалый урожай — 5 миллионов 338 тысяч тонн хлопка! И в этом году пионеры трудились на славу.

Только за последние два года тридцать три пионера и школьника республики награждены медалью «За трудовое отличие». Семьдесят пять мальчиков и девочек в красных галстуках получили награды ВДНХ СССР.

Награды Родины ребята заслужили, активно участвуя в работе ученических производственных бригад, на опытных участках, фермах, в технических кружках. Пионеры растут настоящими заботливыми хозяевами своей земли, своими руками приумножают народное богатство, достойно продолжают традиции отцов и дедов.

Юное поколение республики прекрасно знает: истоки всех великих свершений узбекского народа — в его героическом труде, нерушимом братстве и равенстве всех советских республик. Об этом записано в новой Конституции СССР.

В нашей республике живут, трудятся, учатся, помогают друг другу люди более ста национальностей и народностей. Дружба народов — великая сила. В годы Великой Отечественной войны Узбекистан посылал на фронт бойцов, оружие, одежду, обувь, продовольствие. Узбекистан дал приют тысячам эвакуированных детей, выхаживал раненых, растил хлопок, ставший потом порохом, ватой, мылом...

Сотни воинов-туркестанцев подвигами своими покрыли славой знамена наших полков. И среди них — ташкентский пионер Аркадий Каманин, самый юный в мире военный летчик. Ему было четырнадцать лет, когда он впервые поднял в небо самолет. Он погиб как герой.

А пришла беда в наш дом, и вся страна поспешила на помощь жителям Ташкента и Газли, пострадавшим от землетрясения.

Вновь построенный красавец Ташкент — это памятник интернационализму, дружбе народов СССР. В новых кварталах города, в бесперебойном ритме газлийских буровых — свет Великого Октября, отзвук исторического выстрела «Авроры».

От снежных вершин отрогов Тянь-Шаня до седого Арала — всюду в нашем солнечном Узбекистане можно встретить ребят в красных галстуках. Отличными отметками, замечательными пионерскими делами на Марше «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября» встретили 60-летний юбилей Страны Советов **ДВА МИЛЛИОНА** юных ленинцев нашей республики.

Впереди — новые интересные дела!

По огненным дорогам истории

РАССКАЗЫВАЮТ КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

Узбекские ребята, так же, как и пионеры всей страны, изучают историю своей республики.

Они узнают у взрослых о том, как красные конники в боях с басмачами и белогвардейцами отстаивали Советскую власть в Узбекистане. Как строил социализм узбекский народ. О героях, которые уходили из своих кишлаков на фронты Великой Отечественной войны. И о том, как трудятся сейчас на полях и заводах советские люди.

Создаются в узбекских школах музеи революционной, боевой и трудовой славы.

Всех героев этих трех документальных рассказов разыскали красные следопыты. Поиск помог ребятам понять, что история — это не только то, что в учебниках, история — это судьбы людей, которые живут рядом.



Ташкентский Гаврош

В небе горели крупные звезды. Перед сном Юсуф любовался их фантастическим мерцанием. Ему было спокойно и хорошо. Он иногда повторял слова, простые и добрые, говорил врастяжку, менял интонацию, и все равно от них веяло теплом и надеждой: «...богатых не будет, бедных не будет...»

Он услышал разговор случайно. Раньше эти люди никогда не приходили к отцу. Но по тому, как откровенно, свободно они говорили друг с другом, он понял, что они давно знакомы с отцом.

Юсуф принес гостям чай и, чтобы не мешать взрослым, отошел от стола, встал у двери. Говорили о революции. Весь разговор он запомнил до конца. Особенно ему запомнились слова, которые он повторял, глядя на звездное небо: «...богатых не будет, бедных не будет...»

Потом заговорили о каких-то документах. Их надо было отнести к железнодорожникам в депо. Но на улицах ночью патрулируют конные наряды полиции. В городе комендантский час — полицейские обыскивают каждого, кого встретят на своем пути.

— А если я отнесу? — робко спросил Юсуф.

На него взглянули с изумлением. О мальчике во время разговора все забыли. Кажется, один из гостей хотел что-то возразить, но Юсуф торопливо проговорил:

— Я мигом сбегаю. И никто не заметит.

В комнате стало тихо. И вдруг тот, который, как показалось Юсуфу, хотел возразить, подумав, спросил у отца:

— Как, Ташпулат-ака, можно доверить твоему сыну?

Отец утвердительно кивнул головой.

С тех пор Юсуф постоянно выполнял задания партийного комитета. И однажды, когда он вместе со взрослыми участвовал в бою с белогвардейцами, красные бойцы назвали его ташкентским Гаврошем.

Как-то у четвероклассников шел урок истории. Учительница Аннабиби Матьякубова рассказывала о революционных событиях в Ташкенте. Ребята с интересом слушали историю Юсуфа Ташпулатова, названного красноармейцами ташкентским Гаврошем. Но когда учительница сказала, что этот мальчишка их Юсуф-ата, которого они видят каждый день, все удивились. Они ходят в его библиотеку — он открыл ее у себя дома, обсуждают вместе прочитанные книги, слушают его рассказы о революции. Но он никогда не говорил о себе...

Особое задание

Абдусамат Тайметович Тайметов — первый среди узбеков стал летчиком Гражданского Воздушного Флота СССР. Часто приходят в гости к нему красные следопыты. Как-то в разговоре спросили ребята, за что Абдусамат Тайметович получил орден Красного Знамени?

— Утром 7 мая 1945 года,— начал свой рассказ летчик,— мы получили приказ командования приготовиться к полету. Каждый занял свое место на борту самолета. Собрались все. Только второго пилота почему-то не было. Смотрим в окно—дождь моросит. Вдруг в кабину входит наш командир полка.

— Ну,— говорит,— в Берлин летим. Особое задание. Сегодня вы будете вторым пилотом, а я — первым.

Мы взлетели и сразу вошли в облака.

Приземлились в Темпельгофе.

И узнаем: Победа! Победа над гитлеровской Германией! Взволнованный командир поздравил нас и сказал, что нам доверено доставить в Москву Знамя Победы и Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

До сих пор помню пакет с сургучной печатью и аккуратно обернутое в полотно знамя! Хоть и торопились мы в Москву, а попали туда только в 9 утра. На два часа позже, чем могли бы. Маршрут полета был проложен по ломаной линии: враг не везде еще сложил оружие, и мы опасались появления фашистских истребителей.

После того, как командир передал пакет и знамя представителю Главного командования, мы поехали отдыхать. Выспаться, конечно, не пришлось. То и дело заходили свободные от полетов товарищи, поздравляли.

Этот день я не забуду никогда.



У памятника неизвестному солдату.

Люди плакали и смеялись. Поздравляли, целовали друг друга. Почти до рассвета бродили мы по городу. Вернувшись домой, легли спать. Никогда в жизни я не спал так хорошо, как в эту первую мирную ночь.

Я — советский человек

Летом 1941 года пришла беда в дома советских людей. Города и поселки Советской Латвии бомбили гитлеровские самолеты. Больных и раненых, стариков и детей отправляли в тыл. В одном из поездов ехала Жанна Пузевич.

Она стала жить в детском доме. Далеко от войны. Но Жанна тосковала. Не было рядом матери. Она снилась ей каждую ночь.

Однажды Жанну пригласили к директору. В кабинете было много людей. Мамы среди них не было. И тогда Жанна заплакала. А директор подошел к ней и ласково сказал: «Успокойся. Видишь (он показал на незнакомых мужчину и женщину) они хотят, чтобы ты, Жанна, жила в их доме».

Так Жанна Пузевич вошла в узбекский дом как дочь, близкий и родной человек.

Кончилась война. Здесь, в новой семье, ей заменили родных. И когда у Жанны однажды спросили, кто она по национальности, она задумалась. В самом деле, кто же она? По отцу — латышка, мать ее— украинка, а мать, которая воспитала,—узбечка. Жанна, а по-узбекски Зайниш-апа, ответила: «Я советский человек».

Так рассказала о своей жизни пионерам депутат кишлачного Совета, отличник народного образования, мать-героиня Зайниш Шараповна Джураева.

Рассказы красных следопытов записали Абдужалил ЗАКИРОВ и Тулкун МУХИДДИН.

СТИХИ, РАССКАЗ И РИСУНКИ УЗБЕКСКИХ ПИОНЕРОВ, ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ГУЛХАН»



Зияда АЛЛАМУРОТОВА из Каракалпакии, она живет и учится в Караузякском районе.

МОЙ КИШЛАК

Люблю тебя,
родной кишлак,
Горжусь тобой не зря.
Я знаю, что расцвел ты так
Под солнцем Октября.
Под жарким солнцем
твой народ
Трудился много лет.
И «белым золотом» зовет
Твой хлопок целый свет!



Айниса МАМАТОВА живет в Ташкенте, учится в школе № 7. Айнисе 15 лет.

НАРИСУЙ МНЕ СОЛНЦЕ

Нарисуй мне солнышко,
Слышишь ли, братишка?
Нарисуй мне солнышко,
Не войну, а мир.
Огненные годы
И войны невзгоды
Не рисуй, братишка,
Лучше оглянись.
Глянь: земля богата,
Небо голубое,
Счастье расправляет
Крылья над тобой.
Ты расти веселым,
Смелым и здоровым.
Не рисуй, братишка,
Войн карандашом.
Нарисуй мне солнце,
Понял ли, братишка?
Нарисуй мне солнце,
Не войну, а мир!

Насиба ЭГАМБЕРДИЕВА из города Коканда. Ей 15 лет, учится она в школе № 16.

УТРО

Темную душу тьмы
прорезали, словно мечи,
Лучезарной зари
утренние лучи.
Свет разомкнул туман.
Аромат разливается роз.
А наверху, где-то там,
парят хороводы звезд.
Пылает вдали горизонт,
как в огромной печи,
Травы жаждут росы.
Травы не спят в ночи.
Сердце мое поет
в этот утренний миг:
Свет разомкнул туман
и в темноту проник.



Галибу АБДУЛЛАЕВУ 16 лет, он из Андижанской области, учится в школе № 1 поселка Алтынкуль.

УРЮК

В поселок пришла весна. Расцвел урюк. Но большое дерево, которое росло во дворе Турсунбай-аты, почему-то все не расцветало.

Турсунбай-ата гладил шершавый ствол дерева и вспоминал сына Гулямджана.

«Сын мой своими руками посадил его. Видно, состарилось дерево, да, совсем постарело...»

Слезы катились по его лицу. Ведь он ухаживал за этим урюком больше тридцати лет. Каждый год урюк, расцветая, приносил огромную радость. Но в этом году... Турсунбай-ата с горечью в душе рассматривал ветки и листья дерева. Ему показалось...

Вот Гулямджан идет вперед, и вдруг — пуля врага. Он пошатнулся и упал навзничь. Глаза закрыты, лицо побелело...

Это случилось давно.

— Проклятая война! — Ата не мог сдержать свой гнев.— Сколько наших детей погубила! А теперь губишь и отцов!..

Вдруг его взгляд упал на небольшие побеги урюка, росшие рядом со старым деревом. Они начали зацветать. Эти тоненькие побеги поднялись из косточек большого урюка, посаженного сыном.

Лицо Турсунбая-аты расцвело радостной улыбкой...

Перевели Р. БУХАРАЕВ и Е. ГУЛЫГА

Гуласол ТУРАЕВОЙ 15 лет, она живет в Сариассийском районе Сурхандарьинской области.

МОЯ ПЕСНЯ

Песенку
 в душе держу,
Спеть ее стараюсь.
Без нее,
 как без звезды,
Я в пути теряюсь.
Обязательно спою
Песенку, в которой
Славлю
 Родину мою
И ее просторы.

*



Камил ЭШМУРАДОВ, восьмиклассник Ташкентской музыкальной школы-интерната, назвал свою картину «Освоение Голодной степи».

Мамур КАХХОРОВ живет в городе Коканде.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ФУТБОЛ

Две команды с двух сторон:
Волк, лиса, жираф и слон —
У ворот.
 Нападает бегемот.
На другом участке поля
Их соперники в футболе:
Мишка, еж, барсук и лев,
Скачет заяц, осмелев.
Мяч у мишки... не туда!
За чертою! Не беда!
У лисы повадки сладки,
А движенья мягки, гибки.
Зрители вокруг площадки
Посылают ей улыбки.
От испуга сгоряча
Заяц прыгнул — от мяча!
Атакует бегемот:
Всех теснит — живот вперед.
Тигр-судья дает свисток:
«Ежик, что ты за игрок?!
Пятый мячик проколол!
С поля! Это не футбол!»
Выбегает кенгуру
И включается в игру.
Затевает кутерьму,
Прячет мяч к себе в суму,
Где таскают кенгурят.
А болельщики кричат:
«Что же это за футбол?
Где же гол? А ну-ка, гол!»
Кенгуру бежит вперед,
Добегает до ворот,
Мяч из сумки достает,
По воротам метко бьет...
Гол!.. Но тут свисток судьи:
Гол в ворота... да в свои!



«Хива в XIX веке», рисунок Шухрата БАБАДЖАНОВА из города Ургенча.

Танцует «Юлдуз»



Бэлла Артемовна со своими ученицами.

Под звонкие удары бубна на сцену выбегают девочки в ярких костюмах. Танцовщицы детского ансамбля «Юлдуз».

Они приходят в ансамбль, когда им всего пять или семь лет, и уходят из него уже взрослыми. Многие из них становятся танцовщицами знаменитых в республике ансамблей «Бахор», «Шодлик», «Лязги».

Бэлла Артемовна Арутюнова — руководитель ансамбля, заслуженная артистка УзССР — объясняет маленьким исполнительницам смысл и содержание каждого движения, помогает понять живую прелесть узбекского танца. Для того, чтобы танцевать в «Юлдузе», нужно обладать безошибочным слухом и чувством ритма. И девочки упорно учатся. Им аплодируют даже строгие жюри конкурсов.

Ансамбль знают зрители Москвы и Ленинграда, Минска и Кишинева, Риги и Таллина.

За успехи, за большое мастерство ансамбль «Юлдуз» в 1973 году получил звание лауреата премии Ленинского комсомола Узбекистана.

О. Д. ИБРАГИМОВА,
директор республиканского Дворца пионеров и школьников имени В. И. Ленина



Рисунок И. КРАСУЛИНА

Тимур УБАЙДУЛЛО

Газель

По скалам скачет диким,
Дугою выгнув спину,
Замрет на остром пике
И смотрит на долину.

И снова дальше мчится,
Усталости не зная,
Не в силах надивиться
Красе родного края.

Роса

Выступают по утрам
На траве росинки.
Сокрушается Уктам:
— У травы слезинки?

Кто ее обидеть мог
Утром ранним самым?
Может, попросить платок
Для травы у мамы?

Не горюй, Уктам, дружок!
Видишь, солнце встало.
У него такой платок —
Слез как не бывало!

Перевел Валерий НЕЧИПОРЕНКО

Новый учитель

Х. ТУХТАБАЕВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Узбекистана



Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ

ГЛАВА
ИЗ ПОВЕСТИ

Кажется, было двадцать шестое, нет, вру, двадцать седьмое августа... А может, и не двадцать седьмое... Но это неважно. Главное — стоял очень жаркий, душный день. Ну просто невозможно было дышать. На улицах кишлака ни души. Даже птицы попрятались. Арифова собачка влезла по горло в арык и глубоко и часто дышала, высунув красный язык. Листья деревьев точно вырезаны из жести, не шелохнутся. А нам духотища нипочем: наелись персиков из сада Мирзы-бобо, накупались в речке, пока не посинели, и теперь валялись на песке, грелись. Вдруг на горизонте появилась моя сестричка Донохон: кричит что-то, руками размахивает.

— Ты не можешь подойти поближе? — крикнул я. — Чего надо?

Очень не хотелось вставать с тепленького песочка.

— Я стесняюсь...

— Тогда кричи громче!

— Вас ищет новый учитель!

Мне лень было вставать, одеваться, тащиться куда-то, но заставил себя: надо!

Во дворе у нас, на сури [1], сидел учитель — парень лет двадцати — двадцати двух, высокий, худощавый. Черные блестящие волосы, лицо удлиненное, глаза большие, лоб высокий.

Как только я шагнул в калитку, учитель внимательно оглядел меня. С головы до пят. Я остановился поодаль:

— Здрасте.

— Здравствуйте. Это вы Хашимджан?

Учитель положил на поднос гроздь винограда, встал с места и, протянув мне обе руки, представился.

Его звали Вахидом Салиевичем Салиевым, он совсем недавно окончил институт и вот приехал к нам в кишлак. Будет преподавать мате-

Глава из третьей части повести «Волшебная шапка», которая скоро выйдет в свет в издательстве «Детская литература».

[1] Сури — широкая деревянная кровать.

матику. Три дня тому назад его назначили классным руководителем того самого шестого «Б» класса, в котором я буду учиться в этом году. (Надо сказать, новый учитель все это доложил, почему-то глядя не на меня, а на бабушку, которая уселась на сури тотчас, как только мы с Вахидом Салиевичем поздоровались.)

— Я уже ознакомился с личными делами учащихся,— продолжал учитель, все так же глядя на бабушку, но не выпуская и моей руки.— И вот решил кое с кем из них повидаться, поговорить по душам.

— И очень правильно решили, милейший,— ласково одобрила бабушка.

Учитель сел на сури, свесив ноги, и снова принялся за виноград.

— Понимаете, бабушка, я считаю, что учитель должен хорошо знать своих учеников, их родителей, обстановку в их семье. К тому же я живу один, свободного времени у меня хватает.

— А где ваши родители, сынок? Отчего бы вам не перевезти их сюда?

— В городе они живут. А виноград у вас отменный, бабушка.

— Ешьте на здоровье, милейший, ешьте. А вы женаты?

— Что-о вы, бабушка! Рано мне еще.

— Тогда вот что я вам скажу, сынок.— Бабушка решительно скрестила руки на груди.— Я сама буду стирать вам белье. Время от времени буду навещать вас, проверять, как вы питаетесь. Лишь бы... лишь бы вы наставили на путь истинный этого шалопая, Хашимджана. Отец его работает сутки напролет, даже во сне, и ничего другого знать не желает, кроме своего трактора, а мать — хоть у нее трое детей — целыми днями пропадает на ферме. Немудрено, что сынок совсем от рук отбился, разболтался вконец. Вон, вон, глядите, встал за вашей спиной, подмигивает мне, кривляется...

— И вовсе я не кривляюсь! Просто в глаз соринка попала,— сказал я обиженно. Мне не понравилось, что родная бабушка говорит про меня плохое совсем чужому человеку.

К счастью, новый учитель, оказывается, в одном сродни моему папе: не слишком-то поддается внушению. Бабушка говорит, говорит, а он хоть бы что, уплетает виноград за обе щеки, блаженно покачивает головой.

Наконец Вахид Салиевич покончил с виноградом, отодвинул от себя пустую чашу, вытер рот.

— Ну-ка, Хашимджан, сядьте-ка ко мне поближе.

Я опустился на краешек сури. Бабушка зачем-то ушла в сад.

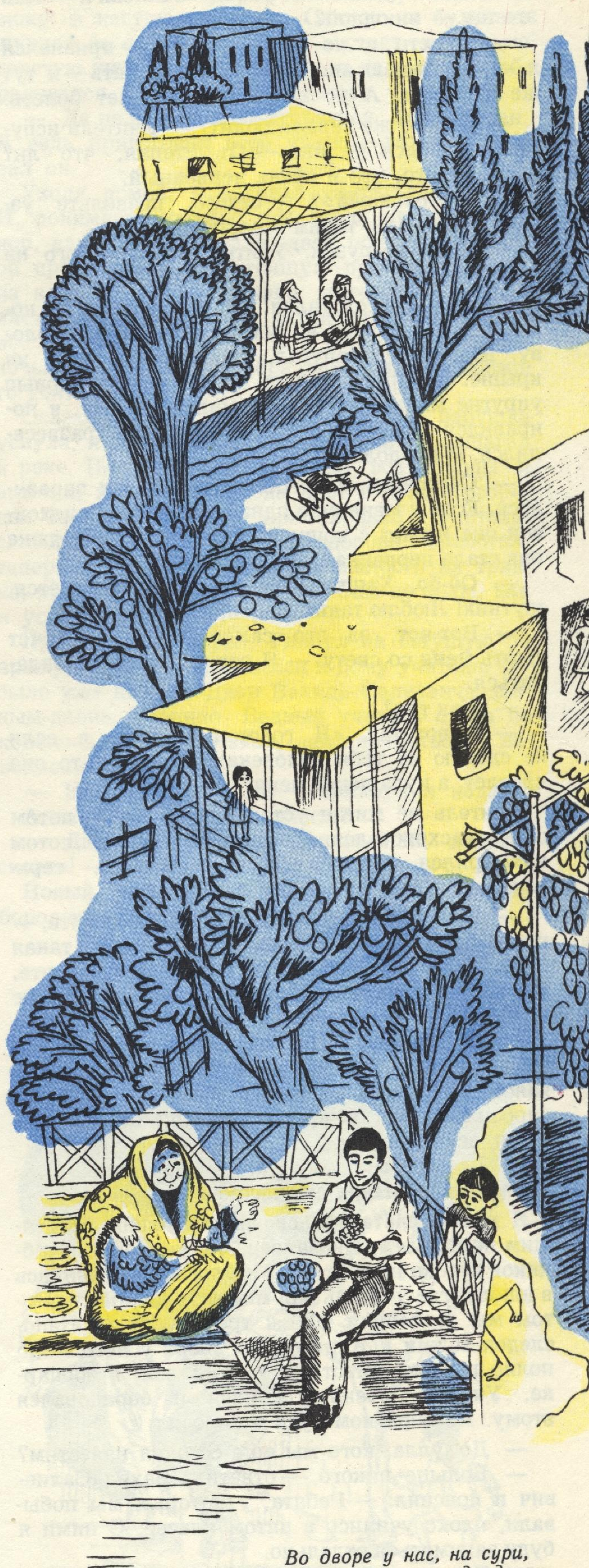
— Как у вас прошли каникулы?

— Неплохо.— Я подумал немного, добавил: — Очень неплохо.

— Много книг прочли за лето?

— Ни одной, домулла [1].

[1] Домулла — учитель.



Во дворе у нас, на сури, сидел парень лет двадцати, новый учитель.

— Ия! — удивился Вахид Салиевич. — Как это так — ни одной?

— Просто я не могу читать, — признался я. — Раскрываю книжку, ложусь читать — и тут же засыпаю. А то и сердце начинает болеть.

— Отчего же сердце болит? — Учитель испуганно подался ко мне. — От чтения, что ли?

— Оттого, что я очень нервенный.

— «Нервенный»? А отчего, позвольте узнать, вы стали таким «нервенным»?

— От перегрузок. Учителя очень много на дом задают.

Учитель расхохотался, хлопая руками по коленям. Смеялся он во все горло, закинув голову. Его хохот распугал стаю воробьишек на крыше. Они рассыпались по двору, как черные упругие мячики. Ага, подумал я, значит, я понравился новому учителю, раз он так развеселился. И продолжал:

— Сестренка моя Айшахон от меня заразилась. Есть у меня еще одна сестренка, Донохон, вон она играет с кошкой возле очага, так даже она стала нервенная.

— Об-бо, Хашимджан, да вы, оказывается, шутник! Люблю таких людей!

— Вот-вот, за это самое бабушка хочет сжить меня со свету. — Я решил немного поплакаться.

— Как так?

— А вот так. «Я, говорит, буду не я, если не сделаю из тебя человека». Человека-то она сделает, а куда денет меня?

Учитель не мигая уставился на меня, потом опять расхохотался. Смеялся, смеялся, потом нахмурился, глаза стали глубокими, серьезными.

— Вы, Хашимджан, бабушку не обижайте, — проговорил он. — Если бы у меня была такая бабушка, я бы ее на руках носил. Посмотрите, все на вас чистенькое, выглаженное. Во дворе ни соринки, все прибрано, все аккуратно разложено. Ведь это ее работа, верно я говорю? — Не дожидаясь моего ответа, будто и не сомневаясь, что я волей-неволей кивну головой, он спросил: — Как у вас с учебниками, Хашимджан, все готово?

— Все готово, домулла.

— Принесите их сюда, проверим.

Я мигом слетал за своим новеньким блестящим портфелем. Оказалось, что кое-каких учебников все же не хватает. Мы тотчас отправились в школу, где учитель дал мне нужные книги. Потом мы заглянули еще к трем ребятам. Напоследок зашли к Акраму. Во дворе у него было полно разных животных и птиц, как в зоопарке. Учитель очень удивился и обрадовался этому. На обратном пути я спросил:

— Домулла, кого мы еще сегодня навестим?

— Больше никого, — ответил Вахид Салиевич и пояснил: — Ребята, у которых мы побывали, плохо учились в пятом классе. С ними я буду заниматься отдельно.

— Значит, вы и со мной будете отдельно заниматься?

— Да. Вы остались на второй год? Выходит, и с вами придется заниматься.

Так разговаривая, мы подошли к беленькому учительскому домику. В прошлом году в нем жили Рябовы. Муж преподавал немецкий язык, а его русоволосая худенькая жена — русский. Я по этим предметам понахватал двоек, так что всегда обходил учительский домик стороной. Ну, а если все же надо было пройти мимо, смотрел в другую сторону. А Вахид Салиевич — представляете?! — вдруг приглашает меня в этот дом зайти. Уж не знаю, как я поборол страх, как шагнул за порог. А шагнул — так и застыл на месте. Вначале подумал, что попал в библиотеку, — так много здесь было книг. В шкафах, на столах, в нишах, на подоконниках, даже на стульях и на полу было видимо-невидимо больших и маленьких, ярких и темных, тонких и толстых книг.

— Все это ваше? — изумился я.

— Нет, не все, — ответил учитель, — часть книг Рябовых.

Я обратил внимание, что Вахид Салиевич сам говорит мало и все меня выспрашивает. То про одно, то про другое, вконец замучил. Почему-де не люблю я алгебру, с кем подрался да когда.

— А журналы тоже Рябовых? — решил я сам атаковать его вопросами.

— Нет, это мои журналы. Если хотите, возьмите почитать. Потом принесете.

— А шахматы тоже Рябовых?

— Нет, и шахматы мои. Поиграем?

— Я умею только в шашки.

— Ну так давайте сразимся в шашки. Но учтите, Хашимджан, я играю очень хорошо.

— Я тоже не слабо, домулла.

Расставили фигуры на доске, начали играть. Играю, а думаю совсем о другом. Никто еще не обращался со мной так, как Вахид Салиевич. Все только упрекали: «Ты никогда не станешь человеком, озорник ты и шалопай!». А новый учитель и Хашимджаном меня зовет, и на «вы» обращается, и специально домой пришел повидаться со мной, теперь вот и в шашки играет!

— Домулла, как вы считаете, стану я когда-нибудь человеком или нет? — спросил я неожиданно для самого себя.

— А кто в этом сомневается? — удивился учитель.

— Да все, — махнул я рукой.

— Я уверен, что они глубоко заблуждаются, — проговорил учитель и молниеносно «съел» у меня три шашки. — Погодите, они еще сами со стыдом узнают, как глубоко заблуждались. Ходите.

Я пошел. А что толку? И ходить было нечего. Проиграл. И так сдавался я подряд четыре раза. Определенно мне не везло в этот день. Но я готов был проиграть еще четыре раза, лишь бы доволен остался мой уважаемый Вахид Салиевич. Потому что, если честно признаться, я в него по-настоящему влюбился.

— Хотите, я ваш двор полью? — вскочил я.

Учитель покачал головой.

— Эдак я совсем обленюсь, Хашимджан, если мою работу будете делать вы.

— Тогда, может быть, принести вам немного катыка [1]? Знаете, какой катык заквашивает моя бабуля? Чистая сметана!

— Спасибо, Хашимджан, я не очень жалую катык.

— Тогда я вам приволоку ведро винограда, точно такого, какой вы сегодня ели. Он же вам понравился!

— Спасибо, если захочется винограду, сам заскочу к вам. Кстати, и с бабулей вашей поговорю, душу отведу. Чудесная у вас бабушка, Хашимджан...

Когда я уходил, Вахид Салиевич дал мне целую кипу иллюстрированных журналов. «Полистаете, картинки посмотрите, если будет время», — сказал он при этом.

Я обрадовался не знаю как. Потому что очень люблю смотреть картинки в журналах и читать подписи.

Бабушка глазам своим не поверила (даже глаза рукавом протерла), когда заметила у меня под мышкой журналы.

— Это что, книжки? — воскликнула она. — Неужто теперь читать станешь?

— Стану, — сказал я. — Буду читать и журналы и книги...

— Шалопай ты мой маленький! Подойди сюда, давай обниму тебя!

После того я собрал на сури сестренок с бабушкой и давай показывать им картинки и громко, с выражением читать подписи. Все были очень довольны. Даже умница, примерная ученица Айшахон, и та не могла скрыть радости. Она, верно, думала: «Наконец-то брат мой образумился. Теперь он будет хорошо учиться, выполнять все работы по дому и оставит меня в покое!» Я, само собой, разуверять ее не стал. Кто знает, может, она окажется права?

Вечером, за ужином, уплетая за обе щеки вкуснейший ширгурунч [2], я вспомнил о новом учителе и, поверите ли, сразу потерял аппетит. Бедняжка Вахид Салиевич сидит, небось, в пустом доме посреди тысяч книг один-одинешенек, быть может, ходит из угла в угол как неприкаянный или мучается с керосинкой, чтобы сварить себе что-нибудь, а несчастная керосинка и не думает загораться!

— Мама, ширгурунча больше не осталось? — спросил я.

— Папе вот оставила. Еще хочешь?

— Нет, надо учителю отнести.

— Положи полную косу [3], невестушка! — тотчас вступила в разговор бабушка. — Да полей хорошенько топленым маслом. Удивительно приятный человек, этот новый учитель. Передай ему, Хашимджан, пусть почаще заходит к нам.

Через минуту, завернув чашу в полотенце, я пулей летел к новому учителю. Примчался и вижу: в кастрюле Вахида Салиевича булькает шурпа [4], а сам он сидит, листает огромную толстую книгу. Увидев меня, он не особенно обрадовался, но и не очень удивился.

— Да не нужно было стараться, Хашимджан. Я ведь приготовил себе ужин, — коротко сказал он.

Уходя домой, я оглядел учительский двор. И, понимаете, обидно мне стало очень. С тех пор, как Рябовы уехали, двор поливали плохо, он превратился в настоящую пустыню. Цветы на клумбах завяли, трава выгорела, нижние листья яблонь высохли, ветки поникли. Страшное запустение кругом. И я решил сегодня же ночью полить огород, обрадовать своего любимого учителя.

Сказано — сделано. Как только бабушка уснула, я взял большущий кетмень [5] и зашагал к реке. По дороге я перекрыл все отводы и арычки, по которым вода идет в чужие огороды. Теперь она пойдет прямехонько в учительский двор. Пустил воду. Я здорово поработал, теперь можно было посидеть малость на травке, отдохнуть на берегу реки. Сам не знаю, как я уснул.

Проснулся на заре... Глянул на бегущую по арыку воду и пулей понесся к дому учителя. Но было уже поздно. Двор Вахида Салиевича давным-давно затопило. Бедный учитель стоял по колено в воде и не знал, как справиться с наводнением.

— Кетмень принести? — крикнул я издали. А что я мог еще предложить?

— Давайте его сюда, Хашимджан, давайте скорее! — обрадовался Вахид Салиевич.

Новый учитель и я до самого утра дружно боролись со стихийным бедствием.

Перевел Э. УМЕРОВ



---

[1] Катык — простокваша.
[2] Ширгурунч — рисовая молочная каша.
[3] Коса — чаша.
[4] Шурпа — суп.
[5] Кетмень — мотыга с широким лезвием.



26 апреля 1966 года — день, когда тысячи жителей Ташкента в считанные минуты остались без крова. На древний город обрушилось страшное землетрясение.

Никто не знал, что еще выкинет взбешенная земля, что предстоит вынести измученным людям. Страшно было оставаться даже в неразрушенных домах. А накануне к тому же пронеслась сильная буря — около часа хозяйничала в городе, валила деревья, срывала кровли, рвала электропровода.

Но несмотря ни на что в первые же часы этого страшного бедствия жители города почувствовали помощь и заботу всей страны.

На широких площадях и в парках, на безопасных улицах и дворах были поставлены палатки, где размещались медицинские пункты, детские сады, ясли, столовые.

Сразу же как только стало известно о беде, постигшей ташкентцев, в город стали приходить телеграммы и письма со словами участия и поддержки. Люди спешили предложить помощь терпящим бедствие — одни звали поселиться у них в доме, другие писали о готовности приехать и работать на расчистке города. Вот строки из письма ленинградцев:

«Мы с женой решили во время отпуска работать в Ташкенте. Оба мы пережили ленинградскую блокаду и трудностей не боимся. Будем счастливы, если сможем помочь Ташкенту в ликвидации последствий землетрясения. Работать будем безвозмездно...»

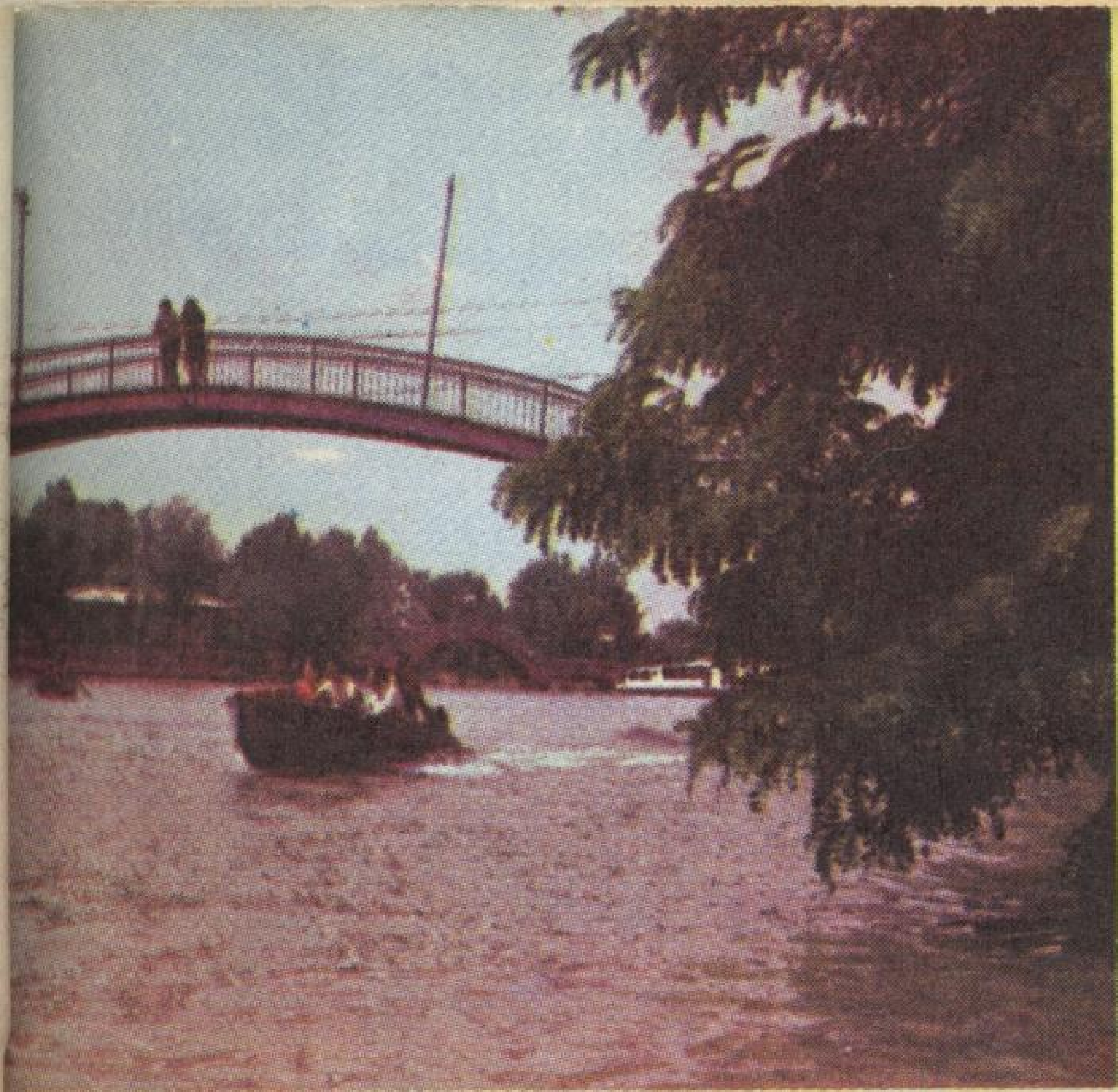
ШУХРАТ

Город дружбы и братства

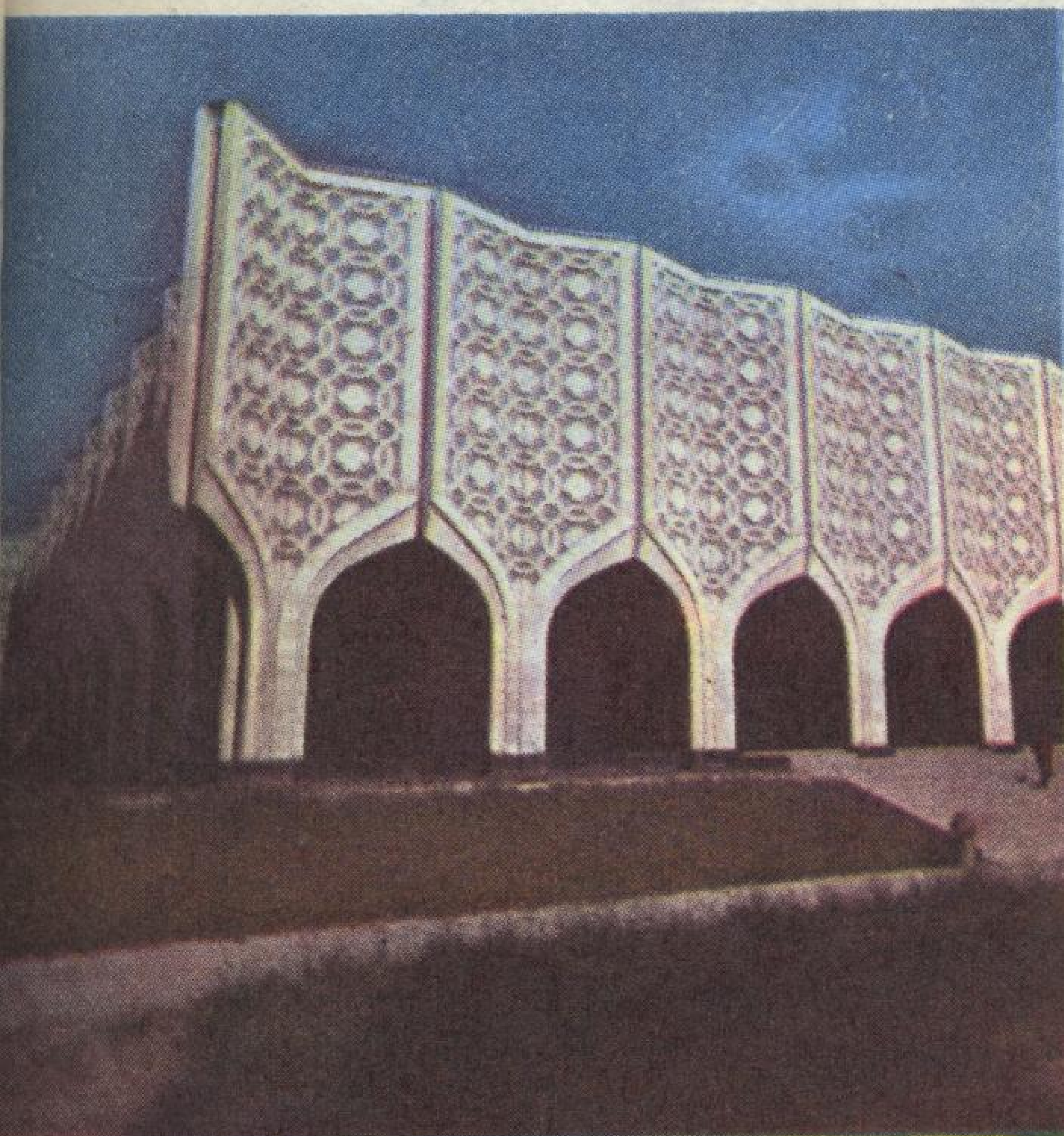


Вверху — Музей дружбы народов.

Здание нового цирка.



Парк культуры и отдыха имени Ленинского комсомола.



Выставочный зал Союза художников Узбекистана.

Еще продолжало сотрясать город, но уже на помощь пострадавшим ехали опытные мастера-строители. Со всех концов страны прибывали эшелоны с продовольствием, строительными материалами, сборными домами.

Не было в те дни ни одного самого удаленного уголка в нашей необъятной стране, где бы не думали о пострадавшем Ташкенте. Восстановление столицы Узбекистана превратилось во Всесоюзную ударную стройку, где каждая республика на деле доказала свою братскую дружбу.

Испытание на мужество прошли в те годы не только ташкентцы, но и их друзья. С гордостью мы говорим сегодня, что возрожденный Ташкент — живой символ братской дружбы всех народов СССР.

Прошли годы. Друзья не только помогли справиться с бедой, они помогли построить город прекраснее прежнего. Ташкент возродился вновь, стал еще прекраснее.

ЗУЛЬФИЯ

Доброго утра, люди мира!

На белом листе бумаги — алая тень зари,
Потухли заката флаги, ночные зажглись фонари.

Открыто окно — и прохлада коснулась горячих рук...
Я слушаю шорох сада, на улице каждый звук.

Соседи сейчас отдыхают, засыпает сейчас детвора,
А для меня наступает любимой работы пора.

На свет моей маленькой лампы, в рабочий мой уголок
Приходят родные мне люди со всех городов и дорог.

Строители, хлопкоробы, работники рек и гор
Со мной продолжают долгий, искренний разговор.

И каждый хочет по праву увидеть в моих стихах
Свою трудовую славу, творческий свой размах.

Они мне вручили слово, за них я сейчас говорю,
Как пограничник в дозоре, я охраняю зарю.

Я слышу за океаном хищников злобный вой,
Я вижу их черные тени за новой моей зарей...

Грозит посягнуть их стая на мирную эту ночь,
И голосом всей Отчизны я говорю им: «Прочь!

Вам, зачинщики бойни, знайте, не запугать
Вашей атомной бомбой нашу Родину-мать.

Вас, поджигателей, люди сбросят с планеты прочь!
Я говорю вам это, простого узбека дочь,

Я, что июльской ночью бодрствую в тишине
И охраняю землю, давшую счастье мне».

Кремлевские звезды прямо в окошко мое глядят.
Полон благоуханий тихий ташкентский сад.

Прямо у этого сада—новых плотин огни...
Ветер с вершин коммунизма, побед и дерзаний дни!

Я лампу гашу—не надо, мне без нее светло!
Радуя сердце поэта, солнце уже взошло.

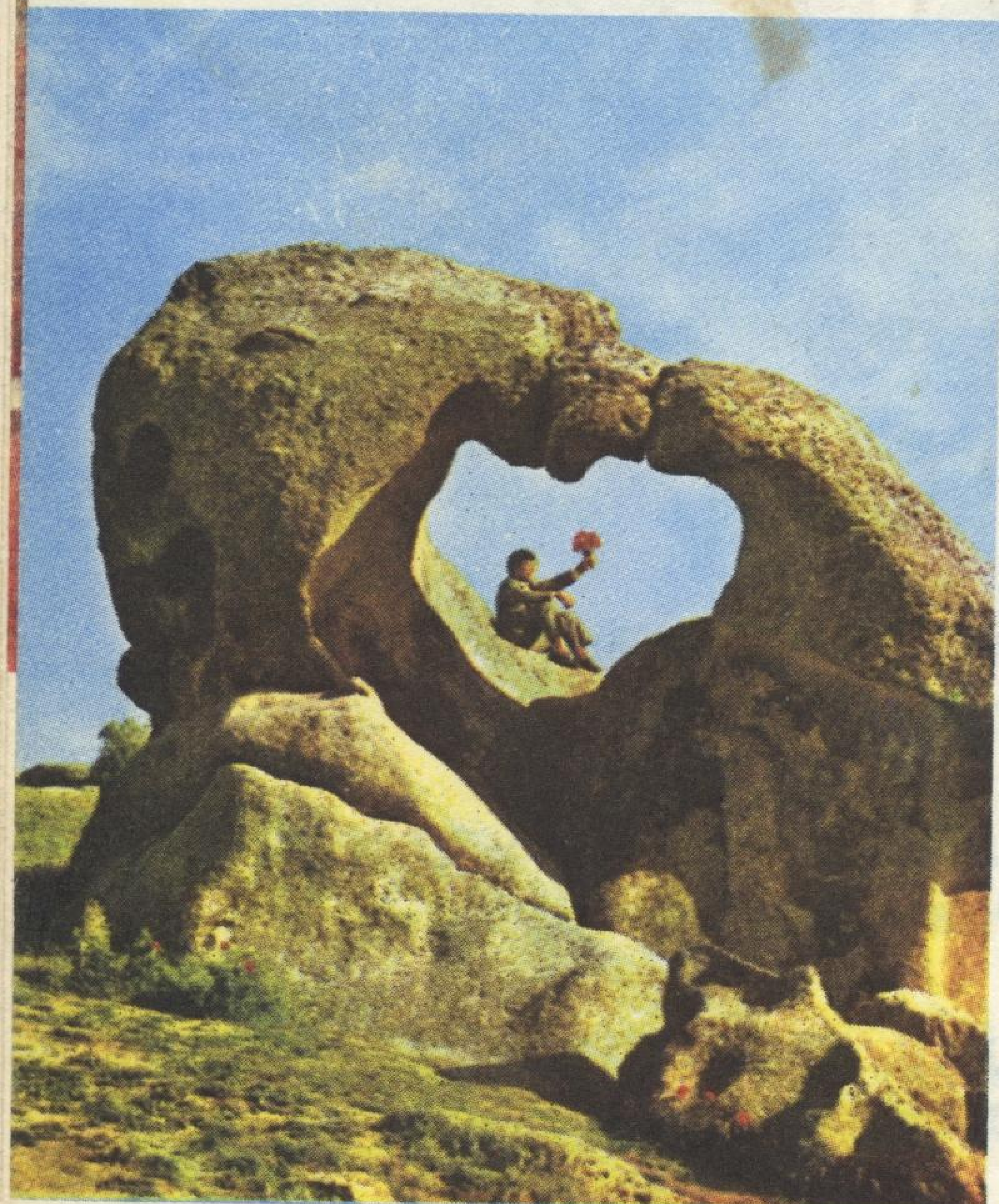
Лучи его освещают рукопись на столе...
Доброго утра, люди мира на всей земле!

Перевела С. СОМОВА

Уникальная сокровищница



В горах Узбекистана.



Бой окаменевших козлов. Эту скульптуру создала природа.

Богат животный и растительный мир Узбекистана. Но в течение долгих лет беспорядочно вырубались арчовые насаждения, редели фруктовые сады. Если еще не так давно прямо под Ташкентом обитали дикие верблюды и бесчисленными были стаи фазанов, жили туронские тигры и полосатые гиены, то сегодня их нет. И под угрозой исчезновения находятся немногочисленные сайгаки, джейраны, бухарские олени, сурки, снежные барсы.

Сохранить этих животных — наш долг перед будущим.

Вот почему в Узбекистане создано несколько заповедников: Чаткальский горно-лесной заповедник на юго-западе Чаткальских гор, заповедник Пайгамбар на одноименном острове реки Амударьи, в 20 километрах ниже города Термеза, Зааминский горно-лесной заповедник на юго-западе горной Туркестанской цепи, Бадай-тукайский заповедник на правобережье нижнего течения Амударьи в Каракалпакии, Каракульский заповедник в слиянии рек Нижнего Зеравшана и Амударьи, Кызылкумов заповедник по обоим берегам Амударьи.

Один из самых больших заповедников — Чаткальский. Расположен он в 70 километрах восточнее Ташкента. Высокие горы и шумные реки придают ему величественный вид. Наивысшая точка заповедника — 3265 метров. Нередко на скалах встречаются рисунки первобытного человека, изображающие птиц и зверей.

На территории заповедника текут горные речки Бошкизилсай, Шавваусай, Серкалисай. Климат здесь прохладный и влажный.

Разнообразен растительный и животный мир заповедника. Здесь растут тополь и хрозофора, тамариск и алыча, таволга и тысячелистник, очень много арчи. Во многих местах встречаются яблоня, груша. В низовьях растут кустарниковые — жимолость, шиповник. Есть и такое драгоценное дерево, как вечнозеленый кавказский самшит. Разнообразен и богат травянистый покров.

В заповеднике живут три вида рыб, девять видов пресмыкающихся, свыше 100 видов птиц и 30 видов млекопитающих. Здесь встречаются горный соболь, белка, дикобраз, барсук, ласка, волк и лиса. Постоянно увеличивается число ранее почти вымерших зверей и птиц. Снежный барс и сурок были занесены в Красную книгу. Животные в условиях заповедника размножаются. Исчезла опасность их полного вымирания.

Каждому человеку дорога природа. И Чаткальский горно-лесной заповедник — ее прекрасный уголок, сохраненный и вновь воссоздаваемый руками и умом человека.

Ортык МУМИНОВ,
кандидат педагогических наук

Перевел Виталий ШАПОВАЛОВ.

50 миллионов хороших друзей

До революции книга в Узбекистане была редкостью. На каждые пятьдесят тысяч узбеков приходилась лишь одна книга на родном языке. А для детей их не выпускали совсем.

Сегодня у узбекских ребят есть свое издательство. Называется оно «Еш гвардия», что по-русски значит «Молодая гвардия». В этом году ему исполняется семнадцать лет. Но возраст исчисляется не годами, а тем, что сделано,— «Еш гвардия» выпустила для детей более 50 миллионов экземпляров книг. Среди них переведенные на узбекский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и других русских классиков. Книги таких замечательных советских писателей, как Фурманов и Островский, Гайдар и Чуковский, Маршак и Кассиль.

Издательство издает произведения классиков узбекской литературы и писателей советского Узбекистана: Навои, Айбека, Гафура Гуляма и многих других. Очень любят ребята и книги детских писателей: Куддуса Мухаммади, Пулата Мумина, Ильяса Муслима. Мгновенно расходятся повести Худайберды Тухтабаева и Латифа Махмудова, сборники стихов Миразиза Агзама и Раима Фархади, их стихи ты, наверное, читал в «Пионере» и «Мурзилке».

Книги, выходящие в серии «Школьная библиотека», помогают ребятам на уроках в школе. А красочные книжки серии «Прочти мне, мама» — это для малышей.

Целая библиотечка книг, выпущенных «Еш гвардией», рассказывает о детских и юношеских годах Владимира Ильича Ленина, о его жизни и борьбе за счастье народа.

А. ВАХАБОВ,
директор издательства «Еш гвардия»



Шакир и Юлдуз

РАССКАЗ

Л. МАХМУДОВ

Рисунок И. КРАСУЛИНА

Был выходной день. Я пошел поиграть к Шакиру. Прихожу, а он сидит во дворе хмурый-хмурый.

— Что случилось? — Я подсел к нему.

— Да так... — тяжело вздохнул Шакир. — Ты все равно не поймешь.

— Ой, ой, так уж и не пойму?

— Ну, тогда объясни. — Шакир повернулся ко мне, — вот ты, например... ничего не жалеешь для сестры, а она тебе во всем перечит, все делает назло. Скажи, как бы ты с ней поступил?

— Я? Я бы ей растолковал, что это плохо, что человек должен себя воспитывать, а для этого, сказал бы я ей, побольше читай таких книг, где высмеиваются человеческие недостатки...

— Ну, а если и это не поможет? — нетерпеливо прервал меня Шакир. — Что тогда?

— Тогда? Тогда бы я сказал «пеняй на себя» и дал бы ей хороший подзатыльник.

— Вот молодец! — Шакир радостно хлопнул меня по плечу. — Я сейчас сделал именно это. Я запер ее в комнате и...

Из комнаты действительно доносилось всхлипывание Юлдуз. Мне стало как-то не по себе. Я хотел сказать своему другу: «Да разве можно обижать девчонок?», — но пришлось промолчать. Ведь я сам только что говорил об этом.

— Я пропал, — вдруг плаксивым голосом заявил Шакир. — Она сделает из мухи слона и наябедничает отцу.

— Это уж как пить дать! — поддакнул я.— Но прежде чем... э-э, давать волю рукам, надо было хорошенько поговорить с ней.

— Не вышло,— махнул рукой Шакир.— Добро бы она попросила: «наруби дров» или «принеси воды», я бы слова не сказал, а то знаешь, какую работу мне подсовывает — девчоночью. Говорит: «Перебери рис». Это целую-то чашку риса! Что мне больше делать нечего?

— И то верно,— пожалел я Шакира,— будто и впрямь тебе делать нечего.

— А теперь вот ревет.— Шакир кивнул на дверь.— Молчишь, так она на голову садится.

— Э-э, да что ты связываешься с девчонкой,— успокаивал я друга.— К ним нужен подход. Они сами все сделают, только с ними надо по-хорошему. Девчонки все простофили. Скажи им ласковое словечко — и порядок! Все будет по-твоему. Не веришь? Сейчас увидишь.

Я подошел к двери и позвал вкрадчиво:

— Юлдуз, выйди сюда, сестричка.

Дверь тихонько открылась, и из комнаты, вытирая рукавом слезы, вышла Юлдуз. Она все еще всхлипывала. Шакир взглянул на нее, но ничего не сказал.

Я не знал, с чего начинать.

— Чего тебе? — спросила Юлдуз.

— Нехорошо получается,— начал я с нравоучения.— Ну можно ли так относиться к старшему брату?

— Да разве она понимает такие вещи? — пробурчал Шакир.— Она только умничает...

И я начал говорить, да так, что сам себе удивлялся, откуда что бралось. Приводил примеры из прочитанных книг. Даже ударился в историю.

— Во все века и у всех народов,— сказал я,— младшие всегда уважали и почитали старших.

— А старшие? — спросила Юлдуз.

— Что «старшие»?

— Старшие должны выполнять просьбу младших, если просьба разумная. Правильно?

— Правильно, — согласился я.

— Тогда поднимитесь на крышу и посмотрите, провялился виноград или нет.

Я пожал плечами и посмотрел на Шакира.

— Слазим?

Шакир не возражал, поскольку эта просьба никак не могла унизить его мужского достоинства.

По высокой приставной лестнице (дом был двухэтажный) мы вскарабкались на плоскую крышу. Здесь на расстеленной полиэтиленовой пленке сушился виноград, будущий изюм. Мы съели по горсти ягод и решили, что изюм еще не готов.

В это время во дворе раздался стук, словно что-то уронили. Шакир одним прыжком очутился у края крыши.

— Теперь нам крышка,— сказал он.

Я вскочил, подошел к нему, и все стало ясно. Лестница лежала поперек двора.

— Эй, Юлдуз, иди-ка сюда,— позвал Шакир.

— Что вам нужно? — Юлдуз медленно вышла из кухни.

— Это ты убрала лестницу?

— Да! — сказала Юлдуз. Сложив вчетверо скатерть, она кинула ее на крышу.— Вы переберете весь рис, а потом я вам поставлю лестницу. Мне надоело каждый день просить тебя об одном и том же.— Вслед за скатертью на крышу полетел мешочек с рисом.

Мы с Шакиром так и застыли на месте.

— Слушай, тихоня! — крикнул на нее Шакир.— По-хорошему тебя прошу: сейчас же поставь лестницу. Не то плохо будет.

— Но я ведь вас прошу, а просьбу старшие всегда должны выполнять,— сказала Юлдуз и посмотрела на меня.

Я прикусил губу и отвернулся. Шакир, как курица, наступившая на горячие угли, ходил с одного конца крыши на другой и ворчал. Сначала он грозил Юлдуз, потом начал просить. Но Юлдуз и ухом не повела. Я стал смотреть, как можно слезть с крыши, но вокруг не было ни деревца, ни забора. А прыгать... и подумать страшно.

Шакир сидел на краю крыши, обняв колени. Я сел рядом, тоже потеряв всякую надежду на приземление.

— Молодец! — съязвил Шакир.— Это ты во всем виноват. Теперь иди и перебирай рис!

— Это почему же? — не скрывая обиды, сказал я.— Ты будешь есть плов, а я рис перебирай?!

Мы долго спорили, дело чуть до драки не дошло, потом опять уселись на краю крыши. Из кухни вышла Юлдуз и, не обращая внимания на наши крики, стала подметать двор.

— Нельзя же сидеть сложа руки, надо что-нибудь придумать,— сказал я.

— Вот и придумай! Ты же мастер на выдумки.

— Не подковыривай. В таком деле мы должны действовать вместе.

— Так что ты предлагаешь?

Я прошептал на ухо Шакиру свой хитрый ход, он согласился.

— Начинай! — вскочил он с места. Я схватился за голову, пробежал раза два по крыше, охая и ахая, а потом «упал без чувств».

— Эй, тихоня! — крикнул Шакир.— Что ты наделала! Будешь отвечать перед его родителями.

— А что я наделала? — спросила снизу Юлдуз.

— Он у них единственный сын,— сказал Шакир,— у него солнечный удар! Поставь лестницу, я его спущу вниз.

Я стал изо всех сил стонать, дрыгать ногами. И вдруг услышал хихиканье Юлдуз.

— Ты скажи своему другу,— крикнула она брату,— не все девочки простофили!

Я и не заметил, как вскочил на ноги и крикнул во весь голос:

— Поставь лестницу! Не то я сейчас начну кричать, позову народ!

Юлдуз пожала плечами.

Перевел Витали...

— Зови,— сказала она спокойно.— Над вами же и посмеются.

Я, весь дрожа от злости, подсел к Шакиру. Солнце пекло нещадно. Шакир неотрывно глядел на журчащий арык и глотал слюну. Я тоже ощутил страшную жажду.

— Слушай, давай переберем этот проклятый рис,— сказал я Шакиру.

Шакир долго молчал.

— Ладно,— согласился он наконец,— только, когда спустимся, ты будешь держать ее, а я...

Мы твердо договорились наказать Юлдуз и принялись за дело.

Целый час мы пыхтели и потели над рисом. И я понял, что ничего на свете нет труднее, чем перебирать рис.

Солнце уже закатилось за верхушки деревьев, когда мы закончили работу. Хотели встать и не смогли разогнуть спину. Шакир по-пластунски пополз к краю крыши и крикнул сестре:

— Эй, поставь лестницу!

— Сейчас,— ответила та,— только вот сбегаю за Дильбар.

Услыхав это, я чуть не спрыгнул с крыши.

— Я одна не смогу поднять лестницу,— сказала она и выбежала на улицу. Вернулась она с моей сестренкой.

— Ой, что вы делаете на крыше? — удивилась Дильбар, увидев нас.

— Греемся! — рассердился я.

Юлдуз и Дильбар кое-как поставили лестницу, а слезть мы все равно не можем, даже шевельнуться сил нет.



— Ой, что вы делаете на крыше? — удивилась Дильбар, увидев нас.

— Спустишься и тут же лови ее,— напомнил мне Шакир.

Кое-как мы сползли вниз по лестнице. Юлдуз стояла в сторонке и поглядывала на ворота, готовая в любой момент сорваться с места.

— Дильбар,— сказала она,— ты говорила, что твой брат ничего дома не делает. Это неправда. Если его хорошенько попросить, он горы своротит!

Я хотел было поймать Юлдуз, да вот беда — ноги были как ватные.

Шакир осуждающе поглядел на меня, вздохнул и поплелся в дом.

Перевел Ю. КАЧАЕВ



Олим МАХКАМОВ

ВРУНИШКА

ФЕЛЬЕТОН

Когда я пришел в школу, уроки уже давно начались. В прошлый раз я тоже опоздал... И в позапрошлый, кажется, тоже. И тут у меня появляется блистательная идея. Я смочил оба глаза и тихо вошел в класс.

— Можно?

— Что случилось, Ахмаджон? — встревожился учитель, увидев, как грустно я стою возле двери.

— Отец что-то заболел, сидел около него,— ответил я и принялся тереть глаза.

— Э-э, раз такое дело, мог бы и не приходить,—говорит учитель.— Ну, ничего. После звонка пойдешь домой. За больным нужно присматривать.

В классе воцарилась тишина. Все смотрели на меня. И чем больше они меня жалели, тем сильнее я краснел. Что мне теперь делать? Если останусь на остальные уроки, несмотря на тяжелую болезнь отца, все подумают, что я черствый человек. Нужно уходить, другого выхода нет.

Только вышел из школы, смотрю, бежит мой братишка. Увидел меня — улыбается.

— Ты что здесь делаешь, шалопай? — сурово спросил я.

— Иду в школу, на занятия кружка.

— Кружка? — Я сделал удивленный вид.— Не торопись. Видел твоего руководителя, и он велел передать, что занятий не будет.

— Что же делать... — расстроился братишка.— Придется идти домой.

— Нет, нет,— испуганно говорю я,— что ты там потерял? Пойдемка в кино!

— Ура! — закричал брат.

И мы пошли в кино.

— Только не рассказывай про это никому,— предупреждаю я.— Тогда я тебя часто буду водить в кино.

Когда мы вернулись домой, отец кетменем копал землю. Собирался посадить только что привезенные саженцы.

— Помочь, папа? — спрашиваю я.

— Устал, наверно, после школы,— улыбается отец.— Отдохни, поешь сначала.

Я не успел ничего ответить. Во двор вошли учитель и мои одноклассники. Они смотрели на отца, с силой ударяющего кетменем о землю.

Уткир РАШИД

ЧТО В ПОРТФЕЛЕ У РУСТАМА?

С улыбкой веселой,
Портфель в руке держа,
Рустам учиться в школу
Шагает не спеша.
В портфеле у него лежат
Пять спелых слив и виноград,
Три яблока и груша
И два кулька конфет.

Какого только груза
В его портфеле нет!
В нем — пирожок, и мармелад,
И торт «Сюрприз», и шоколад.
Еще — две кочерыжки,
Халва и карамель...
Рустам наш только книжки
Не положил в портфель!

Перевел Раим ФАРХАДИ

«ПАСТУХИ» И «КОЗЫ»

Играть в эту игру можно во дворе, на лесной поляне, в спортзале, словом, на любой большой площадке.

Первым делом выберите судью, который будет следить за выполнением правил игры. На площадке начертите круг диаметром 8—10 метров. Разделитесь на две равные по количеству игроков команды. Теперь игру можно начинать. Одна команда становится в круг — это «козы», а другая остается за чертой — это «пастухи». Один из «пастухов» входит в круг и, прыгая на одной ноге, старается догнать «козу». Касаться «козы» можно только указательным пальцем. Толкать «козу» кулаком или ладонью не разрешается. «Козы» убегают от «пастуха», но при этом они не должны переступать черту. Если «пастух» поймает «козу», то оба игрока выходят из круга. В круг входит новый «пастух». После того как «пастухи» переловят всех «коз», команды меняются местами. Побеждает та команда, которая сумеет быстрее переловить всех «коз».

«ОК ТЕРАКМИ, КУК ТЕРАК?»

Разделитесь на две команды. Игроки берутся крепко за руки, и команды становятся друг против друга на расстоянии десяти — пятнадцати метров.

Первая команда хором спрашивает: «Ок теракми, кук терак?» — по-русски это значит: «Белый тополь или зеленый?» Другая команда хором отвечает: «Бизда сизга ким керак?» — «Кто из нас вам нужен?» Тогда первая команда хором выкрикивает имя любого из игроков второй. Он должен разбежаться, грудью разорвать цепь соперников и привести одного игрока в свою команду. Если ему не удалось это сделать, то он остается в команде соперника.

Игра длится десять — пятнадцать минут. Выигрывает та команда, в которой к концу игры останется больше игроков.



Рисунки Ю. КАРПОВОЙ

ВИКТОРИНА

1. Когда образовалась Узбекская ССР? С какими республиками она соседствует?

2. Где и когда в Узбекистане были созданы первые пионерские отряды?

3. В первые годы Советской власти партия и правительство выделили крупные суммы на орошение степей Туркестана. Как называются эти степи? Какие города там выросли?

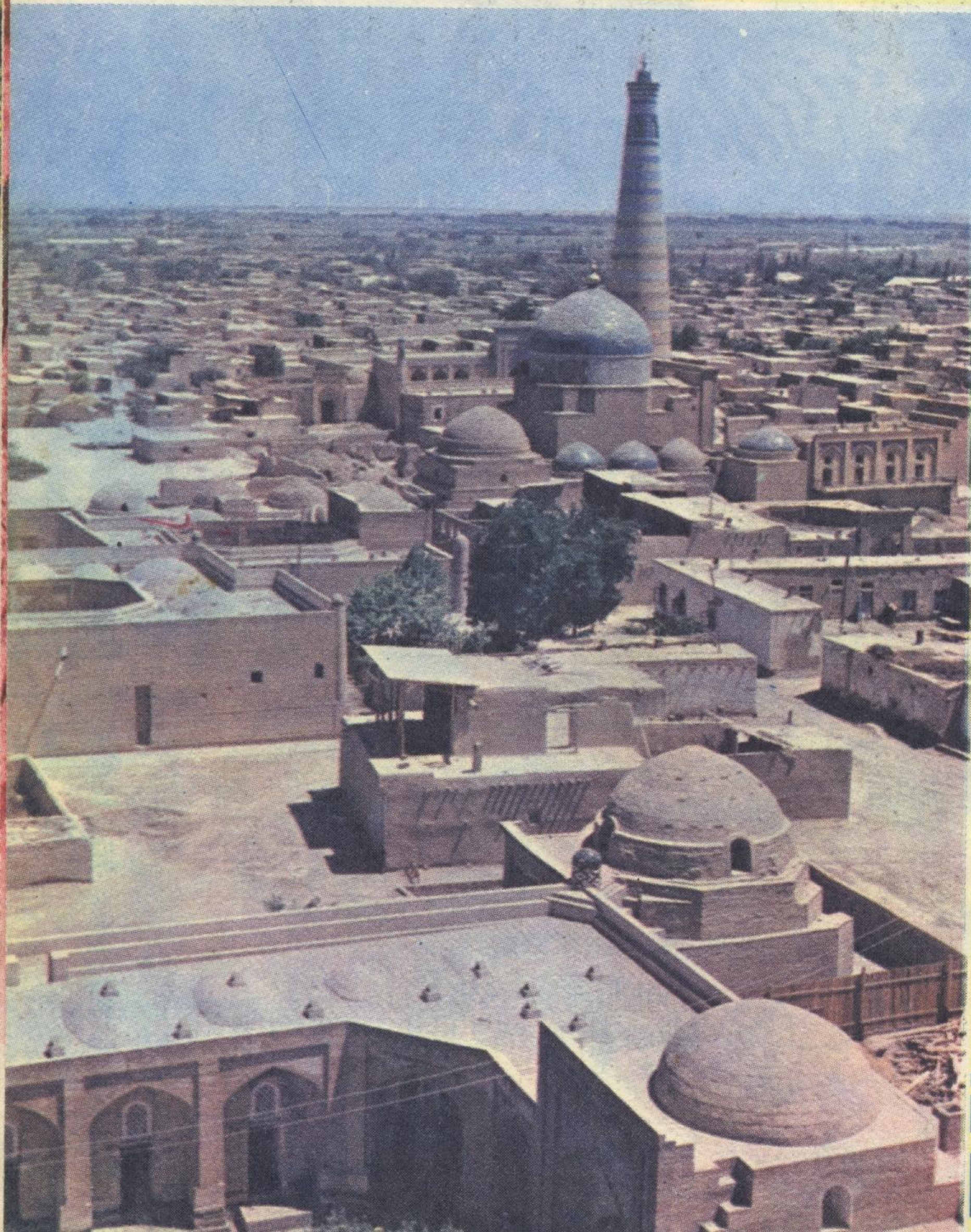
4. В каком году в Узбекистане был собран рекордный урожай хлопка?

5. Где в Узбекской ССР расположена древняя обсерватория? Как она называется?



Ташкентский филиал Центрального музея В. И. Ленина.

Хива — один из древнейших городов республики.



6. Назовите имя великого медика, ученого и философа, родившегося в X веке недалеко от Бухары.

7. Именем какого великого узбекского поэта назван город в Узбекистане?

8. Как называется крупнейшее хлопчатобумажное предприятие СССР? Где оно находится?

9. Назовите четыре Всесоюзные ударные комсомольские стройки в Узбекистане.

10. Кто из летчиков-космонавтов СССР родился в Узбекистане? В каком городе он вырос?

ЕСЛИ ТЫ, ДОРОГОЙ ДРУГ, ХОЧЕШЬ БОЛЬШЕ ЗНАТЬ ОБ УЗБЕКСКОЙ ССР,— УЧАСТВУЙ В ВИКТОРИНЕ «ПИОНЕРА» И «ГУЛХАНА». ЛУЧШИЕ ОТВЕТЫ БУДУТ ОТМЕЧЕНЫ ИНТЕРЕСНЫМИ КНИГАМИ.

Ответы посылай не позднее 15 марта и на конверте напиши: «Викторина «Гулхана».



Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Какую роль играют деревья в жизни человека?
Ученица. По ним мы отгадываем времена года.

Наташа Азибина, г. Пермь.

НА УРОКЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Учитель. Вова, какой вид спорта тебе больше всего нравится?
Вова. Купание.

Анжела Крупенник, г. Минск.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Что ты знаешь о составе слова?
Ученик. Слово состоит из корня... стебля... и пристройки!

Г. Г., г. Выкса, Горьковская область

Из школьных сочинений

«Образом Хлестакова Гоголь хотел сказать, что в царской России мелкий чиновник мог вкусить все радости жизни, только став ревизором».
«Выражение лица стремится в бой».
«Борис услышал хрюканье свиней, гогот гусей и зеленую крышу хутора».
«В древности люди не знали письменности, но писали от руки».
«Циклоп схватил двух спутников Одиссея и стукнул их об асфальт».
«Он положил руку в карман, но кармана не оказалось на прежнем месте».

Переменка

Пинг-понг

«У меня есть говорящий попугай, но я не могу заставить его говорить. Может быть, это не попугай вовсе?»

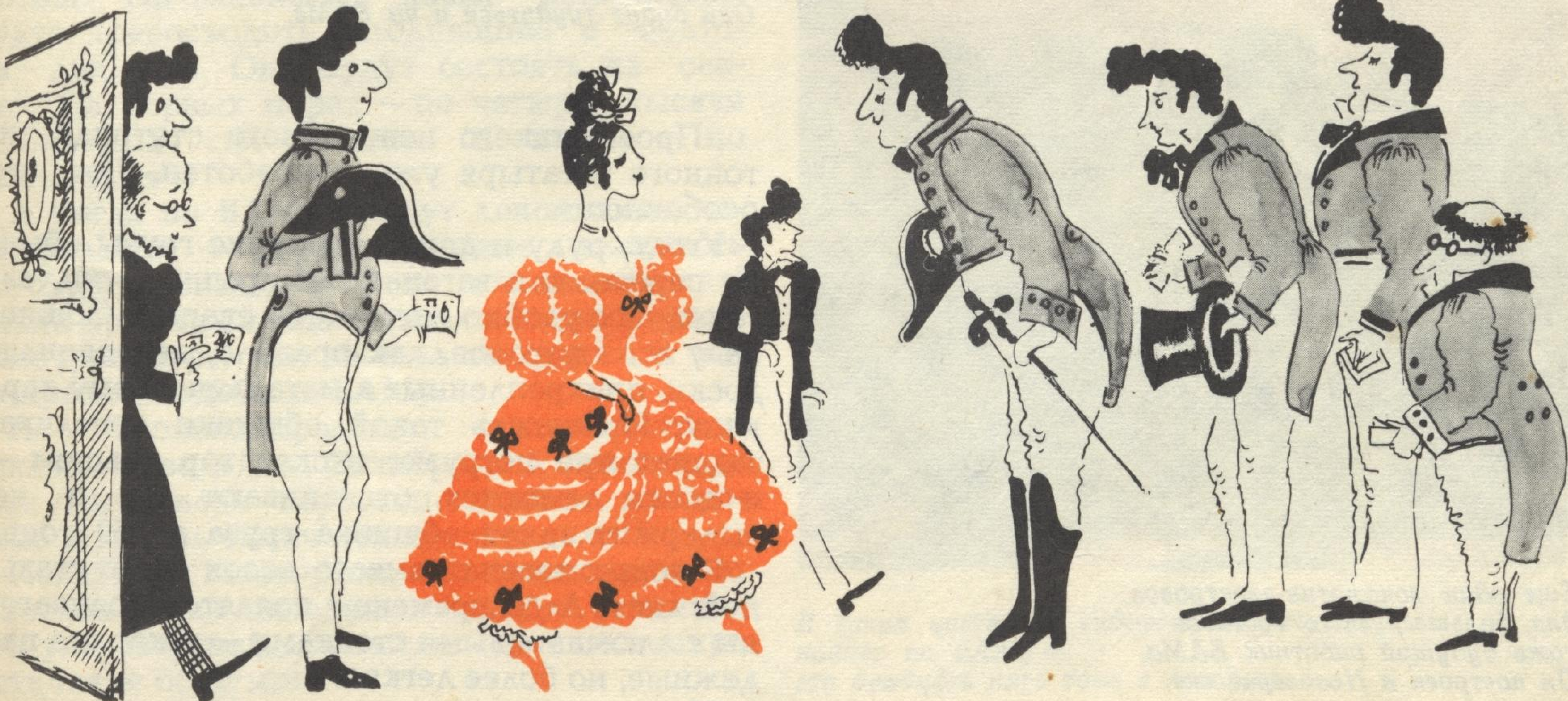
Галя В., г. Армавир

— Надо проверить: настоящие попугаи живут очень долго. Если твой попугай проживет 300 лет подряд, значит, точно, попугай. А если нет, значит с ним и говорить не о чем...

«Сколько раз можно оставаться на второй год?»

Олег С., г. Вапнярка

— Сколько угодно! Но учти, что это опасно. Можно сгореть от стыда!



Переменка

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки А. ВОВИКОВОЙ



БОГАТЫРИ

Восточная Сибирь... По таежным урочищам, по сыпучим гольцам, через студеные горные речки, мари и болота прокладывают строители невиданную трассу — БАМ. Трассу, по которой днем и ночью будут идти составы с лесом, нефтью, углем, рудой. С таким гигантским потоком грузов не справиться обычным вагонам и локомотивам.

БАМу нужны **большегрузные составы.** Нужны они и другим трассам, по которым пойдут грузы десятой пятилетки.

Сейчас в ходу шестидесятитонные вагоны. Для большегрузных составов понадобятся более вместительные — раза в два больше нынешних. Вагоны нужны прочные, которым не страшны тысячекилометровые пробеги.



В этом году на дорогах страны уже начали работать первые грузовые локомотивы-силачи Тбилисского электровозостроительного завода им. Ленина. Они будут трудиться и на БАМе.

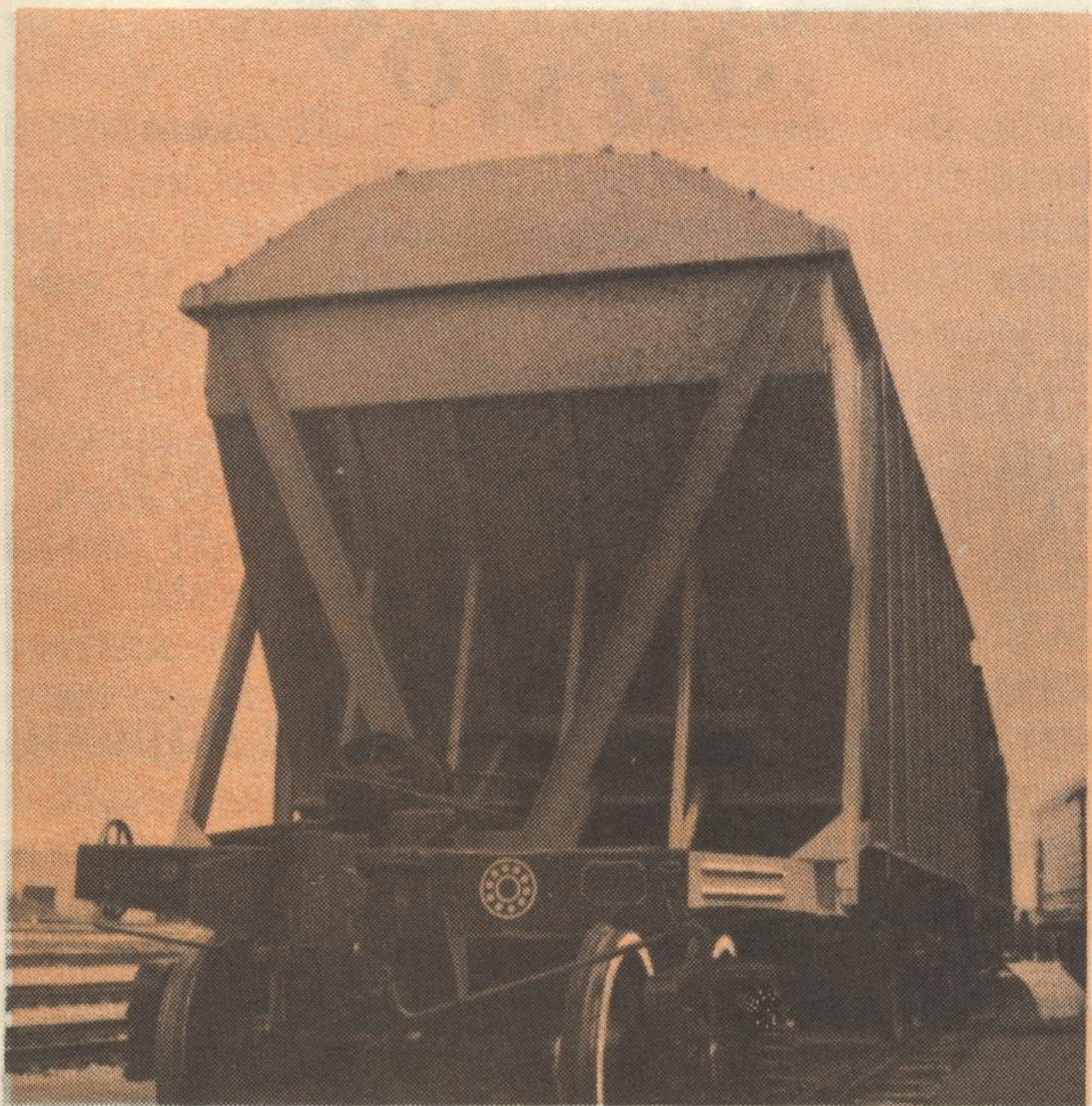


Еще один локомотив-электровоз для большегрузных составов — тоже будущий работник БАМа. Он построен в Новочеркасске.

Проект такого невиданного стотридцатитонного богатыря уже разработан. Вот его особенности.

Уголь, руду и другие сыпучие грузы обычно перевозят в вагонах без крыши — полувагонах; их удобно загружать сверху. Обшивка у этих вагонов, как правило, деревянная: доски, прикрепленные к металлическому каркасу. Прочность такой обшивки невелика, заденет при погрузке экскаватор ковшом — и доски ломаются, отскакивают. Да и не выдержит такая обшивка груза в 150 тонн.

В новых вагонах вместо досок будет стальной лист. А со временем появятся полувагоны с алюминиевыми стенками — такие же надежные, но более легкие.



Цельнометаллические вагоны строит для БАМа Крюковский завод.



Этот могучий тепловоз уже проходил испытания на БАМе. Ворошиловградский завод будет выпускать и более мощные — секционные тепловозы такого типа.

Крюковский вагоностроительный завод уже выпускает большегрузные металлические вагоны.

Ждановский завод тяжелого машиностроения им. 50-летия Октябрьской революции будет выпускать 125-тонные цистерны для нефти. Новые цистерны отмечены Государственным Знаком качества.

Понятно, что поезду, составленному из вагонов-силачей, нужны особо мощные локомотивы. По мощности новые локомотивы будут превосходить сегодняшние в полтора — два раза. Они будут состоять из секций. На первых порах — по четыре тысячи лошадиных сил каждая, а потом — по шесть тысяч!

А когда по БАМу пойдут локомотивы магистральные — двухсекционные, мощность их будет двенадцать тысяч лошадиных сил! Таких богатырей еще не знал железнодорожный транспорт, как не знал он стальных магистралей, подобных БАМу.

На Ворошиловградском тепловозостроительном заводе им. Октябрьской революции уже изготовлен первенец-тепловоз мощностью в восемь тысяч лошадиных сил.

Появятся и газотурбовозы тоже мощностью в восемь тысяч лошадиных сил. Две секции — это уже шестнадцать тысяч. Где еще в мире есть такие богатыри?

Какими же мастерами своего дела должны быть машинисты, которые поведут эти чудо-поезда по трассам десятой пятилетки! Кто знает, может быть, и ты будешь работать на локомотивах 2000 года!

Б. КОЛЕСОВ

Фотографии Ю. ЛЕОНОВА



В таких цистернах сибирская нефть пойдет по БАМу — сто двадцать пять тонн в каждой!



Хорошо в лесу зимой!

П. МАМОНОВ

ВСЕМ,
КТО НЕ ЛЮБИТ КАНИКУЛЫ,
КТО ПРЕДПОЧИТАЕТ ПРОСИЖИВАТЬ
ЗА УЧЕБНИКАМИ ПРАЗДНИКИ
И ВОСКРЕСЕНЬЯ;
ВСЕМ,
КТО НИ РАЗУ НЕ УЛЫБНУЛСЯ,
НИ РАЗУ НЕ НАБИЛ НИ ОДНОЙ ШИШКИ;
ВСЕМ,
КТО БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ
ЛЮБИТ СКУКУ,
ЭТУ СТРАНИЦУ ПЕРЕВЕРНУТЬ
И НЕ ЧИТАТЬ!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Представление начинается

Жизнь у Бабы-яги — позавидуешь! В ступе летать да помелом рулить. В сказке-то все просто делается: гикнул, свистнул — вот тебе и ступа, вот и помело. А обыкновенному мальчишке куда податься? В универмаге помело не купишь. Так и ходил Алеша, повесив голову.

Дело было вот в чем. Учился он в московской школе № 290. Придумали ребята из этой школы новогодний праздник сделать прямо в лесу. И выдумали все вместе сказочный концерт. Но без Бабы-яги редкая сказка обходится. Вспомнили про Алешу. На переменках он больше всех носится.

Роль он быстро выучил, а вот с костюмом — никак. Пришлось всем лешим да чертям вместе с Мальвиной и Дюймовочкой за работу взяться. Кто лоскутки притащил разные, кто очки где-то доисторические откопал, кто просто старый веник принес (тоже ценный вклад в общее дело). Потрудились на славу: страшилище получилось не то что ночью, днем испугаешься.

За несколько дней до праздника «разведчики» отправились в лес (он совсем рядом со школой), нашли подходящую поляну. На обратном пути развесили на деревьях красные флажки, чтобы сразу найти дорогу к зимнему театру.

Наступил день праздника. Несколько ребят вместе с пионервожатой в лес ушли пораньше. Девочки украсили театр гирляндами, игрушками. Мальчики очертили на поляне большой квадрат, снег притоптали — сцена готова. Потом чудо-печку притащили, сделали сами с учителем труда из старой плиты, чтобы девочки-повара в антракте блинов напекли. Зимний театр готов!

Тут и остальные ребята подошли, концерт начался. Дюймовочка с Котом вальс танцевали, крокодил Гена песенку спел, Волк и Заяц акробатический этюд исполнили. Зрители потоптались-потоптались на морозе, не выдержали, выскочили на сцену и давай плясать. А когда девочки петь начали, весь лес сбежался послушать. Белка заслушалась, мимо ветки проскочила, а уж дятла хлебом не корми, дай хорошую песню послушать. Оно и понятно: целый день долбишь, долбишь — в ушах звенит.

После представления Баба-яга объявила конкурс: кто что из снега лепить умеет.

Белоснежка своих гномов вспомнила и давай самого доброго лепить, у Мальвины вместо пуделя лев получился.

А все мальчишки куда-то запропастились, нет и нет. Вдруг из леса шум какой-то. Ближе, ближе, и высыпала на поляну целая орава — мальчишки!

— Идите, идите скорее! Что мы вам покажем!

Все побежали за ними. На крутом берегу замерзшей речушки стоял огромный слон. Наверное, добирался сюда на праздник из далекой Африки, да по пути морозцем прихватило, так и остался стоять, замерз. А мальчишки всем на удивление забрались на его спину и вниз как покатятся по хоботу. Вот так горку выдумали! Первый приз обеспечен — билет в цирк на елку.

Кончился праздник в лесном театре. Только елки переговариваются, шепчутся, представление забыть не могут. И светится яркой звездочкой-льдинкой глаз снежного льва-великана. Еще не раз придут сюда в каникулы ребята и малышей приведут показать сказочный снежный город.

**Вот как устроили свой праздник в лесу ребята из 290-й школы.
Но с новогоднего праздника каникулы только начинаются.
Как же сделать веселым и интересным каждый день зимнего отдыха?
Что еще можно придумать зимой?
Что интересного можно увидеть?
Мы попросили ребят из разных школ поделиться опытом.**

Сева Глухов, 143-я школа, г. Москва:

— ...В лесу шуметь нельзя. Это знает каждый, кто любит лес. А вот у ребят нашего биокружка однажды был случай, когда нас попросили пошуметь.

Поехали мы с Татьяной Александровной, это наша учительница по биологии, в Суходольское охотхозяйство Тульской области. Егерь нас попросил помочь следы сосчитать. Ему обязательно надо знать, сколько зверей у него живет на участке и какие. Чтобы корму им достаточно на зиму заготовить, знать, кому помощь нужна. Да и нам интересно, по книжке-то все следы изучили, а настоящих никогда не видели.

Выбрали мы в лесу большой участок. Протоптали границу вокруг него. Растянулись цепочкой и пошли. Вот теперь и надо было шуметь, чтобы всех зверей поднять. Потом по краю участка следы сосчитали, определили, чьи они, записали все в тетрадку и егерю отдали.

Сергей Денисов, г. Истра:

— ...Мы часто ходим зимой на реку, делаем проруби, чтобы рыбам дышать легче было. На этот раз зашли чуть подальше, чем обычно. Видим какие-то бугорки на реке. С нами одна девочка была, она биологию хорошо знает, сказала, что это такие зимние домики-хатки разных водяных зверьков — ондатры, бобров. Зимой они на снег не выходят — боятся хищников, а вылезают подышать в такие вот хатки.

Рядом пеньки обгрызенные из-под снега торчали. По ним мы узнали, что здесь живут бобры.

Людмила Крейман, г. Москва:

— ...Мы с ребятами любим кататься на лыжах в лесу. Очень интересно самим прокладывать лыжню. Такую, чтобы и спуски были и подъемы, чтобы то в лесу петляла вокруг елок, то, как стрела — вниз с обрывистого берега речки.

У нас компания обычно в семь человек. Когда прокладываем лыжню, последнему уже совсем легко скользить. Первому, конечно, труднее всех, но зато и интересней, сам выбираешь путь.

Учти, в густом лесу не найдешь крутых горок. Лучше всего идти по руслу какой-нибудь речки — обязательно горки будут.

Саша Чурбаков, г. Мытищи, Московской области:

— ...А мы любим зимой играть в разные игры. Расскажу вам об одной. Она называется «Зайчики». Для этой игры нужно, чтобы снег был нетронутый, невытоптанный — такого в лесу сколько угодно. Один человек бежит, за ним след в след другие ребята, не отставая. Кто не попал в след, тот вылетает. Потом бежит впереди тот, кто оступился последним.

А еще ребята рассказали нам много историй, которые случаются зимой в лесу, и правдивых и фантастичных. Попробуй-ка сам разобраться, где правда, а где выдумка.

«Вот помню, как-то раз пошел я в лес...»

— ...Пошел я в лес. Смотрю, охотник сидит на дереве. В одной руке шапку держит, в другой ружье. А внизу медведь. Ужасная картина!

— ...Пошел я в лес. Смотрю по снегу орехи раскиданы, грибы сушеные, и белка с куницей дерется.

— ...Пошел я в лес. Смотрю, следы. Пошел по следам, вижу — лежит антилопа раненая, а рядом волк огромный стоит.

— ...Пошел я в лес, вижу — в расщелине пня камень, а лось стоит и лижет его. Я дождался, пока лось ушел, подошел, сам попробовал.

— ...Пошел я в лес. Ничего не встретил, зато птиц послушал, как они перекликаются на разные голоса.



**Вот такие чудеса!
Но выдумка выдумкой,
одно только скажем точно.
Хорошо в лесу зимой!
Скоро каникулы. Не сиди дома.
Собирай ребят и в лес. Не пожалеешь!**



«Вкуснее не бывает!»



ИТОГИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ НАЗВАНИЕ ДЛЯ КОНФЕТ И НА ЛУЧШИЙ ФАНТИК

Шесть тысяч писем пришло на наш конкурс. И в каждом — фантики. Некоторые прислали по сто и больше фантиков, а Надя Зарубицкая из Великого Устюга придумала для новых конфет 192 названия.

«По-моему, на фантике должно быть самое любимое. Я нарисовал свое село Павлоградку, посмотрите, какое оно красивое», — пишет второклассник Женя Меха.

Наташа Ивченко из села Веселое, Белгородской области, просит выпустить конфеты «Веселые» и нарисовать на фантике ее родное село.

«Лучше мамы нет никого на свете, — пишут Таня и Андрюша Ежелевы из города Бугуруслана, — нарисуйте на фантике нашу маму».

Дина Прокошева из Перми предлагает создать конфеты только для бабушек, а Драгош Блэнар из Кишинева — для дедушек.

Сестрички Наташа и Марина Хаптареевы из поселка Горная-Чул, Иркутской области, решили назвать новые конфеты «Андрюша» в честь их маленького брата, а Павлик Фролов из города Владимира просит выпустить конфеты «Не плачь, девчонка!» для его сестренки Наташи.

Выпустить конфеты, названные именами друзей и подружек, просят многие ребята, а Света Чучук со станции Анапская, Краснодарского края, предлагает создать конфеты «Для друга», чтобы все ребята могли угощать ими своих друзей.

Казалось бы, что такое фантики, а посмотрите, как много они рассказали нам о своих создателях — добрых, заботливых, славных мальчишках и девчонках.

Но, конечно, больше всего конфет с названиями о школе, учебе, веселых каникулах.

«Я люблю школу, весну, всяких животных, веселые песни, мир и маму. Пусть про все это будут конфеты», — предлагает Таня Владыкина из Удмуртии.

Многие ребята, прочитав в нашем журнале рассказ о работе кондитерской фабрики «Красный Октябрь», решили непременно стать кондитерами.

«Когда я читала рассказ о кондитерской фабрике, — пишет Оля Карпова из деревни Грядцы, Калининской области, — я как будто вместе с тетей Шурой управляла варочным аппаратом и колдовала над созданием новых конфет. Спасибо вам, тетя Шура, и всем-всем, кто дарит нам сладкую радость».

Специалисты фабрики «Красный Октябрь» очень внимательно изучили все письма, они просили поблагодарить ребят за выдумку и изобретательность, а Центральный художественный совет Министерства пищевой промышленности РСФСР выбрал двадцать четыре названия для новых конфет.

ВОТ ОНИ, ЭТИ НАЗВАНИЯ ДЛЯ НОВЫХ КОНФЕТ:

«Синяя птица», «Веснянка», «Снегурочка», «Умка», «Колобок», «Кисличка», «Матрешка», «Точка, точка, запятая», «Антошка», «Переменка», «Сладкоежка», «Почемучка», «Росинка», «Каникулы», «Смешинка», «Ау», «Серпантин», «Морячок», «Веснушка», «Солнечный зайчик», «Гусельки», «Головоломка», «Секрет», «Ладушки».

«Сладкие призы» за лучшие фантики и лучшие названия конфет присуждаются: **Герасимовой Юле** и **Никольниковой Ире** (Калуга), **Платоновой Тане** (Ленинабад), **Штину Сергею** (Таллин), **Пьянковой Вале** (Карпинск), **Воеводиной Свете** (Куйбышев), **Кекух Лене** (Воркута), **Шириазданову Мансафу** (дер. Сар-Саз, Башкирия), **Смолко Лене** и **Лобко Свете** (Дзержинск), **Финкельштейн Дине** (Ленинск), **Хакимовой Аиде** (Елабуга), **Скоробогатой Ире** (Тихорецк), **Докукиной Свете** (Волчанск), **Майдиновой Гале** (Саяногорск), **Башмаковой Неле** (Москва), **Зусманович Ольге** (Магадан), **Егоровой Тане** (Тюмень), **Яковенко Ларисе** (Новосибирск).

А нам в редакции понравился еще и вот этот фантик «Рыжик». Прислали его ребята из детского дома в городе Оханске, Пермской области.

СПАСИБО ВСЕМ!

ЖЮРИ КОНКУРСА

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Шахматы и юмор

Многие считают шахматистов людьми замкнутыми, вечно думающими о ладьях, слонах и ферзях. Даже карикатуристы часто изображают поклонников шахматного искусства с унылыми физиономиями, украшенными мрачными роговыми очками.

Но Пешкин другого мнения о шахматах и шахматистах. Он считает, что игра в шахматы требует творческого задора, фантазии, оптимизма и что тут есть простор и для доброй шутки и интересной выдумки.

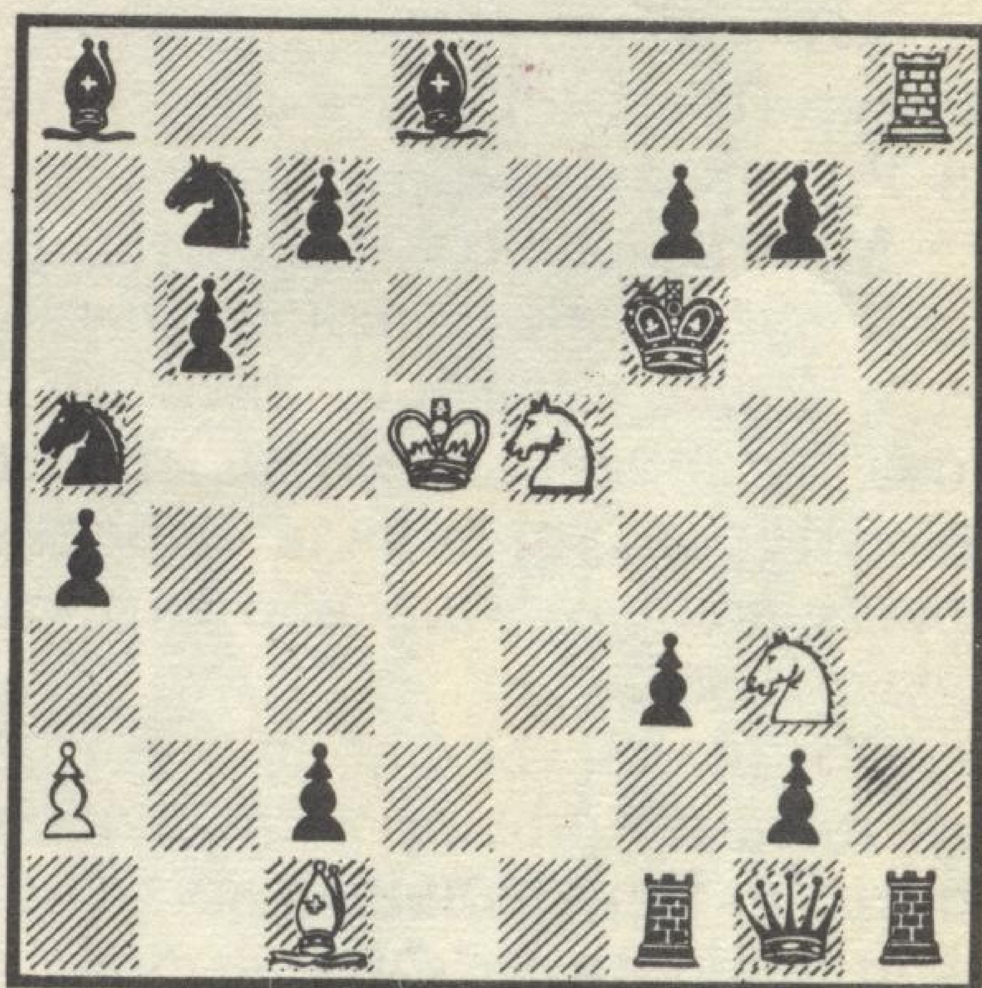
«Бывает ли юмор в шахматах?» — спросил Пешкин экс-чемпиона мира **Михаила Таля.**

«Конечно, — ответил гроссмейстер. — Немало комических приключений возникает на шахматных соревнованиях. И это понятно: игра в шахматы — прежде всего творчество. А какое творчество без хорошего настроения, без улыбки!»

Много лет назад, когда Таль заканчивал Рижский университет, темой его дипломной работы был знаменитый роман «Двенадцать стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Комические приключения на шахматной доске! Посмотрите следующую позицию, и вы убедитесь в том, что они бывают...

«Белые начинают. Через сколько ходов они получат мат?»



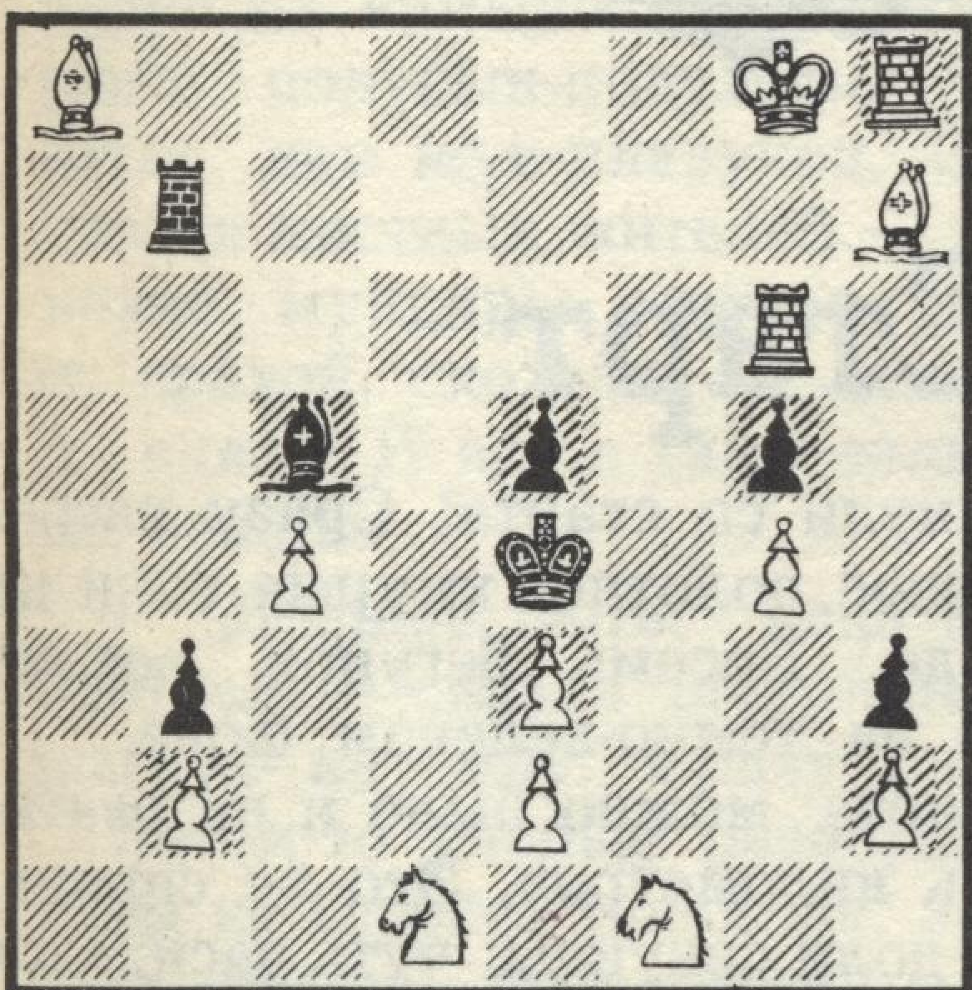
Такой вопрос задал Г. Майер, автор этой позиции, опубликованной почти сто лет назад.

В самом деле, положение белых кажется катастрофическим. У черных подавляющий материальный перевес, белый король находится в зоне обстрела всех черных фигур.

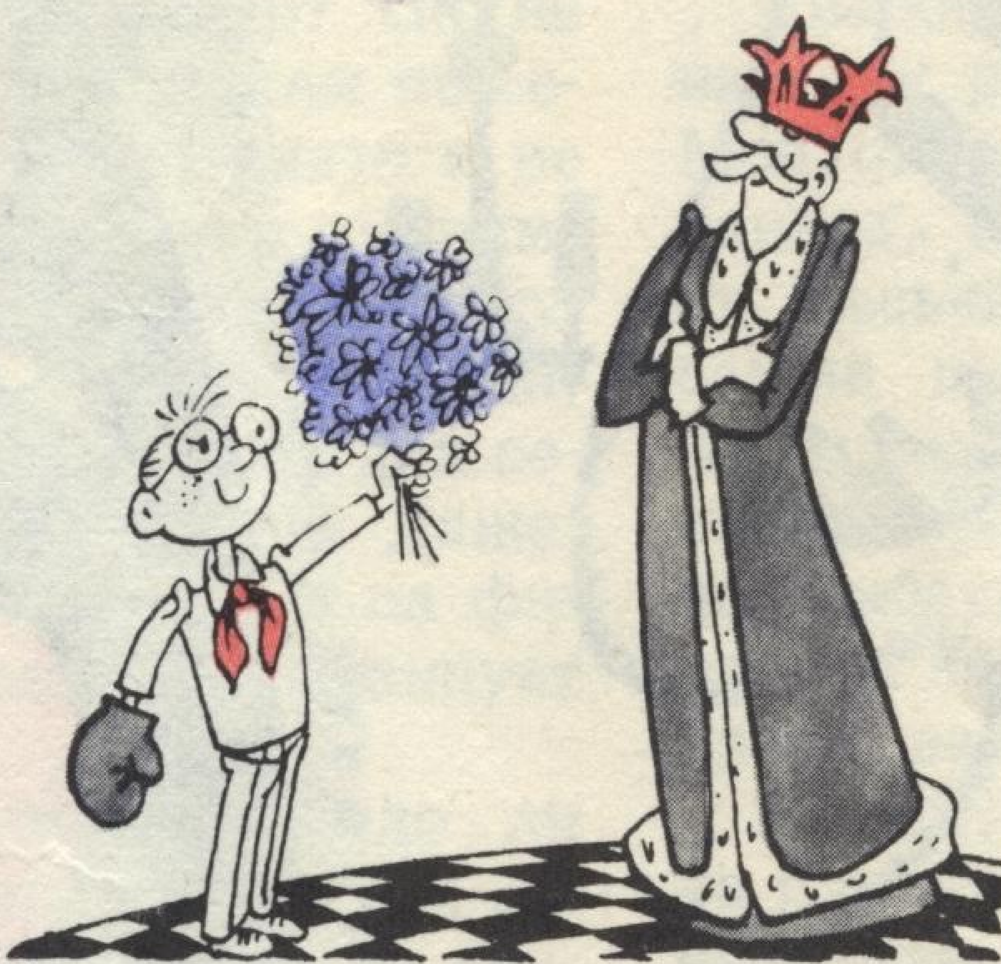
Но белых выручает их конница, смело преследующая черного короля.

1. Ке5—g4+ Крf6—е7 (уходить на g6 бесполезно ввиду 2. Ке5+) 2. Кg3—f5+ Кре7—d7 3. Кg4—е5+ Крd7—с8 4. Кf5—е7+ Крс8—b8 5. Ке5—d7+ Крb8—а7 6. Ке7—с8+ Кра7 — а6 7. Кd7—b8+ Кра6 — b5 8. Кс8 — а7+ Крb5—b4 9. Кb8—а6+ Крb4—с3 10. Ка7—b5+ Крс3—d3 11. Ка6—b4+ Крd3—е2 12. Кb5—с3+ Кре2—f2 (только не на е1, тогда конь дал бы мат) 13. Кb4—d3+ Крf2—g3 14. Кс3—е4+ Крg3—g4 15. Кd3—е5+ Крg4—f5 16. Ке4—g3+ Крf5—f6 и... вновь возникла позиция, изображенная на диаграмме. Кругосветное путешествие короля можно продолжать бесконечно. Ничья вечным шахом!

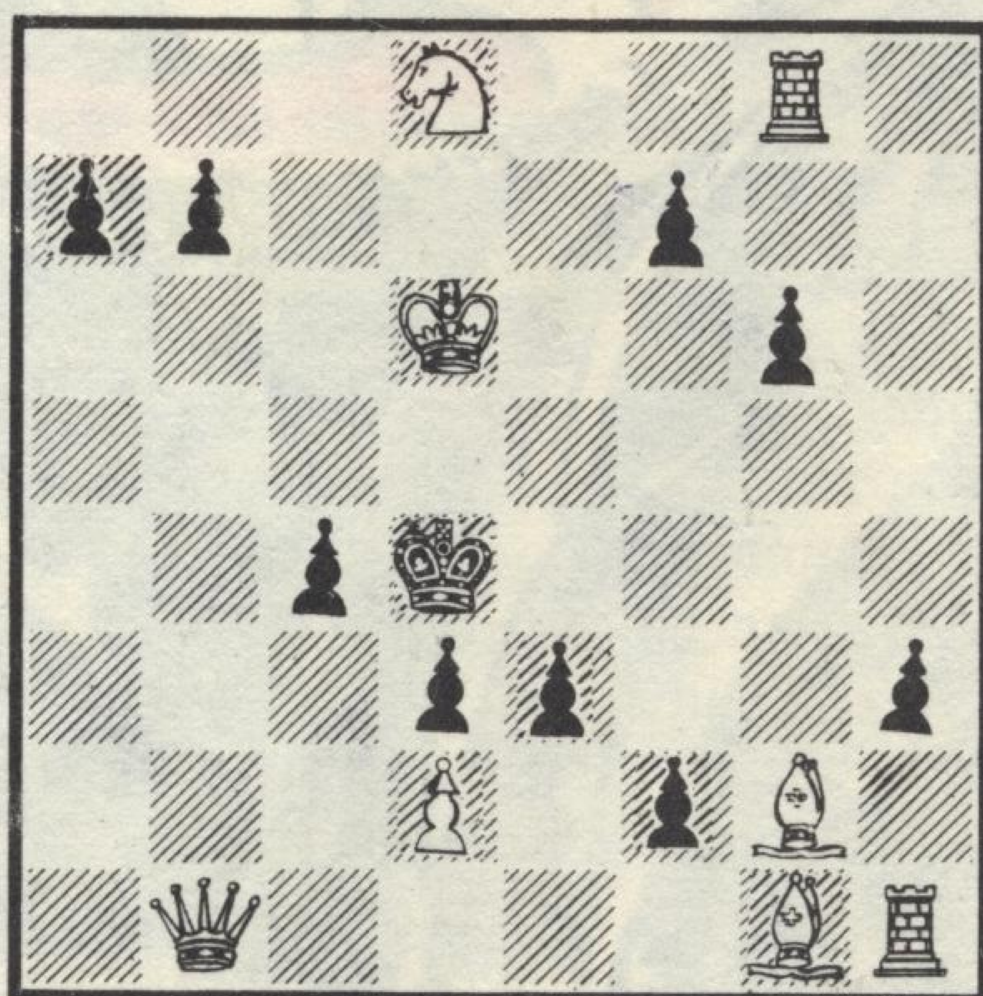
А вот еще одна необыкновенная задача. Найдите такой ход белых (они начинают игру), при котором белые... не дают мат в один ход.







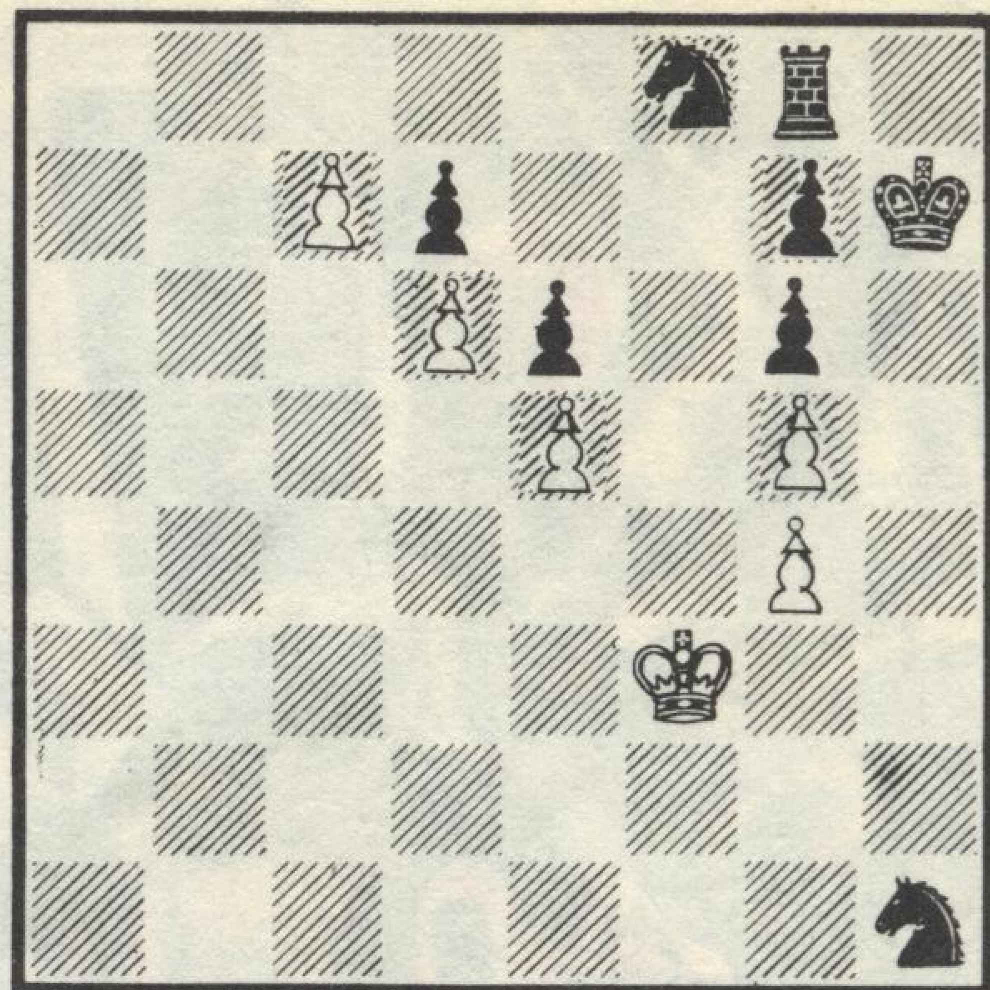
На этой диаграмме в позиции допущена ошибка. Какая?



Пешкин надеется, что вы ее найдете. Исправить ошибку можно девятью разными способами. Как только она будет исправлена, белые, начиная игру, смогут дать мат в один ход черному королю.

Какая фигура сильнее — ферзь или конь? Пожалуйста, не удивляйтесь этому вопросу. В том-то и красота шахмат, что в разных положениях привычное соотношение силы шахматных фигур резко меняется. Все зависит от того, как расположены фигуры, как они действуют. Часто и конь становится главным актером шахматной сцены.

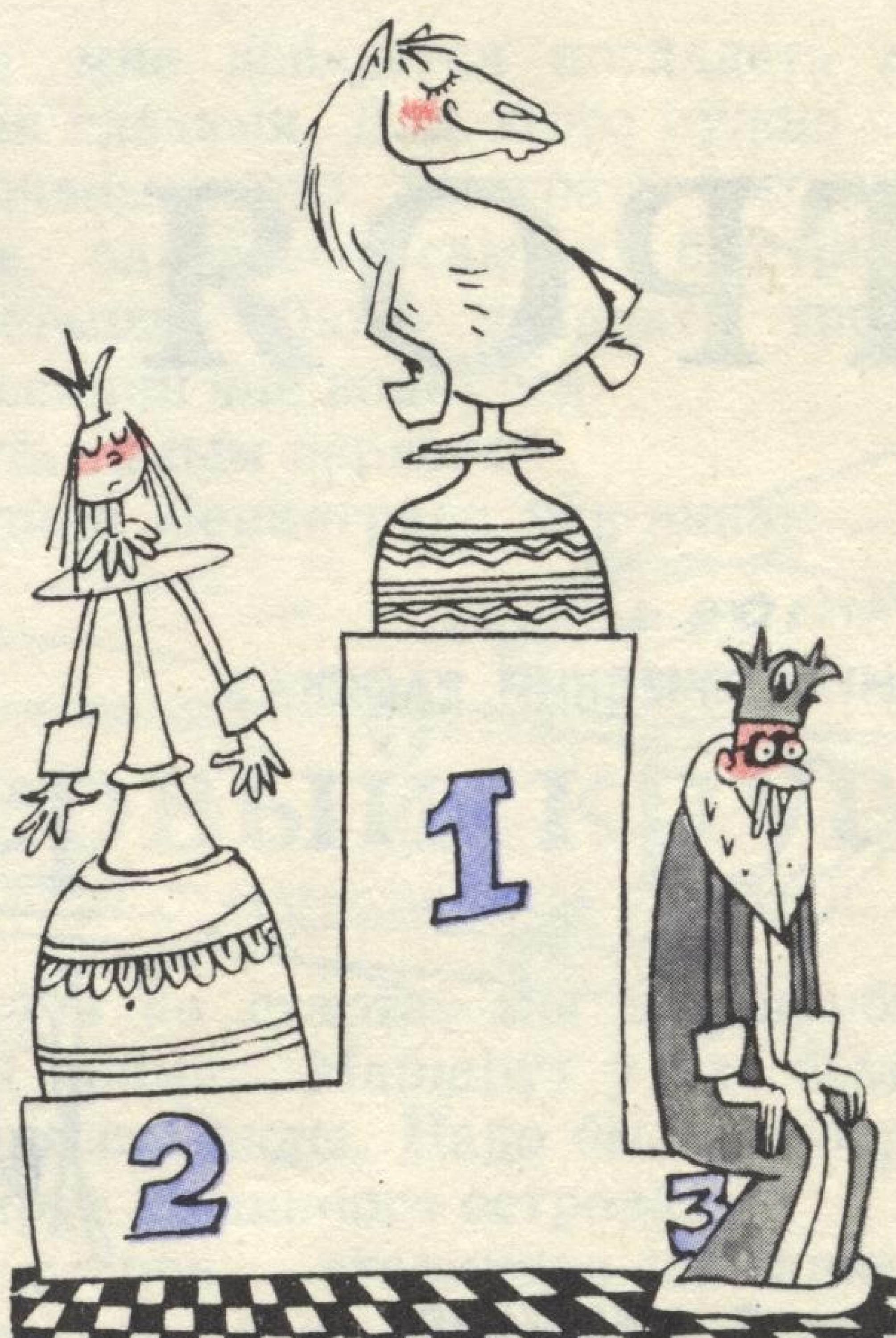
Сейчас ход белых, они могут превратить пешку с7 в ферзя, что, казалось бы, само собой разумеется. Но комизм этой позиции, составленной эстонским мастером Ю. Рандвииром, в том, что при 1. с7—с8Ф черным гарантирована ничья. Они просто будут ходить королем и ладьей на h8 и g8, сохраняя неприступные оборонительные рубежи.



Неожиданно решает превращение пешки в коня — 1. с7—с8К. Найдите, как будут играть дальше белые, какой план атаки при своих минимальных силах они проведут.

Свои решения вы сможете сверить с решениями Пешкина, напечатанными на стр. 78. Напишите Пешкину, понравились ли вам эти четыре задачи. Расскажите об интересных случаях в ваших партиях.

Пешкин ждет от вас сообщения о турнирах клуба «Белая ладья».



Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА



Георгий ГУРЕВИЧ

ТРОЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Старт

Эх, как мы рванули со старта! Сразу распороли это шишкинское полотно: хмурые елки на полированной воде. Восемь бегунов, восемь треугольных волн на темно-зеленом фоне.

Конечно, со старта можно было и не рвать. Мы шли на десять километров. Это не спринт, где решают сотые доли секунды: чуть засиделся на старте — и пропал забег. Но столько мы готовились, столько ждали! Ждали и ждали, а судьи все копались, шелестели протоколами, рассаживались. У нас нервы были натянуты, как струны, как тетива хорошего лука. И вот флажок взмахнул, тетива спущена, летят восемь стрел.

Как обычно, сразу все сбились влево, к внутренней кромке маршрута, самой короткой Секундная толкотня, разобрались, вытянулись в цепочку. Повела зеленая майка — парень из Челябинска. Бесперспективный малый, коротконогий и с коротким дыханием. Но чаще всего со

старта ведут именно бесперспективные. Знают же, что лидеру труднее, он на других работает: и воздух раздвигает и воду трамбует. Знают... но вырываются. Видимо, подсознательно хочется хоть минутку побыть впереди.

Ну, а где мой сюиссянский мастер? Он не встроился в цепочку, идет сторонкой, сам по себе. Никто ему не трамбует воду, но никто и не диктует свой темп. Возьму-ка и я за ним. Сказал же мне тренер в последнюю минуту: «Не упускай Сюисс из виду, присматривайся, может, что и позаимствуешь». Я и сам для себя решил: «Буду сидеть у него на спине. Даже, если стряхнет, веревочку не отпущу. А на финише рвану, и посмотрим еще, кто станцует вальс».

Написал этот абзац и задумался. Надо ли объяснять, что на самом деле спортсмены не сидят друг у друга на закорках? «Сидеть на спине» — значит не отставать, держаться вплотную. «Стряхнуть» — оторваться от соперника, уйти далеко вперед. «Вальс» — это круг почета победителя. А буксирная веревочка у нас невидимая, психологическая. Если бежишь со слабым партнером, невольно сам расслабляешься; победа легкая, а время посредственное. Сильный же тебя мобилизует, тянешься за ним, стыдно отставать.

Сегодня мне повезло. Меня тянет за веревочку сильнейший из сильнейших, сюиссянский мастер, выступающий вне конкурса. Гидробег — это сюиссянский спорт. Точнее: для нас это спорт, для них быт, поскольку на планете Сюисс вообще нет суши. Мы на Земле ничего не ведали о гидробеге, пока наши космонавты не приводнились на Сюиссе. Я читал их отчеты, помню потрясение первой встречи. Вот наши сели на воду, вот улеглись волны, корабль покачивается в бурой тине, качает плавучие камыши. И вдруг из камышей выкатывается рогатая зверюга: полубык-полулось. Массивная туша, а катит, как жук-плавунец. Затем является процессия местных жителей — этакое ревю на льду: яркие мундиры, ружья наперевес. Скользят на правой, скользят на левой, перестройка, ряды сдвой! И все в танцевальной манере — плавно, изящно.

— Должно быть, вода здесь такая, сверхплотная, — сказал штурман корабля и отважно шагнул на тину. Сразу окунулся с головкой.

Потом-то ученые разобрались, в чем секрет. Вода на Сюиссе такая же, как и у нас. Но суши нет совсем: либо летай, либо плавай, либо скользи по воде. Пришлось приспособиться. У сюиссян, и зверей и людей, на подошвах особые желёзки, вырабатывающие вещество, которое усиливает поверхностное натяжение. Очень сложное вещество: тринитродиэтилдифтордибензолтетрапорфир... впрочем, все равно не запомнишь. Сейчас-то сюиссол делают на заводах, в спасательных шлюпках целые канистры мази. Но все-таки природная лучше синтетической. Нам перед ответственными соревнованиями выдают баночки мази или кусочки сюилосиной кожи. Тут уж каждый колдует по-своему. Есть рецепты для пресной воды, для соленой, солоноватой, теплой, холодной. Иные бегуны мажут подошвы на дистанции. Я этого не делаю никогда: суета и самообман. Нет уж, если стартовал — не мудри. Работай ногами.

Хитрости гидробега я знаю с малых лет: стал на воду раньше, чем этот спорт вошел в моду. Мой отец был старшим бакенщиком Морского канала, проверял автоматику на всех маяках от Васькиной деревни до Кронштадта. Чуть не самый первый сюиссол, привезенный с далекой планеты, выдали бригаде отца. Это был просто подарок для бакенщиков. Не надо мучиться, перегибаться через борт. Расстилай гидроковрик на воде, раскладывай на нем детали, свинчивай, развинчивай!

Ну вот, отец отрезал уголок от своего коврика и скроил туфли для меня. Помню, как в первый раз, замирая от страха и боясь выказать боязнь, вылез я из катера. Помню, как, привыкнув, щеголял, разгуливая между лодками в Зеленогорском заливе. С охотой выполнял поручения пляжных мам: «Мальчик, пойди к той голубой лодке, скажи моему Вите, что пора обедать». «Ты почему не тонешь, мальчик? Ну-ка покажи ботиночки». «А родители не боятся отпускать тебя одного?»

Позже, когда сенсация отошла в прошлое и гидроподошвы стали продаваться в Гостином дворе, я не оставил гидропрогулки. Выдался свободный часок — я в море. Сами знаете, на суше у нас теснотища, в городах тем более. Все застроено, пространство между зданиями забито автомашинами. А в море простор, и тишина, и вкусный воздух, чуть присоленный, если ветер с запада. Чем дальше уйдешь, тем тише и кислороднее. Правда, тут надо соблюдать осторожность. Гидроподошвы удобны только на тихой воде. Сами понимаете разницу: лед или сугробы, асфальт или вспаханное поле. Попрыгать на волнах приятно, но практически море при двух баллах непроходимо.

А сюиссянские девушки танцуют и при пятибалльном шторме. Говорят, незабываемое зрелище.

Может, и мне доведется поглядеть на эти танцы своими глазами. Для этого нужно совсем немного и очень много: выиграть сегодняшнее соревнование, оказаться самым быстрым из двадцати четырех. Даже двадцати трех, поскольку сюиссянин вне конкурса.

Могу я быть самым первым?

Я же чемпион Ленинграда как-никак.

Первый круг

Итак, рванув со старта, мы все прибились к внутренней кромке. Маршрут у нас был замкнутый, как на стадионе. Надо было четыре раза обойти вокруг Мышиного острова.

Мышиный остров — старинное название. На самом деле остров похож не на мышь, а на кен-

гуру, даже очень похож. Этакий гранитный гигант, рыжеватый на солнце, серый в тени, стоит, уткнувшись носом в материк, уши торчком, глаза намечены пещерами. Круп вздымается горбом, толстый хвост лежит на воде, и волны через него перекатываются. Вблизи, конечно, сходство теряется. И уши уже не уши, и на хребте не щетина, а сосны, и хвост разбивается на отдельные скалы.

Но все это впечатления предстартовые или послефинишные. В забеге не видишь ничего постороннего, только флажки маршрута и цветные майки соперников: зеленая — Челябинск, желтая — Баку, синяя — Днепропетровск. А где мой сюиссянин шахматный, черно-белый в клетку? И красиво же он идет! Длинное туловище лежит горизонтально, колени поднимаются до подмышек, голени так и мерят, так и мерят воду. У нас это называется «идти вприсядку». Против ветра так и положено идти, но обычно мы держим корпус выше. Сопротивление несколько больше, зато усилий вкладываешь меньше. А для сюиссянина присядка — естественное положение, за него природа все сообразила.

Итак, в цепочку он не встроился, пошел по своему графику. Видимо, сразу же решил оторваться. Ну что ж, держись, Коля-Николай, веревочка тебе подана. Заимствуй идею мастера.

Случалось вам ехать в электричке, когда по параллельному пути идет другой поезд? Оба несутся полным ходом, окна плывут рядом, кажется, руку можно пожать. Но вдруг отъезжает назад чужое окно... Вот так отъехала назад оранжевая майка, потом сиреневая, синяя, желтая.

Наконец, зеленая, челябинец. Работает что есть силы, машет локтями, как паровоз, а все равно сползает за спину.

К хвосту кенгуру мы вышли вдвоем — сюиссянин и я. Вдвоем обогнули контрольный флажок, я все держался за веревочку. На повороте краем глаза заметил: прочие отвалили, отстали метров на двадцать. И уже не зеленая майка возглавляла цепочку, а желтая. Челябинец исчерпал свой запал, его обошел бакинец. Этого я знал — способный парнишка. Пока еще молод, но в будущем году станет опасным соперником.

За каменным хвостом дело пошло труднее. Стартовали-то мы по рассветной, идеально гладкой воде. На старте себя рассматривали, как в зеркале. Но при выходе из бухты зеркало стало матовым, на нем появились разбегающиеся помутнения, первая примета возникающей волны. Дальше уже поплескивало. Тут скольжение нечистое и разворачивает тебя вдоль волны, частить приходится. Мой сюиссянин резко взял вправо, пошел ближе к материку, в подветренной тени, а потом подставил спину ветру. Я понял его расчет и тоже взял правее. Получилось толково. Но все равно разрыв увеличился. Всегда я проигрываю на волне. Не люблю суеты, честно говоря. По мелким волнам семенишь, как по шпалам. Не ты хозяин воды: волны диктуют тебе темп и длину шага.

И отстал я, и устал, и дыхание сбил. Пот проступил, в груди резало при каждом вдохе. Нестерпимо захотелось махнуть рукой на все это — на первый приз и на тинистую планету Сюисс, сбавить темп, залезть в спасательный катер. И пусть отвезут меня в раздевалку, смою там пот под горячим душем, зайду в буфет, возьму кофе с сосисками. Ну и что такого? Подумаешь, сошел с дистанции, со всяким может случиться.

Но тут же я представил себе, как мимо меня, свернувшего к спасателям, пронесутся желтый бакинец, зеленый челябинец и все прочие мои разноцветные соперники. И каждый окинет меня быстрым взглядом, сочувственно-жалостливо-презрительным. Представил себе, как снова и снова, в буфете, в автобусе, в спортзале на тренировках, придется мне твердить, что «со всяким может случиться, подумаешь, сошел с дистанции, ну что тут такого?» Я заранее покраснел, представив себе это многомесячное позорище. Нет уж, буду тянуть до последнего. Пусть в голове мутится, пусть упаду, теряя сознание, пускай вылавливают и откачивают. По крайней мере не будет сомнений. Бежал до потери сознания!

А главное, я же знал, что эта первая усталость временная. Она пройдет. Нужно только перетерпеть, дождаться, чтобы открылось...

Ну вот оно и открылось — второе дыхание.

И снова поймана невидимая веревочка. Сюиссянин идет не в фантастическом темпе, нормально идет, так и я могу. Могу и сильнее. Толчок. Толчок. Как бы подтягиваюсь за ним по канату, перехватывая узлы. Между нами пятнадцать метров... десять... семь... Ну и хватит, ближе не нужно. Полезна дистанция, если ведущий вдруг затормозит или шлепнется: такое и с мастерами бывает.

Тем более что мы подходим к самому трудному участку — к морде кенгуру. Я говорил уже, что гранитный зверь почти уткнулся носом в материк. Пролив узенький — метров десять, и весь он усеян подводными скалами, между ними надо лавировать. При западном ветре тут настоящие пороги: волны с шумом перекатываются через камни; водоросли то встают дыбом, то налипают на каменные лбы, как мокрые волосы. К счастью, сегодня ветер береговой, почти все скалы обсохли. Кроме того, для нашего удобства на них расставлены мальчишки-болельщики, будущие мастера гидрокросса. Вот между этими живыми маяками и нужно пройти в темпе. Левее — правее — еще правее — круто влево — перескок — перемена ноги. Почти что акробатика, даже, можно сказать, балет на воде. Танцы на льду видели? Примерно то же самое, с той разницей, что вокруг скалы.

Сюиссянин мой шел безупречно, просто загляденье. Казалось бы, незнакомый фарватер, но у него чутье какое-то было, что ли... Или сквозь воду он видел. И я лишний раз похвалил себя за то, что не выскочил вперед.

Повторяя все пируэты сюиссянина, я вылетел на гладь бухты.

Вылетел в великолепном настроении. И потому, что пришло второе дыхание, и потому, что веревочки я не потерял. И главное, потому, что мой тренер, дядя Троя, стоявший на последней скале, успел крикнуть:

— Хорошо прошел. Не сдавай!

Он, правда, добавил еще: «Хуже на три секунды». Это означало, что мой главный соперник, москвич Вася Бойков, в своем забеге прошел на три секунды быстрее. Но на такой дистанции три секунды — пустячок, три секунды я шутя отберу у Васи.

А пока я хорошо прошел. Так сказал дядя Троя.

Буква Т

Сейчас речь пойдет о дяде Трое. Рассказ этот тоже назван «ТРОЯ». Сейчас объясню, почему.

Впрочем, прежде чем говорить о дяде Трое, нужно еще познакомить вас с одной девочкой, моей соседкой по парте. Была она веснушчатая и вся какая-то взъерошенная: косички торчком, курносый нос торчком, вихры на лбу торчком, даже ресницы и те торчали. Выглядела как драчливый воробьишко. Она была ростом чуть выше моего локтя, но ухитрялась смотреть сверху вниз. И любимым словом ее было «по-о-думаешь!». Раз навсегда она решила ничему не удивляться. А мне так хотелось услышать ее восхищенное: «Надо же!» Мне хотелось быть в ее глазах взрослым, грубовато-мужественным, бесстрашно-отчаянным.

Увы, я был заурядный, нескладный подросток, длинноногий, длиннорукий акселерат. А тощие, длиннорукие не в ладах с турником и брусьями, висят на снарядах макаронами, дергаются, вызывая смех, а не восхищение.

Но вот однажды, в мае, накануне экзаменов, нам вдруг выдают синтетические подошвы, ведут в бассейн на улице Горького и предлагают сдать нормы. Кто-то вообще плавать не умеет, скучает на трибунах. Кто-то ступил на воду косо и сразу нырнул с головой. А нескладный Коля сегодня — бог и царь! Он — «Коля-покажи», он — «Коля-помоги». И не без удивления физкультурник говорит мне: «В воскресенье пойдешь на районные соревнования».

— По-о-думаешь! — сказала вихрастенькая, глядя на меня сверху вниз. — У тебя отец — бакенщик, ты с детства на гидроподошвах. А в районе будешь последним: там таких навалом.

Если бы не она, не пошел бы я на районный гидрокросс, воскресенья жаль. Но уж очень хотелось мне доказать, что не навалом таких, как я, что не только сын бакенщика, но и сам по себе стою чего-то. Всю неделю бегал я по Малой Невке и по Большой, тренировался. И занял третье место по району. А когда я взбирался на пьедестал, услышал, как за моей спиной сказали: «Это талантливый парень, перспективный».

Перспективный! Так-то!

— По-о-думаешь! — сказала курносая. — Небось, там все новички были, такие же тепы, как в нашем классе.

Значит, третье место по району это «по-о-думаешь»? А что ты скажешь, когда я буду первым? И не только в районе.

И я подал заявление в спортивную школу.

Спесь с меня слетела в первый же день, когда, сидя на трибунах против малахитового прямоугольника, с опаской поглядывал я на своих будущих соучеников-соперников. Все длинноногие, все талантливые, все перспективные, все рвутся в чемпионы. На что я надеюсь? Что вообразил о себе?

Вышел к нам тренер, могучий, грузноватый мужчина в майке, туго натянутой на мускулах, вышел и сразу же заговорил именно о том, что смущало меня.

— Давайте знакомиться, кузнечики, — начал он. — По метрике я Трофим Иванович, а за глаза зовут меня дядя Троя, можно и в глаза, не обижаюсь. Зовут так, потому что весь сезон буду вам твердить о четырех буквах: Т, Р, О и Я. Запоминайте сразу.

Т — это Талант. Вы все таланты, кузнечики, так вас и отбирали — за талантливое телосложение. В каждом виде спорта свои требования. Баскетболисту, например, нужен рост, верхние мячи в корзину класть. Борцу-боксеру полезен вес; жокею вес вреден: лошади лишний груз. Спринтеры — чаще коротконожки, им надо ногами быстро перебирать, а для рекорда все имеет значение, даже короткий нервный путь — от мозга к ступням и обратно. Наш гидробег завезен с Сюисса, вы и должны быть похожи на сюиссян, кузнечики: жира ни капли, жилы и кожа, тощие руки, длинные ноги. По ботинкам подбирал я вас, братцы. И пока гордиться вам нечем, можете не смотреть друг на друга свысока. Все вы тут таланты. Но Т — это только первая буква в слове «Троя». Т — это право на старт. К финишу же придет тот, у кого все буквы будут полновесными: Т,Р,О,Я.

Р, как вы догадываетесь, — это Работа. Ни дня без пробежки. Пробежка в жару, пробежка под дождем, под мокрым снегом, утром или вечером, в полдень или в полночь, под солнцем или в тумане, но два часа в день вы должны быть на Неве. Р — это, кроме того, Режим! Я распишу ваш день по минутам, я распишу ваш завтрак и обед по граммам. Ни капли жира. Имейте в виду, Р — главная буква для вас, кузнечики. По букве Т я вас отобрал, теперь вы сами себя отбираете по букве Р.

Уходя из бассейна в тот день, я уже без робости оглядывал соперников. Да, я не лучше других, всем нам досталась буква Т. Но Р в моих собственных руках.

Буква Р

Р! Р! Р! Я проявил рвение. Только работа, только режим. Я завел себе весы, напольные и настольные; настольными контролировал

граммы съеденные, напольными — набранные. Взвешивал перед завтраком ломтики хлеба и колбасы, вызывая смех сестер и ужас матери. Вставал на рассвете и в любую (в любую!) погоду, в трусах или в свитере, скользил по Неве, стеклянной, мутной или рябой, в оспинах дождя.

Р! Р! Р! И пошли от буквы Р Результаты. В начале июня я был предпоследним в своей группе, в конце августа занял второе место по Ленинграду.

— По-о-думаешь! — сказала веснушчатая, когда мы встретились 1 сентября. — Второе место? Не первое же!

Но как-то не было уверенности в ее традиционном «по-о-думаешь!». Даже оттенок уважения слышался.

Осенью дело пошло труднее. Рвение мое не уменьшалось, но расписание дяди Трои пришло в столкновение с учебным. Я соблюдал правило «ни дня без пробежки», но жертвовал школьным «ни вечера без занятий». И все чаще приходилось мне маяться у доски, тупо глядя на какую-нибудь усеченную пирамиду. Ничего я в ней не усекал, ничегошеньки...

Под Новый год было зимнее первенство. Специально для нас на каток наливали воду, подогревали ее, чтобы морозцем не прихватило. Не так много пришло нас из летней группы, только самые ретивые. В общем, поднялся я на ступеньку номер один.

А потом, когда я полеживал в раздевалке, горделиво подставляя массажисту свои призовые ноги, подсел ко мне дядя Троя. Я заулыбался во весь рот, готовясь принимать поздравления.

— Так что у тебя в табеле? — спросил он.

— Мать нажаловалась?

— Сам справился в школе. Всегда справляюсь.

Загнанный в угол, я произнес страстную и демагогическую речь о том, что у людей бывают разные способности. Лично я не собираюсь стать математиком, и голова у меня не резиновая, незачем впихивать в нее усеченные пирамиды. Я не дурачок, рисую, люблю читать, люблю природу и спорт. Спорт — тоже призвание, спорт — полезное и почетное дело. О чемпионах пишут книги, ставят фильмы. Значит, чемпионы — люди нужные.

— И ты хочешь быть чемпионом?

— Да, хочу! — сказал я с вызовом. — Разве это неспортивно?

— Нет, почему же, можно хотеть, стоит. Но надо глядеть вперед. У чемпионов горькая судьба. Они восходят на пьедестал молодыми и сходят молодыми. Поначалу тебя ценят за юношескую свежесть. А потом юноши мужают, становятся сильнее, грузнее — и сходят. Бегуны — годам к тридцати, борцы-боксеры — около двадцати пяти. Рекорды по плаванию девушки ставят до двадцати. Легко ли в восемнадцать греметь на весь мир, а в тридцать взывать: «Товарищи, напрягите память, когда-то мое имя было во всех газетах!» Вот и наш гидробег — подростковый спорт. Лучшие показатели у шестнадцатилетних. Потом прибавляешь килограммы, оседаешь на миллиметры — и пропали твои километры! Все. Живи воспоминаниями.

Он помолчал и закончил жестко:

— С 15 февраля — сборы на Красном море. С тройками не поедешь. Понятно?

Буква О

Я впервые попал в тропики. Что меня потрясло? Палитра. Яркость красок. Разгул красок. Буйство красок.

Для меня, северянина, «синее море, синее небо» были литературными выражениями, условными образами.

Я был уверен, что синего неба не бывает в природе. Небо может быть белесым, сизым, в солнечный день оно чуть тронуто голубизной. Его акварелью надо писать, краску разводить пожиже.

На юге же небо было откровенно, бесстыдно синее, грубо синее, как на плохой открытке. А вода прозрачная: до сих пор я думал, что вода прозрачна только в стакане. Мы ходили между островами, как по крыше аквариума. Под ногами вставали ноздреватые рифы, кораллы — желтые, серые, красные, фиолетовые. И на каждом рифе — клумба: водоросли всех цветов, темные комочки морских ежей, актинии — хищные подводные астры, морские звезды — бывшие цветы, удравшие со стеблей.

Впрочем, все это пояснения для художников. А я ни разу не брался за кисти на Красном море. Некогда. Режим. Работа. Расписание. Шесть часов тренировка, шесть часов — уроки. Р! Р! Р! А по выходным соревнования — то на базе у голландцев, то на базе у шотландцев.

Вот там, на международных встречах, и начал я осваивать третью букву дяди Трои.

Буква О. Опыт, ум спортсмена. Да, ум! Я вообще не знаю спорта, где не требуется соображать. Недавно я разговорился с одним борцом. Казалось бы, что ему нужно: мускулы, вес, силища медвежья. Схватил противника и дави. А услышал я вдохновенную лекцию о борьбе за центр тяжести. Оказывается, мешок с опилками труднее перевернуть, чем живого человека. Мешок безразличен, а человек сам помогает тебе, если ты завладел его центром тяжести. Вот и хитри, поддевай этот центр. А я-то думал: сопи и дави, как медведь.

Между прочим, тот борец учился на инженера. Так и сказал: «Думаю о будущем. Костеборцу с каждым годом цена все меньше, Косте-инженеру — все выше».

О чем приходится размышлять у нас в гидробеге?

Прежде всего о распределении сил. Бежишь на дальнюю дистанцию, работаешь минут двадцать. Но двадцать минут подряд бежать с максимальным напряжением сил человек не спо-



собен. Значит, мысленно делаешь раскладку: выбираешь средний темп на всю дистанцию, оставляешь запас на рывки. Новички обычно переоценивают себя: начинают резво, к середине «сдыхают». Старички склонны к недооценке: резерв приберегают, рвут финишную ленточку, когда сил полно, а время так себе.

— А мне вы за финишем не нужны,— твердил дядя Троя.— С букетом я и без вас станцую.

Еще сложнее оценить соперника. Ты должен уверенно знать, что он может и чего не может. Если заранее не распознал, почувствуй в борьбе, навяжи свою волю. Пусть бег пойдет, как тебе удобно, а ему всего труднее.

Как это делается? Вот я, например, «маятник». Так называют у нас бегунов, которые не любят менять темп. Раскатился и пошел-пошел-пошел, вся дистанция в одном ритме. А москвич Вася — не «маятник», а «дергун»: рванет и отдыхает, рванет и отдыхает. Чем берет такой «дергун», к чему стремился бы такой Вася, попав со мной в пару? На старте вырвался бы, повел. Я, конечно, пристроился бы к нему в затылок. Тогда Вася начал бы замедлять ход, придерживая меня. Я почувствовал бы, что темп не мой, нажал бы, чтобы снова обогнать его. Но Вася снова рванул бы, вышел бы вперед, чтобы замедлить бег. Его рывок — мой рывок — его рывок — мой рывок. И вот он, «дергун», навязал мне, «маятнику», свою волю. Я выдыхаюсь.

А какая тактика у меня? Мне надо оторваться от него на старте, уйти далеко вперед, даже силы вложив лишние, так чтобы всю дорогу он видел мою спину. Пусть рвет, но не достает, рвет, но не достает. И если сразу не достанет, «сдохнет», потому что он не «маятник», не способен на долгое равномерное усилие.

К счастью, сегодня все это не играет роли. Вася закончил свой забег, время его известно. Первый круг он прошел на три секунды резвее. А вот второй — на двадцать четыре.

Буква Я

Первый круг — на три секунды резвее, второй — на тринадцать. Мне бы забеспокоиться, но заворожил меня клетчатый. Иду в его темпе, не отстаю от мастера, жду, когда он предложит рывок, тугой воздух для меня начнет резать. Отрываюсь... и ловлю веревочку, опять ловлю. Скалы прошел, смотрю на дядю Трою...

— Двадцать четыре проиграл!

Двадцать четыре! Не может быть! Это же катастрофа!..

— Я! Я! Я! — кричал мне дядя Троя вслед.

Я — последняя буква в его прозвище, Я — последняя надежда проигрывающего, последняя ставка спортсмена, если равны Т, Р и О. Если все одинаково, остается сопоставить Я — Ярость бойца.

Мне оставалась спортивная злость. Я злился на самого себя. Я всегда злюсь на себя, говорят, это сравнительно редкое свойство. Но что мне Вася со своей птичьей головкой, что мне клетчатый сюиссянин, который плясал на волнах еще на руках у матери? Своим, своим темпом мне надо было идти, своим, своим умом жить! Тоже мне чемпион — в подражатели записался! А сам о чем думаешь? Голова у тебя для чего? Может, тебе и ногами двигать неохота? Двадцать четыре секунды отдал! А ну, давай-давай, давай работай!

Наэкономил силы — выкладывай теперь, голова садовая! Выкладывай, за ленточкой твои резервы ни к чему. Еще сильнее, еще, еще!

Давай работай. Нечего добавить к этому слову! Второй круг весь у меня перед глазами: тени, оттенки, блики, хоть сейчас рисуй. Третий круг помню логически: о чем на каком этапе подумал. От четвертого осталось только одно: непрерывное напряжение. За три километра до финиша начал финишировать.

Сюиссянина я сразу же потерял из виду и оборачиваться не стал: не с ним спор, с секундами. Уж не знаю, сидел он у меня на спине, держался ли за веревочку.

Шлепнулся я все-таки на волнах, заспешил, не на тот гребень прыгнул. Упал, но и сидя ехал по инерции. Исхитрился, оперся спиной на волну, взмахнул руками, выпрямился. И поймал равновесие. Бегу!

Перед проливом я не стал тормозить. Прошел все повороты на полной скорости, никогда так не рисковал. Но при высоком темпе и движения были точнее, да и голова работала лучше. Не на шаг, на четыре шага вперед я рассчитывал все движения: левой — правой — мах — разворот — перескок... И рассчитывал и подавал себе команду в нужную долю секунды. Последний прыжок. Все. Простор.

Дядя Троя уже не стоял на привычной скале. Ушел. Перед финишной прямой подсказывать поздно. Осталось метров пятьсот до ленточки. Я слышал нарастающий рев, выкрики, трещотки, чье-то визгливое: «Коля, давай, милый!» Чему они рады? Что я обогнал этого клетчатого гастролера? Не в нем же суть. Секунды решают! Секунды!

Пригнулся, корпус несу горизонтально, иду чуть ли не вприсядку. Зажимает дыхание? Ничего. Кто же бережет дыхание на финише! Дух хочется перевести, силенок нет, лентяй несчастный? А ну давай, давай, работай, ручками-ножками, ножками-ручками!..

Рокот голосов нарастает. Всплеск... и вздох. Порвал ленточку! Ура! Ура-рара!

Еще толкнувшись раза два по инерции, медленно распрямляю спину и разворачиваюсь лицом к берегу. Оглядываюсь не спеша. Старательно размахивая руками, спешит к финишу следующая фигурка. Не клетчатая, желтая. И бакинец обогнал сюиссянина.



Мне кричали «ура», кидали цветы на воду, щелкали на пленку, корреспонденты совали микрофоны в лицо, а я думал только об одном:

«Сколько секунд, сколько же секунд?» И поскорей, поскорей удрал в раздевалку, сел в темный угол, ноги положил на скамью, головой чуть покачивал, чтобы волнение унять. Ах, не выложился! Есть еще силы головой качать.

Минуты через две дядя Троя откинул полу палатки. И нечего было спрашивать, результат был написан на его лице.

— Проиграл четыре секунды,— сказал он хрипло.

Я опустил голову. Сам виноват. Зачем держался за веревочку?

— Это я виноват,— сказал дядя Троя горестно.— Сбил тебя с толку. «Сюиссянин, космический мастер, приглядывайся, перенимай». А он, заморский заморыш, еле до финиша дополз. Говорит: «Кислорода мало на вашей планете». Ну и бегал бы с кислородным баллоном. Представляешь, какие результаты мы покажем на Сюиссе?

Я тяжко вздохнул: «Мы покажем». Меня-то там не будет...»

— И нечего киснуть,— буркнул дядя Троя.— Финишировал ты великолепно, сделал больше, чем мог. Шутка ли: двадцать секунд отыграл на старте. Ну уступил четыре секунды, со всяким может случиться. На следующий год полетишь на Сюисс. Характер есть у тебя, полновесная буква Я.

После финиша

Но на Сюисс я так и не попал. Осенью я потерял форму: плечи раздались, грудная клетка развернулась, кости стали тяжелеть. Я начал прибавлять килограммы, оседать на миллиметры... и терять километры. Увы, для гидробега обладатели паспорта — переростки.

Испытал я в полной мере то, что предсказывал дядя Троя: всю горечь отставки в шестнадцать лет. Герой прошлого сезона! Почетный ветеран! Мальчишки смотрят на тебя с уважением на старте и снисходительно — на финише. Обгоняют непочтительно.

Промучился я лето и... расстался с дядей Троей. А впрочем, нет. Всегда он будет со мной.

Куда бы ни подался, всюду начнут с проверки: «А есть ли у тебя Т — талант к нашему делу? Т — для старта. Потом ежедневно Р. работа, работа. Постепенно наберется О. И тогда уж вкладывай Я со всей страстью».

И если вам не нравится боевое слово «ярость», если выражение «спортивная злость» кажется грубым, назовите это иначе, назовите «требовательностью к себе». «Да что же ты, мое «я» отстаешь от других «я»? Такие же люди, но они могут, а ты не можешь. А ну-ка, возьми себя в руки, мобилизуй каждый мускул, каждую извилину!»

И мобилизуй своевременно! Как говорил дядя Троя: «После финиша ты мне не нужен». Никого не интересует, что ты сделал бы, если бы работал в полную силу, что ты вспомнил после экзамена.

Выкладывайся, пока не сошел с дистанции, все выкладывай: Т, Р, О и Я!

Ну вот, кончаю я школу, выхожу на дистанцию жизни. Какие покажу результаты? Все зависит от меня, от кого же еще?



Игры Лупы и Пинцета



Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ



Отправляйтесь за добычей,
Отыщите семь различий.
Докажите, что у вас
Самый острый в мире глаз.





Капитан Перо ищет помощника







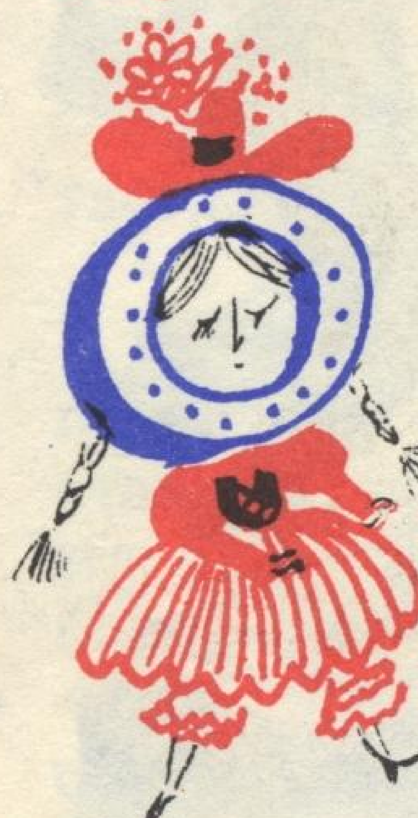
Резинки передали мне записку Карандашей. Помогите найти ключ к шифру. У меня пока ничего не получается!

Капитан Перо.

Игры деда Буквоеда

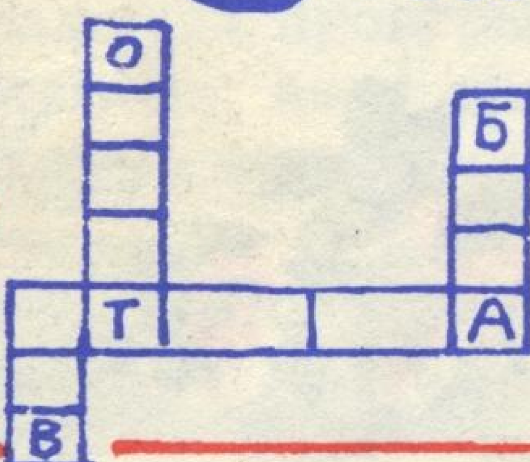
Из пословицы в кроссворд





Вот задача непростая
Для смышленых лучший спорт.
Надо буквы переставить
Из пословицы в кроссворд.
Все обдумайте и взвесьте:
Шесть уже стоят на месте!

В тесноте да не в обиде











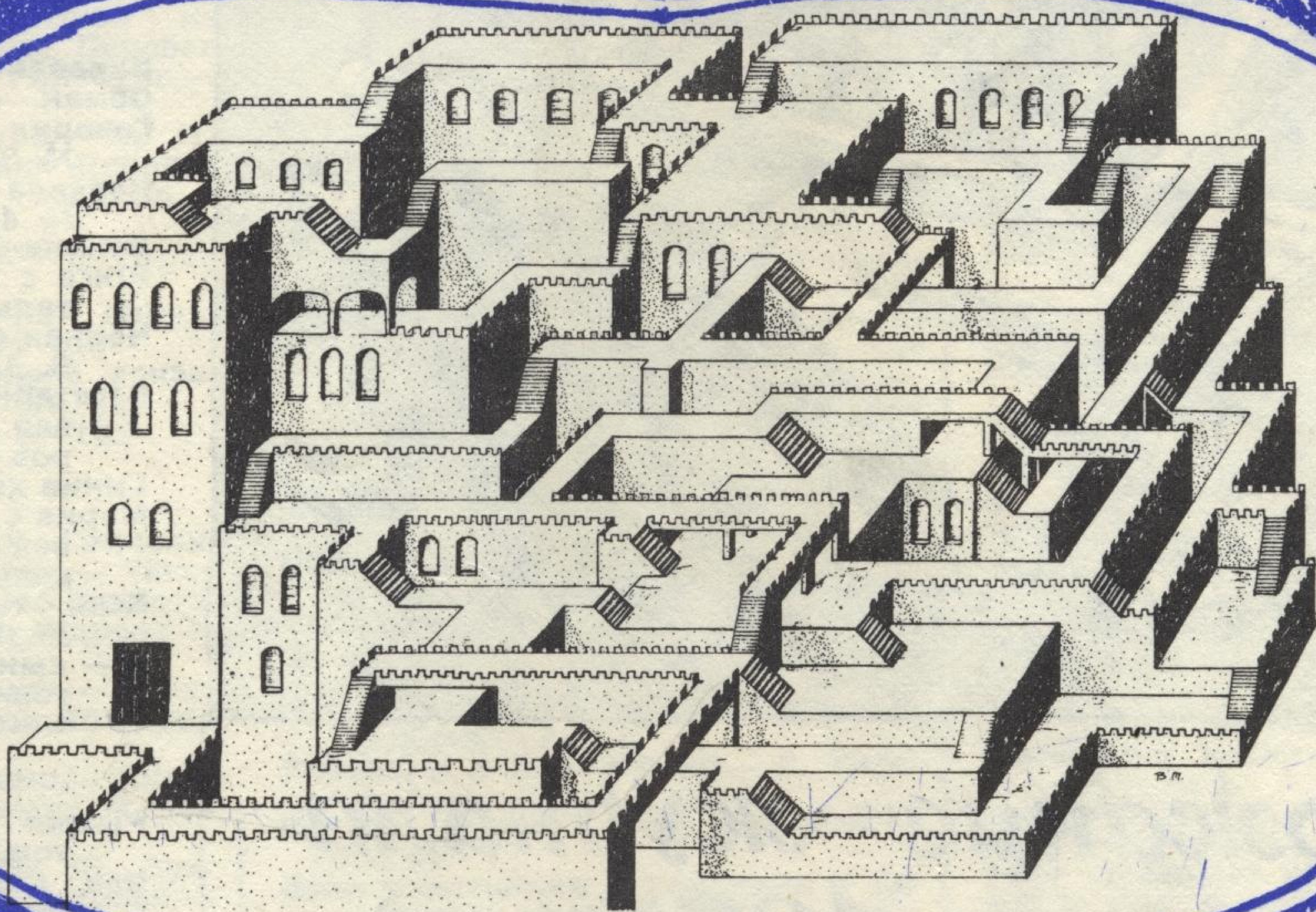
ОТВЕТЫ УМА ПАЛАТЫ ИЗ № 11

Игры Деда Буквоеда — солонка, столкновение, небосклон, сложение, сплоченность.

В МАРКЗАИКЕ должны быть марки следующих стран: Афганистана, Анголы, Греции, Бельгии, Японии.

На конкурс «Аллигатора» все ребята ответили правильно.

СПУСКАЙТЕСЬ ВВЕРХ!



Жил-был когда-то в Испании толстый-претолстый король. Ужасно хотелось ему оглядеть свои богатые владения с высоты королевского замка, но толстяк не мог одолеть и трех ступенек лестницы. Вот однажды вызвал он своего главного архитектора и говорит: «Построй новый замок! Чтобы я из своих покоев попадал на верхнюю балюстраду, не поднимаясь, а спускаясь по лестницам».

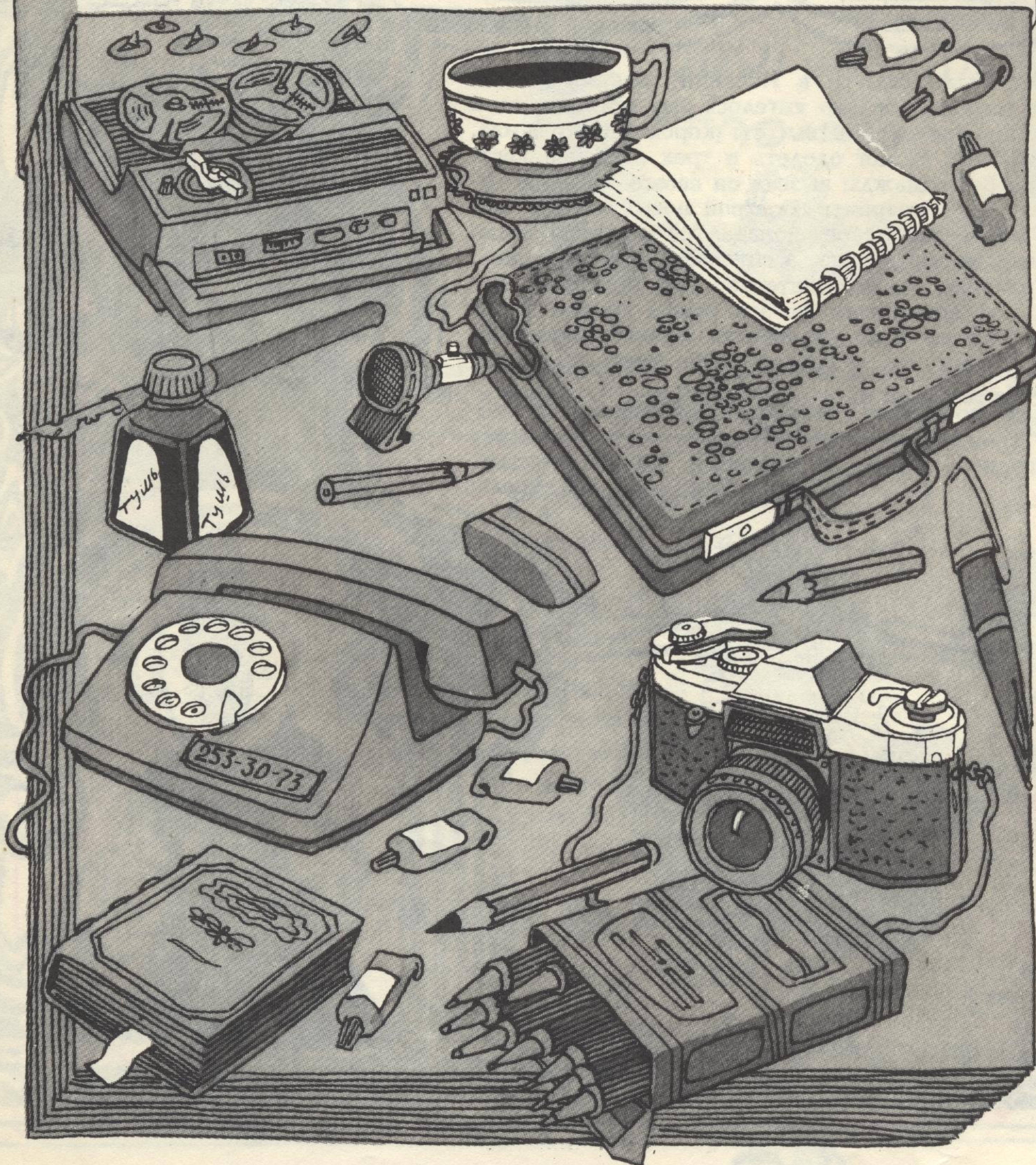
Три года бился архитектор над проектом. Король от нетерпения за это время сильно похудел, уже не было надобности строить новый замок, и рисунок с видом этого замка отдали в музей.

Как, по-вашему, справился архитектор со своей сложной задачей? Начните путь от ворот «Западной башни» и отдохните на ее вершине.

Живживка.



Содержание журнала «Пионер» за 1977 год



ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

СКАЗКИ

СТИХИ

В оформлении «Пионера» принимали участие художники: А. Аземша, Ю. Алексеева, П. Багин, Н. Барбоченко, Э. Беньяминсон, Ю. Бондаренко, А. Борисов, А. Вовикова, Е. Гладикова, А. Гришин, Б. Гуревич, Н. Доброхотова, В. Дудкин, О. Зуев, Ю. Карпова, В. Костицин, И. Красулин, Б. Кыштымов, Т. Ларионова, Ф. Лемкуль, Н. Маркова, Е. Медведев, В. Мельник, С. Остров, П. Панченко, Ю. Пожарская, Ю. Родин, Н. Тодоров, С. Трофимов, И. Урманче, Ю. Черепанов, Е. Шабельник, С. Шехов, Б. Шолохов.

Фотокорреспонденты:
А. Абоза, А. Бочинин, В. Гусев, М. Доронин, Б. Задвиль, А. Корниенко, М. Крутоярский, Ю. Леонов, С. Лидов, Н. Маторин, П. Надеждин, В. Опалин, В. Павлов, В. Постников, А. Сафонов, Е. Успенский, М. Штейнбах.

Решения заданий Пешкина

Диаграмма № 2. Единственный ход, при котором черные не получают мат — 1...Лg6—c6, развязывая ладью b7, которая теперь может взять слона h7.

Диаграмма № 3. В позиции диаграммы у черных девять пешек, а это невозможно. Надо убрать любую из пешек, и тогда станет возможным мат в один ход.

Диаграмма № 4. После появления на c8 и перевода на e7 белого коня черным остается только топтаться на месте, играя либо Лh8, Лg8, либо Крh8, Крh7. Коня на h7 черным перевести не удается. Подумайте сами, почему.

В решении поэтому покажем только ходы белых: I...c8К2. Ке7 3. КРg2 4. Кр:h1 5. Крg2 6. Крf3 7. Кре4 8. Крd4 9. Крc5 10. Крb6 11. Крc7.
Если сейчас 11 ...Крh8, то 12. Крd8 Кh7 + 13. К:g8 Кр:g8. 14. Кр : d7 Крf8 15. Крc8 К:g5 16. d7 Кf7 17. d8ф + +К:d8 18. Кр:d8 g5 19. Крd7 Крf7 20. Крd6, и белые выигрывают.

Анкета «Пионер»—77

Ты уже получил последний в этом году номер журнала? Возьми все двенадцать номеров, не спеша просмотри их и ответь на наши вопросы.

для клея

1. Что подсказал тебе журнал в работе звена, отряда? Чем помог? ____________

для клея

2. Какие рассказы, повести, стихи и очерки тебе понравились? Какие из них вы обсуждали у себя в звене, в отряде? ____________

3. Какие разделы журнала помогли тебе в учебе? ____________

линия отреза

4. В каких конкурсах и викторинах ты принимал участие? Какие конкурсы ты предложил бы сам? ____________

5. Рисунки каких художников, какие фотографии и обложки каких номеров тебе понравились? ____________

6. Скажи откровенно, мы не обидимся, что тебе НЕ ПОНРАВИЛОСЬ? Что показалось трудным? ____________

для клея

для клея

Не забудь написать свое имя и свою фамилию, сколько тебе лет, в каком классе ты учишься и свой домашний адрес. ____________

Ответы отправь НЕ ПОЗДНЕЕ 12 февраля.

Напиши здесь, о чем ты хочешь прочитать на страницах журнала в новом году.



для клея

для клея

линия сгиба

линия сгиба

линия сгиба

101459

101459, ГСП-4, г. МОСКВА, А-15,
Бумажный проезд, д.14, 11-й этаж,
ЖУРНАЛ «ПИОНЕР»

для марки



СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (редактор отдела оформления), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1977.

Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.**
Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24/IX 1977 г. А 02145.
Подписано к печати 27/X 1977 г. Формат 84×60¹/₈.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2658. Заказ № 1180.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КОНКУРС ЭМБЛЕМ ПИОНЕРСКОГО ЛАГЕРЯ «ОКЕАН»



МОСКВА — ВЛАДИВОСТОК — «ОКЕАН»

Эти рисунки прислали читатели «Пионера» на конкурс эмблем лагеря «Океан» и двух его дружин — «Бригантины» и «Паруса».

Жюри больше всего понравился эскиз эмблемы «Океана», который предложили две подруги — **Оля Заброскова** и **Наташа Парамонова** из города Рустави, Грузинской ССР. Они получат приз нашего журнала.

Веселого «океанского» кита нарисовала **Наташа Коваленко** из поселка Кирово Донецкой области. Киту так понравилась бухта Емар, что он решил остаться в ней навсегда. Наташа предлагает один из отрядов юных моряков назвать «Кит».

«По морям, по волнам» мчится парусник **Саши Сазанова** из Арзамаса. Он уверен, что многие ребята, побывавшие в «Океане», полюбят парусный спорт или научатся делать модели кораблей.

А **Олег Колозуев** из поселка Фортштадт Челябинской области нарисовал солнце. Он написал: «Пусть над «Океаном» будет такое же веселое солнце, которое светит нам в «Артеке».

«Парусник» **Люды Диановой** из города Свободный Амурской области, кажется, вот-вот причалит к берегу, и целый пионерский отряд сможет отправиться на нем в путешествие.

А бригантина **Лены Кузьминой** из города Северодвинска Архангельской области уже подняла паруса и взяла курс к берегам Уссурийского залива, к «Океану». «Нас, пионеров Севера, эта стройка очень радует,— пишет Лена.— Мы, пионеры семьдесят седьмого года, конечно, отдыхать в нем уже не будем — станем комсомольцами. Но наши младшие братья и сестры будут там отдыхать и радоваться солнцу и синему океану».

«Я не художник и нарисовал, как умею. Мне хотелось быть полезным стройке нового Всероссийского лагеря»,— так написал про свою эмблему **Витя Макаров** из совхоза «Степной» Челябинской области.

«Хорошо бы паруса бригантины и горн стали символами лагеря «Океан»,— предлагает **Миша Руденко** из села Соловьевка Приморского края.— Под звуки горна взвиваются флаги на флагштоках, и ребят, которые вернутся из плавания, тоже будут встречать сигналы горна».

Н. БЕЛОВ

Журнал «Пионер» благодарит всех ребят, приславших эскизы своих эмблем, которые отправляются по маршруту: Москва — Владивосток — «Океан».

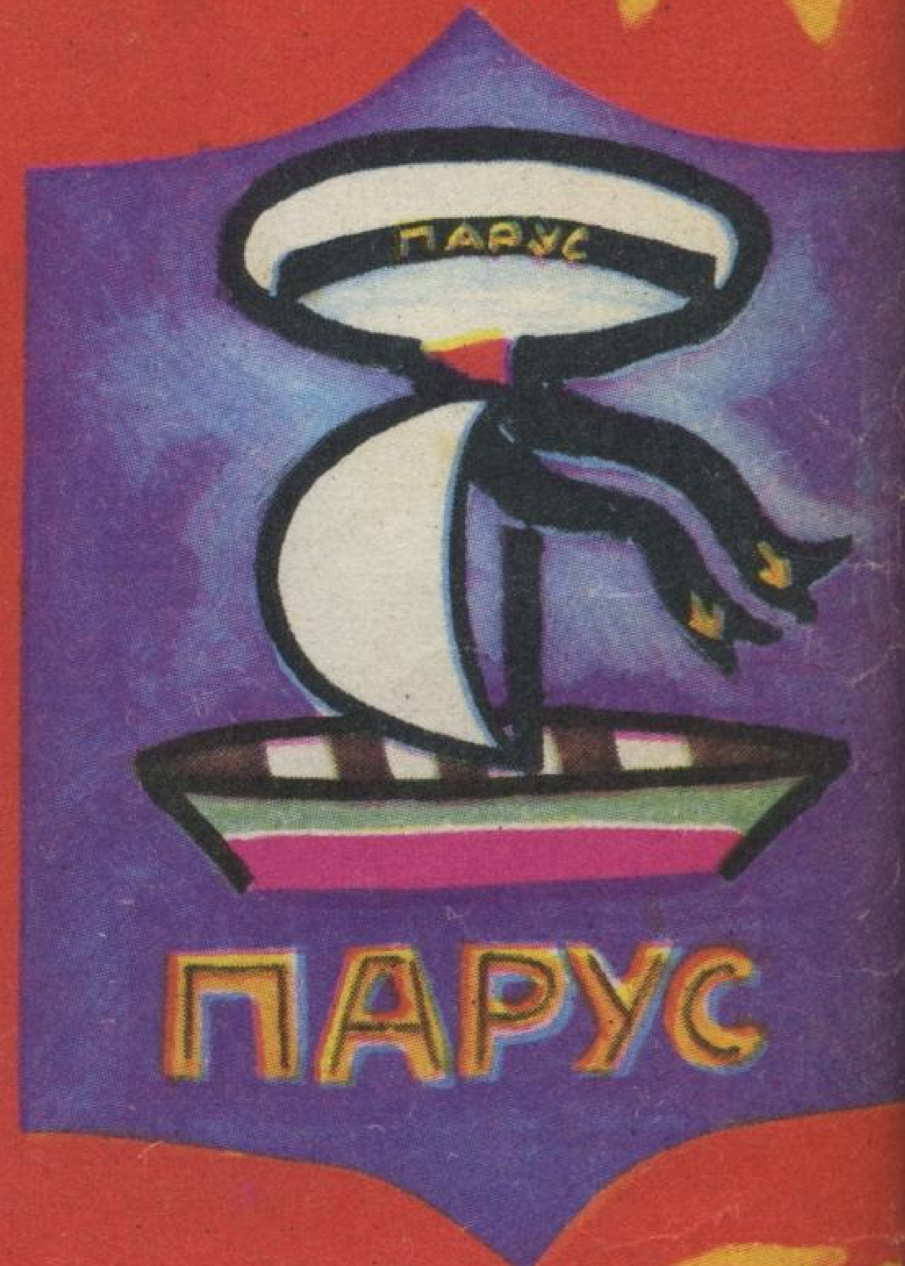


















Цена 25 коп.
Индекс 70694